INSPIRIA

18+

ПТИЦА СКОРБИ

МУБАНГА КАЛИМАМУКВЕНТО

INSPIRIA

Птица скорби
Мубанга Калимамуквенто

Аннотация
Мубанга Калимамуквенто. Птица скорби
Благодарности
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23

Аннотация

Премия Динаан за дебютный роман!

Действие «Птицы скорби» разворачивается в Замбии 1990-х, на фоне неудавшегося военного переворота, предвыборных беспорядков и экономического кризиса.

Когда у одиннадцатилетней Чимуки неожиданно умирает отец, становится ясно, что их, казалось бы, обычная семья полна тайн, которые не принято обсуждать даже среди взрослых. От матери и детей отворачиваются родственники со стороны мужа. Хотя она и пытается держаться на плаву, через какое-то время принимает роковое решение, которое вынуждает Чимуку и ее брата Али искать спасения на самых темных улицах Лусаки. Им предстоит научиться выживать в опасном мире, где царят жестокость и насилие.

Это одновременно и трагичная история семьи, и национальный портрет Замбии в период, когда страна отвернулась от нескольких поколений своих детей.

«Смелый, чуткий… и острый, как бритва… таков стиль письма Калимамуквенто,

которым она обличает и утешает, сплетая выдающуюся историю из общих тайн». – Sunday Times

Мубанга Калимамуквенто
Птица скорби

Mubanga Kalimamukwento
THE MOURNING BIRD
Copyright © Mubanga Kalimamukwento, 2019
By agreement with Pontas Literary & Film Agency
© Чулкова С., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Посвящается моей матери, Рашели Хоуп Банде

Благодарности

Спасибо Вселенной, что услышала мою глупую мечту, которую я лелеяла на протяжении двадцати лет.

Огромная благодарность Джакане, что поверила в меня.

Спасибо Кэти Босман за то, что прониклась моим видением книги и произвела магические действия над её черновой версией, которая правда никуда не годилась. Я в вечном долгу перед редакторами, что бились над моим текстом, терпели мои глупые возражения и помогли вырасти до более или менее приемлемого автора. Амос, Чилуфья, Камфорт, Капая, Линетт, Мейбл, Мартина, Мел, Муленга, Ти Джей, Олукунья — ох и намучились вы со мной.

Луиза, Ирэн, Мвамба, Иветт, Ольга и Чулва — спасибо, что поделились своими грустными историями, которые я использовала в своей книге. Спасибо Анастасии, Чипо, Джоане, Лозинте, Мвиинге, Мвиле и Пришес — вы, как и я, выросли в Замбии и вдохновили меня на написание собирательной истории о девочке Чимуке.

Уважаемый доктор Ламек Банда из города Петауке, ведь это вы рассказали мне притчу о птице скорби, которую я и поставила в название книги. Низкий поклон вам за это. Дорогой Джафет, простите, что вылила на вас столько слёз, но всё же я умудрилась сдать рукопись за три дня до дедлайна.

Свет очей моих, мои дорогие сыновья Мунга и Лусубило, ваше рождение помогло залечить все раны прошлого. Ндалумба![1]

[1] Сноски: 1
Спасибо! *(тонг.) (Здесь и далее — прим. переводчика.)*

Глава 1

— Как прилетит сова и сядет на дерево, тотчас же гони её прочь от нашего дома, — сказал отец.

— Но почему, Тате?[2] — спросила я.

— Потому, — кратко изрёк отец. Он нагнулся, набрал пригоршню камешков и стал кидать их в сторону крылатой пророчицы. Там, в темноте, на ветке авокадо примостилась подслеповато мигающая сова, которую я, конечно же, не видела.

— Когда ухает сова — это плохая примета, — объяснил отец. — Ночью они пророчат смерть, а поутру нам приходится скорбеть по кому-то из наших близких.

Камень попал в цель: воздух взорвался хлопаньем крыльев, вырывая Нортмид[3] из вечерней сонливости. Где-то на улице ещё кричали зазывалы, собирая ночных пропойц, желавших приложиться к пиву.

Напуганная невесёлыми словами Тате, я зябко

---

[2] Сноски: 2

Тате — «отец» на языке лози. В дальнейшем используются слова и фразы языков банту (в основном лози, тонга, ньянджа).

[3] Сноски: 3

Нортмид — район в г. Лусака — столице Замбии.

поёжилась и поспешила в наш маленький саманный домик, где уже крепко спал младший братец Али.

Но всё это было давно, ещё когда Тате был достаточно силён, чтобы выбегать во двор и швыряться в сову камушками.

В ночь, о которой идёт речь, сова ухала до самого рассвета, не давая мне уснуть. Дождь барабанил по оконному стеклу, и сквозь зазор меж занавесок я видела, как из-за тёмного облака выглянула луна. Потом дождь закончился, всё замерло, а птица скорби всё продолжала ухать, словно спрашивая: «Кто? Кто?» Ответом был лишь храп Али. «Кто? Кто?» — не унималась птица, её голос преследовал меня. И тогда я приникла к закрытому окну, чтобы взглянуть на неё. «Кто?» — снова спросила сова. И тут наши глаза встретились. Мои — светло-коричневые, что довольно странно для девочки африканского происхождения, а её — круглые, светящиеся, подслеповато мигающие. *Какая красивая*, — подумала я, но тут же вспомнила о предостережении Тате. Я тихонько пробралась обратно к кровати: скрип пружин под тонким матрасом нарушил тишину дома. Я всё лежала и ждала, что вот сейчас родители выйдут на улицу и прогонят сову. Тате станет кидать в

неё камешки, а мама будет бормотать молитву, вознеся глаза к небу. «Да не сразит нашу семью ни одно оружие, нацеленное против нас». Пусть бы мама повторяла эти слова, пока сова не улетела бы, чтобы вещать своё мрачное предзнаменование где-то ещё. Чтобы крик этой птицы сменился более мирными звуками, проникающими в дом сквозь паутину и вентиляционные решётки. Пусть это будет собачий лай, редкий грохот колёс по залатанному асфальту нашей Манчинчи-роуд — что угодно, только не сова.

Но сейчас, поскольку мои родители ничего не предпринимали, я тщетно пыталась заснуть под зловещее уханье. Я мысленно считала воображаемых коров на небе под басовитую колыбельную папиного натужного дыхания.

Когда петух прокукарекал рассвет, я всё-таки уже спала, но тут в детскую ворвалась мама и сдёрнула с нас одеяло.

— Подъём! — сказала она.

Али свернулся калачиком на своей половине кровати, стараясь притвориться спящим как можно дольше, а я зевала, протирая сонные глаза. Но мама уже отдёргивала занавески и распахивала окна.

— Доброе утро, мамочка, — сказала я, потягива-

ясь под знобким утренним ветерком.

— Чимука, ты так в школу опоздаешь, — бросила мама и понеслась на кухню, даже не взглянув на меня.

Перекатившись на край кровати, я встала и прошлёпала к окну. Я предполагала обнаружить там скорбную птицу, но увидела лишь перезревшие плоды манго среди листвы, покрытой капельками росы. Влажная, благоухающая земля дышала обновлением и обещанием нового дня. Улыбнувшись, я начала собираться в школу.

То был первый день занятий в новом календарном году, и когда я вошла в школьный холл, он гудел как улей. Отовсюду слышался радостный смех — все обменивались рождественскими историями и приветствовали друг друга. Ни в одной семье Рождество не обходится без салатов с картофелем и рисом, курятины и фанты. Редким же везунчикам достаются подарки и новая одежда. Для меня, десятилетней, всё это и являлось счастьем.

Как водится, за каникулы с каждой из нас происходили какие-нибудь перемены: у кого-то выпали молочные зубы, у кого-то родились братья и сёстры, иные прибавляли в росте пару сантиметров, а у некоторых девочек даже начи-

нала расти грудь. Что касается меня, то я к новой четверти обкорнала волосы — это после того, как Али сравнил их с пыльным кошмаром. Он хоть и сказал правду, но из вредности, потому что я обыграла его в салочки. Ух, как расстроилась мама. Она застала меня за этим занятием в самом конце, когда я уже отстригала кухонными ножницами последнюю светло-коричневую кудряшку.

— Чимука, ты с ума сошла? Волосы для девочки — как корона для принцессы! — Но было уже поздно. Я решилась на такое, надеясь, что после этого у меня начнут отрастать более тёмные и жёсткие волосы, как это бывает с малышами, но у меня полезли ещё более светлые пряди, так что Али ещё мягко выразился насчёт пыльного кошмара.

Задумчиво грызя ногти, я выискивала глазами подружек среди девочек в одинаковых зелёных платьях, белых носочках и чёрных туфлях. Мы выстроились перед сценой, а учительница ходила между рядами и проверяла нас на предмет неопрятной причёски, грязных носков или плохо начищенных туфель. Я машинально пригладила волосы, боясь, что с такой причёской мне точно влетит, но обошлось. Наконец я увидела свою первую подружку Луизу: она стояла в моём ряду

чуть левее и разговаривала с девочкой из другого класса. Повернувшись ко мне, она сделала большие глаза и воскликнула, прикрыв рот пухлой ладошкой:

— Чичи, что ты сделала с волосами?

Я нахмурилась. *Наверное, я всё-таки зря так обкорналась*. А что делать? Это у Луизы толстые, аккуратные косички с вплетёнными в них шерстяными нитями, а у меня — сплошное несчастье. Отбросив грустные рассуждения, я кинулась обнимать подругу. На сцене, под табличкой «Начальная школа для девочек, г. Лусака» стояли старые напольные часы в деревянном корпусе, и они показывали пять минут восьмого — а это значит, что вот-вот появится директриса. Наобнимавшись, мы с Луизой стали искать нашу третью подругу — Таонгу. В задних рядах Луиза заприметила её чёрную как ночь пышную шевелюру и, шепнув «вот она», потащила меня за собой.

– *Бванджи*[4], — тихо поприветствовала нас Таонга, ведь учителя не поощряют просторечия, потому что школа-то — английская.

– *Бвино*[5], — хором ответили мы и заняли своё

---

[4] Сноски: 4
Как дела? *(ньянджа)*

[5] Сноски: 5
Всё хорошо *(ньянджа)*.

место возле Таонги.

Закончив инспекцию, учительница вывела на сцену неопрятных, на её взгляд, учениц, которым после занятий предстояло выполнить какую-нибудь трудовую повинность — например, подмести школьный двор или собрать мусор.

Потом пришла директриса, поздравила нас с началом занятий, и мы все разошлись по классам. Наш класс — 6 «Д», но нам ещё не назначили классного руководителя, поэтому перекличку по журналу делал мистер Мвапе, классный 6 «Г».

— Чимука Грейс Мвия! — бедный учитель уже осип от двойной работы.

— Я здесь! — откликнулась я, стараясь перекричать невообразимый гул, потому что наш класс состоял из пятидесяти девочек.

Закончив перекличку, мистер Мвапе вернулся в свой класс, и мы остались предоставлены сами себе. Наша троица затеяла познавательную игру в «города». Пока Луиза задумалась над ответом, я кинула взгляд в окно и увидела, что директриса разговаривает с тремя взрослыми — двумя дяденьками и молодой женщиной с младенцем за

спиной в слинге из *читенге*[6]. Взрослые стояли ко мне спиной, и я не могла разглядеть их лиц, но директриса явно выглядела расстроенной. Потом все четверо направились к дверям школы. Увидев это, Таонга похватала с парты наши листочки и поспешно засунула их в портфель. Через несколько минут в класс вошла директриса с тремя посетителями. Солнце било им в лицо, и я их снова не разглядела. За спиной у женщины заплакал ребёнок, женщина тихо заговорила, и я поняла, кто это. Моя тётя Бо Шитали и малышка Лимпо. В голове пронеслось: *что она тут делает*? Взрослые направились ко мне, а я пыталась прочесть эмоции на лице Бо Шитали. Мне показалось, что она чем-то опечалена. Я похолодела, вперив взгляд в тётушкины чёрные *мукуле*[7], заплетённые змейками в изысканный узор. Как обычно бывало в минуты волнения, я начала пересчитывать все эти косички: одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать…

---

[6] Сноски: 6

Читенге («завязывать») — отрез ткани с этническим принтом, нанесённым в технике батик. Читенге может использоваться как предмет одежды (чаще всего — юбка) и как слинг для младенцев.

[7] Сноски: 7

Мукуле — узорчатая афропричёска из косичек.

Из транса меня вывел голос директрисы:

— Чимука Мвия, пройди со мной, пожалуйста.

Что же такое случилось?

— Тётушка… — умоляюще сказала я, вглядываясь в красные заплаканные глаза Бо Шитали. И тут она завыла, начиная оседать на пол, и кто-то из мужчин подхватил её под руки. — Тётушка… — прошептала я, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Таонга передала дяденькам мой портфель, кто-то взял меня за руку и вывел из класса.

– *Бо Ндате Чимука, маве!*[8] — Эти тётушкины слова пронзили моё сердце. *Что случилось с Тате?* Вот о чём мне хотелось спросить, но голос пропал, грудь сдавило, и изо рта вырывались лишь невнятное бульканье. Я бросилась в объятия Бо Шитали.

Директриса что-то сказала двум мужчинам: они кивнули, и каждый взял меня за руку. В голове зашелестел морской прибой: *Бо Ндате Чимука, маве*. Меня повели куда-то, и я шла, спотыкаясь на каждом шагу. Когда мы покинули школьную территорию, начал накрапывать дождик. Бо Шитали причитала не переставая.

Пока мы добрались на другой конец Лусаки, ка-

---

[8] Сноски: 8

Отец Чимуки — пьяница.

залось, прошла вечность. Все детали, на которые я не сразу обратила внимание, всё равно отпечатались в моём мозгу, и я мысленно соединила их воедино. Первое: ночью ухала сова. Второе: утром земля пахла как-то по-особенному, словно в последний раз. Третье: мама не взглянула на меня в момент пробуждения. Четвёртое: *Бо Нда-те Чимука, маве*!

Мир остановился.

Значит, мой Тате умер.

Глава 2

Пока у Тате не появились дурные предчувствия относительно совы, моя жизнь дома проходила в своеобразном танце, ритм которому задавала мама. Я двигалась — раз-два-три — под аккомпанемент её увещеваний и упрёков, и относительной гармонии мы достигали, лишь когда она учила меня готовить.

— Нужно помешивать, пока не закипит. — Мама колдует над кастрюлей, вооружившись деревянной поварёшкой. — Эй, слушай, что я тебе говорю! — На этот раз голос её, обращённый ко мне, звучит на тональность выше. Сердится.

Я тихо вздыхаю, но так, чтобы она меня всё-таки услышала, при этом взгляд мой устремлён на белое кипение в кастрюле.

— Ведь однажды тебе придётся кормить собственную семью. — Мама смотрит на меня, а затем продолжает старательно помешивать *ншиму*[9], неодобрительно цокая языком.

Я снова вздыхаю.

Между тем мой братец Али преспокойненько

---

[9] Сноски: 9

Ншима — масса из кукурузной муки для приготовления клёцок.

гуляет на улице с остальными мальчишками: ну конечно, ведь им, будущим мужьям, не придётся готовить на всю семью. Я стою возле мамы, держу в руках стеклянную чашу с кукурузной мукой, загипнотизированная бурлением воды в кастрюле, и вдруг роняю чашу на отполированный до блеска красный пол.

— Опять?! — Мама изображает удивление. — Какая ж ты у меня неуклюжая.

— Прости, — бормочу я и пожимаю плечами. Потому что на самом деле не очень-то я и расстроилась.

Я пытаюсь собрать муку вместе с осколками стекла, крупа сыплется на пол сквозь мои пухлые детские пальчики. И капает кровь.

— Ради бога, иди уже на свою улицу, — говорит мама своим тихим певучим голосом и снова цокает языком.

Вот таким был наш с мамой танец на кухне: она готовит, бранится, я дуюсь, бью посуду, она меня прогоняет. Как бы она ни увещевала, я редко вызывалась помочь. Исключением была жарка курицы: тогда я могла остаться и послушать. Но не всегда.

— Чимука, в твоём возрасте уже пора научиться готовить, — приговаривает мама, аккуратно

выкладывая на сковородку куриные кусочки. Я знаю все мамины реплики наизусть: стою у неё за спиной и синхронно вместе с ней открываю рот.

— Хорошая хозяйка присматривает за домом и не позволяет себе лениться, — продолжает учить мама.

Слова эти подобны камешкам, брошенным в воду: они пускают круги, но меня не достигают, потому что я стою на берегу.

Помню ещё, как я мыла посуду, с завистью поглядывая на Али, что играл во дворе с машинкой. Я намылила тарелки, мамины любимые, — из коричневого стекла с рельефными тиляпиями[10] на донышке. Одну я, конечно, разбила.

— Эх, дети, *мве*[11], ну какие ж вы ленивые, — незлобиво ворчит мама.

С запоздалой аккуратностью я собираю осколки и складываю их в зелёное мусорное ведро. Следующее *па* последовало незамедлительно.

— Кыш на улицу! — говорит мама, указывая мне на дверь. С еле скрываемой радостью я выбегаю во двор и думаю: почему *дети*? Так бы и сказала, что это я виновата. — Девочка должна

---

[10] Сноски: 10
Тиляпия — рыба, похожая на карпа.

[11] Сноски: 11
Междометие, выражающее неодобрение *(ньянджа)*.

быть трудолюбивой, — бросает мне вслед мама, но я уже хватаю Али за руку и затягиваю свою любимую песенку:

– *Хороший выдался денёк, как поживаешь, паренёк? Давно пора нам подружиться, чтоб в танце закружиться!*

— Та-ла-ла-ла! — подхватывает Али. Потом ещё громче: — Та-ла-ла-ла! Чтоб в танце закружиться!

Задыхаясь от восторга, мы валимся на землю и смотрим, как в небе кружатся облака. Рядом ползает на четвереньках наш младший брат Куфе. Мы его отвлекли от важного занятия — он выбрал камешек, чтобы положить его в рот. Забыв про камешек, Куфе садится на попу и хлопает в ладоши, стараясь подражать нашей мимике и смеху. Он весь измазался, его синий комбинезончик покрылся золотисто-коричневой пылью. В дальнем углу дворика Бо Шитали снимает с верёвок наши с Али школьные формы: у меня — ярко-зелёное платье, а у Али — синие рубашку и шорты с накладными карманами. Сложив высохшее бельё в корзину, Бо Шитали прикрепляет прищепки к краю своего *читенге* и подхватывает на руки Куфе.

Бо Шитали — младшая сестра Тате, она пере-

ехала к нам в Лусаку из Налоло[12], когда родился Куфе. Он оказался слабым и болезненным мальчиком, поэтому маме потребовалась помощь. Папа сразу сказал, чтобы мы звали её не просто Шитали, а Бо[13] Шитали, потому что она на восемь лет меня старше. Именно с появлением Бо Шитали я и узнала, что мама может быть не только спокойной и сдержанной, но и острой на язычок и даже раздражительной, но в рамках приличия. Бо Шитали, естественно, имеет дело со второй маминой ипостасью, которую мама проявляет лишь в отсутствие Тате. Бо Шитали — не особо разговорчивая, особенно при моих родителях. Но вечерами, когда я рассказываю ей всякие школьные истории, она задорно смеётся, и её круглые, как луна, глаза превращаются в полумесяцы. Ей так интересны мои рассказы, что она даже шикает на Али, чтобы он не перебивал. И вообще — она стала моей самой любимой тётушкой.

Сейчас, когда она подхватила Куфе, тот ревёт и брыкается. Бо Шитали заносит его в дом, вопли Куфе стихают, и лишь слышно, как скворчит

---

[12] Сноски: 12
Налоло — район в Западной провинции.

[13] Сноски: 13
Вежливое обращение, предполагающее старшинство.

на сковородке куриное мясо. Облизав губы, я смеживаю веки, но Али со смехом пинает меня в бок, обнажив щёлочку между кривыми верхними зубами. Щёлочка появилась оттого, что, будучи малышом, он долго сосал большой палец. Смутившись, Али прикрывает рот ладошкой и отворачивается.

— Чичи, — зовёт мама. Но я сажусь и начинаю играть в камешки.

В оконном проёме возникает мамино лицо, прикрытое вуалью занавески, так что я не вижу, как она сердится.

— Чимука! — повторяет мама. Я знаю, что в такие моменты она начинает расковыривать кожу вокруг ногтей.

— Мам, чего? — откликаюсь я, складывая камешки в небольшую горку.

— Поди помойся. — Мама гремит посудой, ополаскивая чистые тарелки и составляя их на разделочный столик.

— Пусть Али идёт первый. — Пятый камешек, шестой, седьмой.

Али таращит на меня чёрные глазёнки:

— Чего это? Ты старшая, вот ты и иди. — Он хитрый — знает, что мамин любимчик и что мама всегда встанет на его сторону. Поднявшись,

я шагаю к кухне и тут вижу на дороге его. Моего отца. Тате. Он устал, предполагаю я, потому что школа для девочек Матеро[14], где он преподаёт, находится довольно далеко, а Тате предпочитает ходить пешком. Это тоже моё предположение, потому что при возвращении домой ботинки его всегда покрыты толстым слоем пыли. В небе за спиной Тате завис огненно-красный шар, это садится солнце, и я вижу только папин силуэт — склонённая влево голова, сгорбленные плечи. А ещё он хромает, так как в юности получил травму ноги. Его так и зовут: «Хромой учитель мистер Мвия», но для меня он просто мой Тате, мой любимый рассказчик. Расплывшись в улыбке, я несусь через кухню.

— Не бегай тут, я готовлю! — предупреждает мама.

Убавив прыть, сначала я направляюсь в детскую, по привычке считая шаги. Бо Шитали купает в тазу Куфе, и вода грязная, как в реке Кафуэ, — мы однажды туда ездили. Но довольный братишка колотит по воде ладошкой и гулит. Схватив с кровати *читенге*, я бегу мыться. Буквально через три минуты я уже вылезаю из душа,

---

[14] Сноски: 14
Матеро — район Лусаки.

ступив на красный резиновый коврик.

— Всё, я чистая, — тихо говорю я, очень надеясь, что мама не услышит меня и не разглядит при таком тусклом свете. Из маленького окошка под потолком сифонит сквознячком, по коже бегут мурашки, и я укутываюсь в *читенге*. В дверях появляется мама и с упрёком говорит:

— И это называется «помылась»?

Развернув *читенге*, я кручусь, позволяя маме потереть пальцем кожу на спине. Доказательство — я мокрая и ещё не остыла после горячей воды.

Мама горестно вздыхает.

— Мам, ну я же чистая.

— Эх, Чимука, ты же валялась на земле. Как можно помыться за две минуты?

Я хмурюсь.

— Я не валялась. Ну пожалуйста! — Мне хочется поскорее одеться и пойти к Тате.

– *Эйа*[15]. — Мама хлопает меня по спине, понимая, что спорить бесполезно, отходит в сторону, и я бегу одеваться. *Фу, пронесло*.

В дом забегает Али. Его голые ступни все в пыли, в таком виде лучше не попадаться на глаза Тате, и он прямиком бежит в душ.

---

[15] Сноски: 15
Ну да, конечно *(ньянджа).*

Я подскакиваю к дверям и радостно пищу:

— Тате!

– *Мванаке*, — с улыбкой говорит Тате. «Дитя моё». У родителей нас трое, но Тате только меня так называет. По сердцу разливается тепло.

— Как прошёл день? — спрашиваю я, принимая у него портфель.

— Прекрасно, — зычно отвечает он и поглаживает живот в предвкушении ужина. Тате усаживается в своё любимое кресло. Его тёмные глаза лукаво сверкают, словно он уже знает, какую сказку нам рассказать сегодня. Устроившись у него в ногах, я жду, когда он заговорит.

Мы с Али всегда радуемся возвращению папы, но только у меня хватает смелости просить новую сказку и только я перебиваю его, поторапливая: «Ну а потом, потом-то что случилось?»

Куфе слишком маленький, чтобы усидеть на месте или понять смысл сказки, так что слушателями оказываемся только мы с Али. Сегодня мне повезло: я помылась первой и смогу поговорить с папой подольше. Тате делится со мной подробностями дня. Он преподаёт в школе английский, и у него три любимые ученицы: светлокожая и говорливая Мисози, темнокожая девочка со

взрослым именем Бьюти[16] и Тваамбо — очень смышлёная, но стеснительная, она даже руку боится поднять.

— Ты расскажешь мне сказку? — прошу я.

— Конечно, *мванаке*, но сперва поведаю, как прошёл мой день в школе.

И вот так мы сидим и говорим, а я всё гляжу, как ходят вверх-вниз на его широком носу очки в пластиковой оправе, как шевелятся, выглядывая из чёрной бороды, его губы. Вот у меня волосы гораздо светлее и тонкие, как пух, и мама мучается, пытаясь заплести их в причёску *мукуле*. Да, волосы Тате и Али черны как ночь, и никакой ветер не потревожит их жёсткие кудряшки. Тате всё рассказывает про свою школу, а потом входит Бо Шитали и говорит, что ужин готов. Она садится на корточки возле двери, опустив глаза и сцепив руки в ожидании, когда Тате утвердительно кивнёт. Без этого она не уйдёт.

Потом мы молча ужинаем. Куфе, как всегда, упирается, но маме удалось скормить ему пару ложек. А потом Куфе вырвало. Мама испуганно вскакивает, потому что блевотина попала на стол и на папин пиджак, и тут я вспоминаю, что долж-

---

[16] Сноски: 16
Бьюти — от *англ.* beauty — красотка.

на была помочь снять его. Бо Шитали выбегает на кухню и приносит Тате миску с водой, чтобы он ополоснул руки. А мама хватает Куфе под мышку и несёт его на кухню, придерживая ладонь возле его рта, но рвота, похожая на бензиновую плёнку в луже, сочится меж её пальцев и капает на пол. Папа озабоченно смотрит на свой испачканный пиджак и стряхивает с него блевотину. Бо Шитали снова приносит ему миску с чистой водой. *Что же случилось с Куфе? Такое уже происходит в четвёртый раз*, — думаю я. По папиному лицу трудно понять его эмоции, но он явно расстроен и поспешно выходит из столовой. С Куфе явно что-то не так. Мы все суетимся, переживаем, не зная, что случилось с ребёнком.

Мама уже раздела его догола и ополаскивает под краном, хмуро приговаривая: «*Нкамбо*[17], Куфе». Рядом, брезгливо отвернувшись, стоит Али с чистой одеждой для брата. Это он так очки себе набирает: потом припомнит, каким был паинькой, чтобы выпросить у мамы какую-нибудь поблажку.

Я спешу за отцом в гостиную.

— Тате, давай я заберу твой пиджак, — гово-

---

[17] Сноски: 17
Черепаха. Здесь: неуклюжий.

рю я.

Он сидит в своём любимом кресле и молчит, уставившись в чёрно-белый телевизор. В сумраке комнаты его серый костюм отливает ядовитой зеленью, напоминающей велюровую обивку наших стульев.

— Тате… — снова говорю я, но меня перебивает голос диктора:

— А теперь к международным новостям. Заир охвачен лихорадкой Эбола, а карантин в Киншасе[18] до сих пор не отменён. — Диктор поднимает серьёзное лицо от распечатки, театрально улыбается и переходит к более нейтральным новостям.

Сокрушённо покачав головой, Тате наконец снимает пиджак. В комнату входит мама: за спиной её в слинге болтается Куфе. Мама делает один, два, три, четыре, пять шагов и усаживается напротив Тате. Одним плавным движением она перемещает Куфе себе на колени. Казалась, от напряжения в комнате становится ещё темнее.

— Спасибо, *мванаке*. — Папа протягивает мне пиджак.

Я делаю один, два, три, четыре, пять шагов в

---

[18] Сноски: 18
Киншаса — столица Республики Заир.

сторону ванной. Кто-то сделал телевизор погромче. Бо Шитали помогает мне отстирать пиджак.

Мы вдвоём выходим во двор, чтобы повесить пиджак сушиться. Бо Шитали замирает, мечтательно глядя в темноту. Светит луна, и её зубы сверкают, словно жемчуг. Я поглубже закутываюсь в шерстяную кофту, не понимая, чего мы ждём. Бо Шитали поворачивается к забору, за которым начинается улица, и я понимаю, в чём дело. Из-за кустов выглядывает Бо Хамфри, садовник близлежащей школы. Встань он в полный рост, забор будет ему по грудь, но он предпочитает прятаться, потому что однажды Али уже заложил его Тате, и тот несколько раз прошёлся по Бо Шитали ремнём. Мама говорила, что разговоры с мужчинами могут довести до беременности. Кстати, я давно хотела спросить, как это происходит.

Я улыбнулась Бо Хамфри, а он мне подмигнул.

Мягкими шагами Бо Шитали идёт к забору, даже ни одна травинка не хрустнула под её ногами. Прислонившись к кухонной двери, я стою и наблюдаю за ними. Один, два, три, четыре, пять, шесть шагов. Семь, восемь, девять, десять. Влюблённые шепчутся, где-то в доме скрипнула дверь, и Бо Шитали испуганно оборачивается. Я делаю

знак, что всё в порядке, и парочка продолжает миловаться.

Вдруг за спиной раздаётся голос мамы:

— Что ты тут делаешь, Чичи?

— Да так. Мы с Бо Шитали ждём, когда пиджак высохнет. — Я специально говорю громко, чтобы предостеречь Бо Шитали. Та притворно сопротивляется, пока Бо Хамфри хватает её за руку, притягивает к себе и целует в губы. А ещё он что-то ей передал. Я вежливо опускаю голову, чтобы не подсматривать. Ведь это почти как поцелуй Ракель и Антонио в сериале «Никто, кроме тебя»[19], что крутят по нашему местному каналу. Через минуту Бо Шитали возвращается ко мне, таинственно улыбаясь. Ещё какое-то время мы сидим на ступеньках, и я рассказываю ей про свою школу. Мама уже вернулась в гостиную, прикрыв за собой дверь.

Я рассказываю Бо Шитали, что наша новая училка мисс Чама так жирно красит губы красной помадой, что у неё даже зубы в ней измазаны. От этого кажется, словно она объелась помидоров. А ещё сегодня на перемене мы бегали по футбольному полю, которое давно пора покосить.

---

[19] Сноски: 19

«Никто, кроме тебя» — мексиканский сериал конца 1980-х гг.

Я потеряла туфлю, и из-за этого мы с Луизой опоздали на следующий урок. А ещё Луиза помогает маме торговать на базаре фриттерами[20], но это после уроков, конечно. Может, потому она такая полненькая, что всё время что-то жуёт. Потом, сморщив носик, я задаю Бо Шитали очень важный вопрос — выйдет ли она замуж за Бо Хамфри.

— Да, — уверенно отвечает девушка.

— А можно я буду девочкой с букетом?

— Можно. — Бо Шитали довольно улыбается.

— Ура. Значит, я буду танцевать на твоей свадьбе? Пусть Тате купит мне новое платье. — Я уже рисую в своём воображении пышные рукава и кружева на подоле.

— Только пока, чур, это будет наш секрет, хорошо? — говорит Бо Шитали. Дует майский ветерок, и длинные чёрные волосы девушки падают ей на лицо.

Запели сверчки.

Секрет? Обожаю секреты!

---

[20] Сноски: 20

Фриттеры — кулинарные изделия из жареного жидкого теста с начинкой.

Глава 3

Устроившись на полу в гостиной, мы с мамой обрываем тыквенные листья, как вдруг Куфе поднимается на ножки, придерживаясь за стул, и топает к нам через комнату. Это его первые шаги. Давно пора, как сказала бы наша соседка Бана Муленга. Дёрнув маму за край *читенге*, я киваю на брата. Тот держит в маленькой ручонке пойманного таракана и пытается засунуть его в рот, а бедное насекомое отчаянно шевелит всеми шестью лапками. Оторвавшись от работы, мама вскрикивает, Куфе пугается и падает на попу. После этого весь день мамины глаза смеялись от счастья. Она подманивала к себе Куфе подслащённой водой, конфетой, варёным яйцом или игрушечной машинкой. Куфе поднимался на ноги, делал несколько шагов и падал, но мама и этому радовалась и хлопала в ладоши. Помнится, это было воскресенье, но Тате куда-то ушёл, а Али гулял, так что оба они пропустили этот торжественный момент. Мама позвала Али, и тот вбежал в комнату, ступая грязными ногами по бетонному полу, отполированному до блеска

красной мастикой. Но мама не стала ругаться. Она даже забыла, что повздорила со своей лучшей подругой, нашей соседкой Бана Муленгой, — вышла во двор и позвала её. Та выглянула из-за забора, на её худом лице было написано любопытство.

– *Мукваи?*[21] — спросила она.

– *Куфе ваенда!*[22] — воскликнула на тонга[23] мама и захлопала в ладоши.

– *Охо*, — только и сказала Бана Муленга.

— Но ведь это же здорово, разве нет? — с обидой сказала мама.

— Да, *чавама*[24], но я тебе давно говорила, что он отстаёт в развитии. Вон мой Бупе уже бегает как очумелый, *ка?*[25] — Снисходительно улыбнувшись, Бана Муленга прибавила: — Но лучше так, чем если б он вообще не пошёл.

---

[21] Сноски: 21
Что случилось? *(ньянджа)*

[22] Сноски: 22
Куфе пошёл.

[23] Сноски: 23
Тонга — один из языков, на котором говорят в Замбии. Таковых семь по разным провинциям: бемба, ньянджа, лози, тонга, каонде, лувале, лунда. Официальным языком считается английский.

[24] Сноски: 24
Счастливый (-ая).

[25] Сноски: 25
Междометие для усиления высказывания *(ньянджа).*

Погрустнев, мама что-то забормотала себе под нос и вернулась в дом.

— Всё равно хорошо, даже очень хорошо, — упрямо сказала она. — Куфе, завтра понесу тебя на контрольный осмотр.

Подхватив сына, она прижала его к себе, ласково приговаривая, а после обеда отправилась с ним в церковь на библейские чтения и всю дорогу распевала гимны про Христа.

В тот день Тате вернулся ровно в семь, когда мелодичный голос дикторши объявил: «Приветствуем вас на национальном канале телевещания вечерним выпуском новостей». Пьяно пошатываясь, Тате прошёл в гостиную, устроившись в своём персональном кресле. На нём его любимые выбеленные джинсы и застиранная белая футболка с надписью: «Время пришло», а под ней — маленький логотип ДМД[26]. Я подбежала к Тате, чтобы стащить с его ног ботинки. Они были кожаные, но старые и потому малость воняли от долгой носки. Впрочем, это ничто по сравнению с исходившим от него запахом перегара.

Оказывается, вернулась и мама, разминулась с

---

[26] Сноски: 26

ДМД (MMD, The Movement for Multi-party Democracy) — партия «Движение за многопартийную демократию», имела парламентское большинство в 1991–2001 гг.

папой буквально на пару минут.

— А где Шитали? — поинтересовалась мама. — Я гляжу, она даже не удосужилась приготовить ужин. — Мама занервничала и опять взялась расковыривать кожу вокруг ногтей.

— Шитали прилегла, — сказала я, замерев с папиными ботинками в руках.

— Как, опять? — Если б не Тате, мама обязательно бы прибавила: «Что за ленивая девчонка».

На такие мамины слова я неопределённо пожала плечами.

Мама поставила Куфе на пол, и я поманила его к себе.

— Тате, гляди, что Куфе умеет! — сказала я, но братик сел на попу и пополз.

— Что? — спросил Тате, не поднимая головы.

Тогда мама поманила Куфе, надеясь, что он поднимется на ноги, но малыш просто развернулся и пополз в её сторону. Мамины щёки запунцовели от досады: подхватив сына, она отправилась будить Бо Шитали. Через несколько минут обе они скрылись на кухне. Папа остался один перед телевизором.

Подхватив плетёную корзину *лубанго* с листьями тыквы, я поставила её на крышу для просушки, а потом мы уселись ужинать. Маисо-

вая каша с простоквашей была любимым блюдом Бо Шитали, но сегодня она поменялась ролями с моим младшим братом: Куфе наворачивал за обе щёки, а Бо Шитали даже к ней не притронулась. Али тоже не страдал плохим аппетитом, а я трещала без умолку, стараясь развеселить Тате. Наверное, он устал от моей болтовни, потому что молча поднялся и вышел из столовой, обдав нас парами алкоголя. И, как назло, в этот же самый момент Куфе сполз с маминых коленей и затопал по комнате.

На следующий день, третьего июля 1995 года, Куфе исполнялось два годика. Страна праздновала День народного единства, Тате был на работе, а мне предстояло сопровождать маму в больницу для ежемесячного обследования Куфе. Все выходные Бо Шитали нездоровилось, но в понедельник она встала пораньше, натёрла полы мастикой и отполировала их. Мама всё же побоялась брать с собой Бо Шитали, и правильно сделала. Потому что я видела, как её стошнило за домом. Я ещё тогда подумала, что секретов у меня прибавилось.

Я тащила за мамой пакет с подгузниками и питьём для Куфе, по дороге развлекая себя чтением вывесок. Прохожие удивлённо оборачивались — ведь в Лусаке далеко не каждый ребёнок ходит

в школу. Чтобы попасть из Нортмида в Чипата[27], где и располагалась ближайшая больница, нужно идти через район Гарденс. Увы, этот маршрут точно совпадал с течением сточных вод, так что второй моей заботой было не свалиться в узкую канаву с зелёной жижей.

Вот мы и пришли. За бетонным забором — ряд приземистых зданий, на входе — металлическая табличка: «Больница Чипата. Министерство здравоохранения Замбии». Рядом на дереве кто-то прилепил бумажку: «Сделайте пожертвование и получите благословение».

Мы входим через ворота на территорию больницы и видим длинную очередь в детскую поликлинику, которая перед дверьми разделяется надвое — для грудничков и для детей до пяти лет. Таких, как Куфе, гораздо больше, и я понимаю, что ради мамы придётся набраться терпения и не ныть — она и без того куксится, словно объелась *импвы*[28]. Очередь понемногу двигается, я слоняюсь меж деревьев и читаю вслух объявления, иногда отступая в сторону, чтобы пропустить медсестёр в белых халатах и

---

[27] Сноски: 27
Чипата — район Лусаки.

[28] Сноски: 28
Импва — разновидность баклажанов.

туфлях на плоской подошве.

Наконец мама зовёт меня, и мы заходим в поликлинику. Прежде чем попасть на приём, нужно взвесить ребёнка на допотопных весах с гирьками. Дети маленькие, балуются, им хочется всё потрогать, и медбрат уже замучился с ними справляться.

— Пять килограммов, — объявляет он. — Ваш — шесть килограммов. — Каждой мамаше он вручает бумажку о прохождении взвешивания.

В комнате стоит ужасный гвалт — дети плачут, мамаши срываются на них, но медбрат продолжает делать свою работу:

— Десять килограммов. Пятнадцать. Двенадцать.

Потные детские лица блестят, словно навазелиненные, и я отмечаю про себя, что на фоне остальных Куфе выглядит самым мелким и болезненным. Медбрат, сам пухленький, как ребёнок, продолжает взвешивать детей, мамаши довольно кивают и отходят в сторону. Лицо моей мамы покрывается красными пятнами — она переживает за Куфе, который для неё, конечно же, лучше всех. Она рассеянно улыбается и ждёт своей очереди. Я кручу головой — тут все стены обклеены плакатами. На одном — только слова:

«По внешнему виду диагноз не определить». На втором — худая и полная женщины держатся за руки, и надпись над полненькой: «Это Мусонда, она ВИЧ-инфицированная». На третьем — картинка со счастливой матерью и младенцем: «Грудное вскармливание очень полезно для вашего ребёнка». На четвёртом изображён человек, которого тошнит: «Симптомы холеры — диарея, тошнота, рвота, обезвоживание».

Может, у Куфе холера? И у Бо Шитали тоже?

Наша очередь. Мама ставит Куфе на весы и замирает в ожидании. Куфе кряхтит и усаживается на платформу, подобрав ноги. Немного покачавшись, платформа приходит в равновесие благодаря передвигаемым гирькам. Нахмурившись, медбрат спрашивает:

— Восемь килограммов? Сколько ему?

— Два годика, — говорит мама. Она опять расковыряла до крови очередной палец и поспешно вытирает его о *читенге*.

— Хорошо, мадам, подойдите вон к тому столу и сообщите вес вашего ребёнка.

Мама берёт у медбрата бумажку, подхватывает Куфе и шагает по коридору. На лице её написано упрямое выражение, за которым скрывается тревога. Напоминание о том, что Куфе слишком

слабенький, больно ранит её. Она и в церкви так реагирует, когда ей говорят. Я тоже волнуюсь за Куфе, но боюсь говорить об этом вслух, чтобы мама меня не отшлёпала.

Мама присаживается за стол напротив трёх медсестёр: в полумраке комнаты их белые халаты сияют, как три факела. Одна медсестра что-то пишет в журнале, вторая берёт у мамы зелёную карточку, медицинский полис Куфе. Я подхожу ближе, но строгим взглядом мама велит мне удалиться.

На улице прохладно, но яркое солнце заставляет сиять всё вокруг. В ворота входит молодая женщина: за спиной у неё в слинге из ярко-жёлтого *читенге* — ребёнок, мальчик, который по возрасту вполне мог бы идти и сам, если б не был болен. Ноги мальчика безжизненно волочатся по земле, женщина идёт и тихо плачет. Потрясённая, я гляжу ей вслед: вижу её сгорбленную спину и плечи, что сотрясаются от рыданий.

Двое мужчин катят перед собой старую тачку, в которой лежит иссохший, как тень, человек — кожа обвисла, ветер перебирает его жидкие дымчато-чёрные волосы. Вот тачка наехала на камень, и из иссохших губ человека-тени вырывается басовитый стон. Только так можно

понять, что это мужчина. Но два его родственника очень спешат, им срочно нужно довезти этого немощного человека до врачей, поэтому они катят тачку как могут, не обращая внимания на его стенания. В смятении я отвожу глаза, но тут, в какую сторону ни погляди, везде сплошное горе. Взгляд мой падает на окно, и я вижу маленькую девочку. Она сидит на полу в коридоре, она очень бледна, насколько только может быть бледна маленькая африканка. Её чёрные глаза буквально прожигают меня насквозь. Девочка жуёт хлебную корку, и я вижу, что её красный язык и слизистая рта изъедены язвами. Чем она больна? Я не знаю. Беспокойно переминаясь с ноги на ногу, я отворачиваюсь, и мой взгляд снова наталкивается на беднягу в тачке — его злоключения ещё не закончились. Мужчины наконец выяснили у двух медсестёр, куда им обратиться, и уверенно катят тележку в сторону белого корпуса. Медсёстры входят в здание детской поликлиники, и я вижу через окно, как они переступают через сидящую на полу девочку и идут дальше. Я начинаю считать их шаги: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать,

сем… Я стою возле дверей поликлиники, ожидая, когда меня позовёт мама. Порыв ветра доносит до меня резкий запах хлорки. Я думаю обо всём, что увидела, и тут слышу сердитый мамин голос:

— Чичи, пойдём уже!

Мы выходим за больничные ворота, я читаю вслух плакатики на деревьях: «По внешнему виду диагноз не определить», «Мой ВИЧ-инфицированный друг всё равно мне друг», «Я сдал анализы на ВИЧ. А ты?».

— Хватит уже, Чимука, — шипит мама. И тогда я перехожу на мысленный счёт шагов: раз, два, три, четыре…

Я чувствую себя более уверенно, лишь когда мы попадаем на базар с его привычным гомоном, богатством запахов и бытовых картинок. Здесь всё такое родное: и музыкальная заставка со свистом орла[29], оглашающего начало полуденных новостей, запах палёных волос в парикмахерских, сладкий аромат дрожжевых оладий *витумбува* на шипящих сковородах, тяжёлый дух перезревших помидоров и бананов, голоса зазывал, что соревнуются друг с другом в зычности… Знойное солнце уже растопило утреннюю прохладу, и

[29] Сноски: 29

Орёл — один из национальных символов Замбии, присутствует на гербе страны.

от него нет никакого спасу даже под навесами. Я знаю, что если пересечь узкий мостик, то мы увидим горы древесного угля, предлагаемого к продаже, а рядом — бар «У Джо», из которого всегда доносится музыка и песни в стиле квайто[30]. Мы с мамой идём как раз в ту сторону.

Бархатный голос певца выводит синкопой: «Пора, пора нам сделать громко», и в дверях на тростниковом коврике *мпаса* появляется человек с перекинутым через плечо чёрным пиджаком. Он не один, а со спутницей, невысокого роста женщиной с короткими афрокосичками, в которые вплетены прозрачные цветные бусины, и все они так ярко сверкают на солнце. И вот они идут вдвоём, женщина покачивает бёдрами, прильнув к своему кавалеру. Она что-то шепчет ему на ухо, а он наклонился к ней поближе, положив руку ей на крестец. Я узна́ю эти руки из тысячи других. И эти покатые широкие плечи, и характерную причёску. Привычным, таким знакомым жестом человек поправляет на носу квадратные очки, но я всё равно протираю глаза, не в силах поверить

[30] Сноски: 30

Квайто — музыкальный африканский жанр, содержит запоминающиеся мелодичные и ударные сэмплы, глубокие басовые линии и вокал. Несмотря на свое сходство с хип-хопом, у квайто есть особая манера, в которой тексты поются, читаются рэпом и выкриками.

увиденному.

— Мам, гляди! — Вместо слов из горла вырывается клёкот, и я тяну маму за руку, чтобы она обернулась. Но, скинув мою руку, мама топает по пыльной дороге к выходу. В ней снова взыграло ретивое, свойственное ей в последнее время мрачное упорство, желание всё делать наперекор. А я разрываюсь меж двух близких мне людей, не зная, за кем бежать.

Наконец обретя голос, я кричу, стараясь перекрыть базарный гул:

— Тате!

Наверное, он меня не услышал, уводя свою спутницу в сторону ресторанчика «Тётушка Беатрис». И тогда я кричу ещё громче:

— Тате!

Человек остановился на секунду, казалось, что вот сейчас он обернётся и скажет мне: а, это ты, *мванаке.* Его спутница движется под музыку, доносящуюся из динамиков, и я решаю не догонять их, так как не знаю, что говорить. Динамики взорвались бешеным ритмом, и Тате заглотила толпа. Сдавшись, я бегу за мамой.

Мама целеустремлённо шагает по дороге, потуже затянув свой *читенге,* — словно прямо сейчас она приняла какое-то очень важное для себя

решение. Она идёт, тихо напевая христианский гимн, а я снова возвращаюсь к счёту шагов: раз, два, три, четыре. Пять. Шесть. И так до самого дома.

Мы находим Бо Шитали спящей в тени мангового дерева. Её косички с вплетёнными шерстяными нитями торчат во все стороны, словно спицы в вязании. Али забрался на дерево, пытаясь распутать воздушного змея, которого он смастерил из палочек и старых полиэтиленовых пакетов. Он уже почти справился с задачей, но мама так громко зовёт Бо Шитали, что брат вздрагивает от неожиданности. Бумажный змей вырывается из его рук и улетает. Зло чертыхнувшись на ньянджа, Али спускается вниз.

— Шитали! — снова зовёт мама, яростно расковыривая кожу вокруг ногтя.

— Мама? — Сонно зачмокав пухлыми губами, девушка сладко потягивается.

— Просыпайся уже. Ты приготовила какую-нибудь еду?

Снова сладкий зевок.

Они говорят на смеси английского и ньянджа. Бо Шитали не знает языка тонга, который является родным для мамы, а мама плохо владеет лозийским, родным для семьи Тате. Неодобри-

тельно поцокав языком, мама идёт к дому. Бо Шитали нехотя поднимается на ноги.

— Простите меня, Бо Ма Чимука.

— «Простите, простите», — передразнивает её мама. — Можно подумать, что ты здесь на каникулах.

На ужин мама приготовила свежую рыбу с клёцками *ншима* и капустой — любимое блюдо Тате. От помощи Бо Шитали мама отказалась, велев ей хотя бы порезать овощи.

А я начинаю волноваться.

Папа пошёл в ресторан, наестся там досыта, и получится, что мама напрасно ему готовит…

Но Тате вернулся ещё до захода солнца. Мама встретила его у дверей как ни в чём не бывало, заговорила с ним ласково. Кивнув, папа отдал ей пакет с продуктами.

– *Твалумба*, — поблагодарила мама, присев в лёгком реверансе. Вернувшись на кухню, она долго и яростно протирает и без того чистый разделочный столик.

— Как прошёл день? — спрашиваю я Тате. В голосе моём не чувствуется привычной радости, но Тате этого даже не замечает.

— Всё хорошо, *мванаке*. А чем вы занимались?

Немного замявшись, я говорю:

— Мама носила Куфе на медицинский осмотр, а я помогала нести пакет с его подгузниками.

Папа улыбается, глаза за очками смотрят с лёгким прищуром.

— Правда? — Он встаёт, чтобы включить телевизор, а потом снова садится в кресло.

— Но по дороге обратно… — Я заколебалась. — По дороге обратно я снова тащила пакет. Там, кроме чистых подгузников, был ещё один грязный.

Папа смеётся и говорит, не отрывая глаз от экрана:

— Молодец, *мванаке.*

Теплота его слов растопила моё сердце, и я устраиваюсь у него в ногах. Над креслом висит его фото, сделанное в день вручения диплома. Круглолицый юный Тате с копной чёрных как ночь волос смотрит в кадр, он уже и тогда был очень серьёзный… Я представляю, как вырасту однажды, отучусь и надену папин зелёный балахон с жёлтыми полосками (он до сих пор висит у родителей в шкафу) и чёрную академическую шапочку с кистью. На фото тот, юный Тате не улыбается, но всё равно выглядит счастливым. Там он полнее и в круглых очках. Человек, что сидит сейчас в кресле, тоже не улыбается, но в

глазах счастья не видно. Он стал гораздо старше, исхудал, и суставы его длинных пальцев сильно припухли.

Мне хочется сказать: «Я тебя видела, звала тебя, но ты меня не услышал», но из транса меня выводит мамин голос:

— Чимука, помоги мне.

Тате собрался ужинать перед телевизором, и мама вытащила лучшие тарелки — те самые, из коричневого стекла, с рельефными рыбками на донышке. Она ставит перед папой поднос с едой, а я подаю миску с водой, чтобы он ополоснул руки.

После ужина Тате решил рассказать нам с Али сказку.

– *Лизази лео*[31], — начинает он. — Жили-были…

– *Ша*?[32] — спрашиваем мы хором.

И Тате рассказывает нам сказку про голодную гиену, что лежит под деревом манго, чьи ветки прогибаются от спелых плодов. Эта сказка станет моей самой любимой. Входит Бо Шитали и забирает грязную посуду. На кухне мама распевает

---

[31] Сноски: 31
Жили-были.

[32] Сноски: 32
Да? Или: правда?

гимн: «Вот стою я у креста, и душа моя чиста, вся трепещет от любви и благодати. В небе утреннем звезда светит людям, как всегда. Нет покорнее овцы в твоём стаде». И, убаюканная размеренным ритмом домашней жизни, я начинаю думать, что, наверное, я просто ошиблась. И что не видела Тате с чужой женщиной. И что никто не раскачивал бёдрами, соблазняя его. Всё это мне привиделось.

Глава 4

Каждый раз, наблюдая, как мама или Бо Шитали забивают курицу, я думала, что уж лучше предпочту ей *капенту*, озёрную сардину Танганьики[33], жареную, с хрустящей корочкой, с гарниром из помидоров и сладкого лука. И ещё мне по нраву пюре из варёной кассавы или сушёная тиляпия. По крайней мере, чтобы приготовить такую еду, не нужно общипывать перья, вытаскивать требуху и сливать лишнюю кровь. И всё же, поедая сочную жареную куриную грудку, я не могла удержаться от похвалы.

Мама часто повторяла, что, наряду с готовкой и уборкой, умение правильно забивать курицу — залог того, что из девочки вырастет толковая женщина — в полном соответствии с библейскими прототипами. Но вовсе не ради этого, а в надежде испробовать кусочек жареной курочки я стою возле мамы, наблюдая, как жалобно квохчет несчастная птица. Сейчас ей перережут горло, и

[33] Сноски: 33

Танганьика — крупное озеро тектонического происхождения в Центральной Африке. По глубине занимает второе место после Байкала и столь же древнее по происхождению, по объёму воды занимает третье место — после Каспийского моря и Байкала.

по телу её пробежит предсмертная судорога.

– *Свена убоне*[34], Чимука, — подзывает меня мама. Боязливо я делаю два шага вперёд. Воткнув в землю кухонный нож, мама расковыривает небольшую ямку, а затем, полоснув по горлу птицы ножом, наклоняет её вниз, чтобы в ямку вытекло как можно больше крови. Затем одной ногой она прижимает к земле морщинистые куриные лапы, а другой ногой — два её крыла. Я киваю, слушая мамины объяснения, а сама мысленно считаю, сколько раз содрогнётся курица, умирая. Раз. Два. Три.

— Ну что, в следующий раз сама справишься? — спрашивает мама.

— Ага, — киваю я. Вру.

Смешавшись в ямке с землёй, кровь превратилась в коричневую кашицу. Мама кидает куриную тушку на зелёное блюдо и спешит с ним в дом, а я ногой в шлёпанце закапываю ямку.

Я начинаю торг: в обмен на куриную голову обещаю в следующий раз самостоятельно общипать курицу (хотя перед этим пообещала проделать всю процедуру, начиная с убийства). Кинув на меня взгляд, мама говорит:

---

[34] Сноски: 34
Подойди ближе и посмотри *(ньянджа).*

— А ты знаешь, что, когда общипываешь курицу, нельзя разговаривать, иначе перья отрастут обратно?

— А можно мне ещё и требуху?

Но мама молчит.

— Это нам для игры, мам, — подаёт голос Али, чинивший рядом свою игрушечную машинку.

— Хорошо, — с улыбкой говорит мама и велит задремавшей под манговым деревом Бо Шитали окунуть курицу в кипяток и вместе со мной общипать её. Куриная требуха и голова нам нужны для игры в «дом». Наши друзья — Кондвани и Лисели, они тоже живут на Манчинчи-роуд. Стоит жаркий пыльный август, поэтому играть лучше в тени, где земля не такая сухая. Мы уже распределили роли на сегодня: я буду мамой, Кондвани — папой, а Лисели с Али — нашими детьми. Сегодня наша с Али очередь готовить понарошную еду в нашем понарошном домике. Но чтобы заполучить голову и требуху, я помогаю Бо Шитали общипывать курицу, пока мама готовит обед. Сегодня Бо Шитали какая-то тихая.

— Можно мы возьмём требуху, чтобы поиграть в «дом»? — спросила я на английском, так как уж больно коряво изъяснялась на её родном лозийском.

Бо Шитали рассеянно кивает. *Должно быть, она заболела*. Ведь обычно на мои подобные просьбы она всегда говорит «нет», прибавляя: «Нельзя разбрасываться едой, Чичи. Все продукты должны идти в ход». Так что сейчас я жду, когда она встрепенётся и исправит свою ошибку, сказав, что некоторые вообще забивают курицу только ради гостей. Но Шитали снова кивает.

— Ты вообще меня услышала? — уточняю я.

— Да, Чичи. Бери, конечно, — говорит девушка на корявом английском.

Из кустов выглядывает Кондвани и делает мне знак — мол, давай скорей. Из кухни выходит Али: в его мокром кармане прячется требуха. Мы лезем через кусты и бежим к дому Кондвани. Он большой, стоит ровно посреди двора, а к бетонному забору прислонились шесть хозяйственных построек. Кондвани — седьмой ребёнок в семье, но это ещё не всё. Потому что с ними ещё живёт семья тёти с четырьмя детьми.

Наш «домик» — это раскидистый куст в тени возле сортира. Тут ужасно воняет мочой, но место укромное и можно играть часами.

Кондвани принесла пакетик растительного масла, соль и капустный лист. Лисели (она живёт в конце улицы, на пересечении Манчинчи-роуд

с Грейт-Ист-роуд[35]) — «тарелки» (банановые листья) и кукурузную муку. Ещё мама Кондвани (она торгует у дороги маслом для жарки) выделила для нас маленькую кастрюльку, сковородку, мангал и палочку для помешивания, а Кондвани притащила из жаровни горящие угли. Старым небольшим ножиком мы шинкуем все имеющиеся ингредиенты. Да, забыла сказать, что у Али есть друг Стивен, который тоже иногда с нами играет. Так вот, этот Стивен клялся именем своей покойной матери, что может подбить из рогатки птицу на любой высоте. Врёт и не краснеет. Потому что он только и смог что подстрелить несчастных птенцов в гнезде, таких маленьких, что они все умещались на одной ладошке. И ещё они были облеплены прутиками, из которых их мама-птица слепила собственный домик. Птенчиков было жалко, но поскольку Стивен проявил себя «добытчиком», пришлось промолчать. Сегодня мы играем без Стивена, и наша с Али задача — не ударить в грязь лицом. Увы, но сегодня я убедилась в правоте маминых слов, что я уже выросла из таких игр, причём в буквальном смысле этого слова. «Домик» слишком мал для меня, и

[35] Сноски: 35

Грейт-Ист-роуд (*англ.* Great East Road) — кольцевая развязка, связывающая Восточную провинцию с остальной частью страны.

мне приходится «есть» на улице. Обидевшись на ребят, я ухожу.

Уж лучше буду играть одна.

Устроившись на прохладном полу веранды, я рисую углём круг и складываю в него камешки. Правила такие: подбрасываешь камешек и, пока он в воздухе, забираешь из круга по одному камешку, пока круг не опустеет.

Я обожала эту игру — *чиято* называется, и другие участники тут не нужны. И вот я играла в *чиято*, в моей левой руке уже собрались почти все камешки, и тут кто-то вошёл в гостиную. Сбившись, я уронила камешек. Прокралась к окну и начала подслушивать.

В гостиной взрослые вели серьёзный разговор. Я вижу тётушку Грейс — пожилую женщину с лицом, как у Тате, с таким же широким мясистым носом и опущенными уголками глаз. Примостившись на стуле, она что-то выговаривает Бо Шитали.

— А ну отвечай, с кем связалась? — На лице у тётушки Грейс выступили капельки пота. Кто-то шепчет, но точно не Бо Шитали:

— Это был Хамфри.

Подобравшись ближе к окну, я вижу четырёх незнакомых мне женщин, тётушку Грейс, маму и

Бо Шитали. Мама сидит рядом с тётушкой Грейс и сокрушённо качает головой.

– *Хау*! — восклицает тётушка Грейс, обращаясь к маме. — И когда ты узнала об этом?

Мама неопределённо пожимает плечами.

– *Хау*! — снова повторяет тётушка Грейс и хлопает себя по коленке. — Ты что, не понимаешь? Если б ты раньше сказала, мы бы приняли меры. И что теперь делать? — Крик тётушки спугнул птичку на подоконнике, и та упорхнула подальше, примостившись на траве. Мама снова сокрушённо качает головой, а тётушка Грейс повернулась к Бо Шитали да как рявкнет:

— Кто такой Хамфри?

— Он тут неподалёку в школе работает, — робко, но с каким-то взрослым достоинством отвечает Бо Шитали.

— Учителем, что ли? — Губы тётушки Грейс растягиваются в улыбке, делая её более похожей на женщину. — В какой именно школе?

— Нет, сестра, вы меня не поняли, — шепчет Бо Шитали, не расцепляя рук на коленях. — Он не учитель, а садовник. При школе Нортмид.

– *Хау*! — восклицает тётушка Грейс, вскакивает со стула и притопывает ногой, словно исполняя боевой танец. — Ты знала? — Она зло ощерива-

ется на маму.

— Шшш, потише, — говорит незнакомая мне женщина.

— Я ничего не знала, — отвечает мама. — Вообще-то Шитали хорошая девушка и большая домоседка. — Кажется, мама почти уверовала в собственные слова.

– *Хау!* Откуда ты можешь знать, ну откуда? — восклицает тётушка Грейс. — Ты же постоянно таскаешься на эти свои церковные сборища! — Остальные женщины согласно кивают.

– *Энх*, она как раз и намыливалась туда, когда мы появились, — говорит одна из женщин и встаёт рядом с тётушкой Грейс. — В церковь ходишь, а за девушкой присмотреть не в состоянии. Ты всё прошляпила, а теперь уж поздно.

— В каком смысле? — не поняла мама.

Женщины все вместе оборачиваются к ней. Мама редко перечит Тате или его сёстрам, и в этих словах даже нет особого вызова, но я затаила дыхание.

— Что ты сказала? — ошарашенно переспрашивает тётушка Грейс.

— Для чего поздно? Ребёнок уже в утробе, и ничего тут не поделать. — Я знаю, что мама лукавит про собственное неведение, и по её сосредото-

ченному лицу понимаю, что сейчас она опять расковыривает кожу возле ногтей.

Наступившую тишину прорезал хохот одной из сестёр.

— Послушай, женщина Тонга, может, ты и разбираешься в своей вере, но только не в женских делах. Эту юную девушку обрюхатили, и мы могли бы принять меры до того, как она… — Женщина не договорила свою мысль, но остальные, кроме меня, конечно, всё поняли. Я отодвинулась от окна. *Это был ещё один какой-то очень взрослый секрет.*

— Ну ладно, — заключает тётушка Грейс, по-командирски хлопнув ладошами. — Что сделано, то сделано. Надо двигаться дальше.

Сзади подскочил Али и крикнул мне в ухо:

— Ты почему ушла?

— Тсс, тут у Бо Шитали большие проблемы, — сдавленно шепчу я.

— Да? А что такое? — Глаза у брата стали большими, как блюдца.

— Тише. — Приложив палец к губам, я снова поворачиваюсь к окну.

— А ну-ка, пошли отсюда, — рявкнула одна из женщин, и нас с Али как ветром сдуло, хотя эти слова были обращены вовсе не к нам. Но всё

равно Али рванул на кухню, а я пошла «нюхать цветочки».

Через пару минут на крыльце появляется Бо Шитали в плотном кольце из четырёх старших сестёр, процессию замыкают мама и тётушка Грейс. Уже холодает, низкое солнце целует землю, окрашивая её в рыжие тона. Бо Шитали зябко ёжится в бананово-жёлтом свитере, обхватив себя руками. Спустившись по ступенькам, вся процессия направляется в сторону автобусной остановки, и тогда я принимаю решение проследить за ними. Добравшись до остановки и встав под козырёк, женщины поджидают автобус. Прямо над ними, зацепившись за провода, в воздухе трепыхаются два воздушных змея. Наконец подъезжает автобус, и, свесившись с подножки, молодой кондуктор спрашивает: «Вам в центр?» Женщины дружно кивают и забираются в автобус. Тот трогается с места, выпуская клубы чёрного дыма, и Бо Шитали остаётся одна на остановке. Когда автобус уезжает, она беспокойно оглядывается, и я вынуждена срочно пристроиться за женщиной, несущей на голове блюдо с дымящейся кассавой. Мне хватило всего полминуты, чтобы потерять Бо Шитали из вида.

Но вот в конце улицы мелькает жёлтый свитер,

и я продолжаю слежку. Бо Шитали свернула направо, двигаясь в сторону рынка, а я за ней. Она шагала по лабиринту из навесов, павильонов и прилавков, и я тоже. Я двигаюсь вдоль забора, и в нос ударяет резкий запах мочи. Навстречу мне бежит малыш: большая, на вырост, футболка парусом раздувается на его спине. Малыш убегает от своей мамы, а может, старшей сестры. «Догоню-догоню!» — кричит молодая женщина, а малыш заливается весёлым смехом. Я вспоминаю собственные игры в догонялки, когда я ещё была одна у мамы и у неё не было столько забот.

Ещё поворот налево, потом направо, и территория рынка закончилась. Впереди, как ориентир, маячит жёлтый свитер Бо Шитали, я не должна её потерять, иду следом. Вот мальчишки пускают бумажные кораблики по вонючему ручейку канализационного стока: им всё нипочём, они счастливы при любых обстоятельствах. Бо Шитали сходит с дороги и исчезает за воротами какого-то дома. Ворота ржавые, до конца не закрываются, болтаясь на ветру. Я заглядываю во двор: Бо делает двадцать шагов и присаживается на ступеньки дома, подперев рукой подбородок. Немного так посидев, она встаёт и потягивается. И тут под её длинным цветастым платьем я вижу

обозначившийся животик, и до меня начинает доходить смысл услышанных слов: «В каком смысле поздно? Ребёнок уже в утробе…», «Эта юная девушка беременна…»

Потрясённая таким открытием, я прислоняюсь спиной к воротам. Так вот в чём дело, вот почему Бо Шитали всё время спит.

Дверь в доме открывается, и я слышу, как Бо Шитали говорит, всхлипывая:

— А что ещё я должна была им сказать? — Она говорит как обиженный ребёнок, и это почти так, ведь по возрасту она скорее годится в сёстры мне, а не отцу. Мне хочется подбежать к ней и пожалеть, но что-то подсказывает, что вмешиваться нельзя.

Перебранка смолкает, из двери высовывается рука и затаскивает Бо Шитали в дом. Набравшись смелости, я вхожу во двор, минуя четыре хозяйственных постройки и оглядываюсь. Из сарая выходит старик с бутылкой пива и присаживается на лавочку. Я смотрю на дверь — постучать? Боязно. Взобравшись на приступок, я прильнула к окошку. На грубой стене комнаты висит плакат: под словами «Его превосходительство мистер

Фредерик Джэйкоб Титус Чилуба[36], второй президент Республики Замбия» — фото мужчины в деловом костюме, с усами и бородкой-эспаньолкой. Серебристый отблеск очков идеально гармонирует с проседью в волосах. Рядом с плакатом висит допотопное радио.

По комнате туда-сюда ходит Бо Хамфри, а Бо Шитали сидит на матрасе, потирая спину. Оба молчат. С потолка свисает лампочка на длинном проводе: от бегающих по стенам теней печка и стол кажутся ожившими чудовищами. Потянувшись к верёвочному выключателю, Бо Хамфри дёргает за него, и свет гаснет. Я щурюсь, пытаюсь что-то увидеть, но тщетно. В полной темноте слышатся ритмичное сопение Бо Хамфри и вскрики Бо Шитали, которые становятся всё громче. Эти непонятные звуки возымели на меня странное действие — почему-то заныло в промежности. Вцепившись в подоконник, я закрыла глаза, заворожённая происходящим, в пальцах покалывает, и я не могу понять, на что это больше похоже — на боль или наслаждение. Кряхтенье и стоны наконец стихли, я расцепила пальцы и с колотящимся сердцем спрыгнула на землю.

---

[36] Сноски: 36

Фредерик Джэйкоб Титус Чилуба — президент Замбии с 1991 по 2002 г.

И тут дверь открывается и на пороге возникает разгорячённая Бо Шитали.

— Бо Шитали, — бормочу я. Луна спряталась за облаками, но жёлтый свитер Бо Шитали подобен яркой лампе.

Удивлённо вздрогнув, Бо Шитали разворачивается и шагает к дороге, я молча её догоняю. Я уже забыла, как идти, и боюсь, что мы заблудимся, но Бо Шитали легко выводит меня на знакомую улицу. Мимо проходит пьяный, и Бо Шитали хватает меня за руку и тянет за собой. На улице прохладно и знобко, я молю ночное небо и редкие звёздочки, чтобы мама пощадила меня, но Бог сказал «нет». Мама уже стоит на веранде и ждёт нас. Бо Шитали бормочет извинения, но мама даже не смотрит на неё. Шмыгнув носом, Бо Шитали уходит в спальню. Али сидит в гостиной, притворяясь, будто смотрит телевизор.

— Привет, мамочка, — робко блею я.

— Ах, ты мамочку вспомнила? — язвительно говорит мама и вскидывает прут.

— Не надо, пожалуйста! — кричу я, закрыв лицо руками, хотя защищать надо совсем другое место.

Я взвизгнула, бормоча слова извинения, но уже получила первый удар по попе.

— Я тебе покажу! — мама сердито сопит. Один, два, три, четыре, а потом ещё и ещё. Гибкий прут шелковицы свистит в воздухе. Разбуженный моими криками, в гостиную выползает Куфе и устраивает такой рёв, что маме уже не до меня. Откинув прут и потуже затянув на поясе *читенге*, мама подхватывает сына на руки, так что Куфе оказывается моим спасителем. Али подходит, чтобы успокоить меня, не поздновато ли? Зло оттолкнув его, я бегу в душ. Теперь я моюсь по-настоящему, яростно намыливая мочалку, смывая воспоминания дня с саднящей кожи. Надеяться на то, что мама придёт меня пожалеть, не приходится.

Войдя в комнату, я замираю у дверей, горестно всхлипывая. Бо Шитали уже лежит под одеялом и притворяется спящей.

— Бо Шитали?

— Что тебе? — говорит она не оборачиваясь.

— Прости меня, пожалуйста.

В ответ — молчание.

Глава 5

Я хотела стать учителем английского, как мой отец, хотела знать все-все слова, всю грамматику, чтобы передавать свои знания ученикам. Чтобы Тате гордился мной так же, как гордится им его родня, проживающая в Налоло. Тате был первым в роду, кто получил университетское образование. Это было ещё при президенте Чилуба, и тогда экономика находилась в лучшем состоянии, чем сейчас. Я представляла, как буду рассказывать Тате о разговорах в учительской точно так же, как это делал он. Однажды, когда я помогала ему снять ботинки, он спросил:

– *Мванаке*, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Учителем, — сказала я, уронив от неожиданности один ботинок.

Он нахмурился.

— Нет, *мванаке*, на учителей вечно задерживают платёжки. — Он грустно улыбнулся. — В Замбии нас не очень-то ценят. — И он снова уставился в телевизор.

Я совсем не знала, что такое платёжки.

— Знаешь, наше правительство… — Папа грустно покачал головой, не отрываясь от экрана.

К середине месяца наш бакалейный шкафчик почти опустел, а папа стал раньше возвращаться с работы, чему мама очень даже радовалась. Она принимала из его рук чёрный портфель, а он смущённо говорил:

— Ну вот, опять платёжки не пришли.

Я ломала голову над этими таинственными платёжками, понимая, что Тате из-за них расстраивается, и старалась быть особо покладистой.

Вся эта история с платёжками длилась почти пять месяцев, папа мрачнел, а мама сияла. Она садилась в гостиную и рассказывала папе, какие успехи сделал маленький Куфе. И хотя я почти не помогала ей по дому, она перестала сердиться.

Когда пришли платёжки, в буфете самым сказочным образом появились продукты. Утром в воскресенье папа отправил меня за сахаром, а когда я отдала ему сдачу, он рассмеялся и сказал:

— Оставь себе, *мванаке*.

Из-за этих платёжек, которые куда-то там пришли, папа даже стал меньше хромать и приходил домой, весело размахивая портфелем. И тогда он снова рассказал мне мою любимую сказку про голодную гиену. Как вконец уставшая от голода,

она улеглась в тени мангового дерева, даже не догадавшись поглядеть наверх, где висело множество спелых плодов. Вот так глупая гиена и померла. Мы с Али вслушивались в папин бархатный голос и смеялись над концовкой, хотя прекрасно её знали. Потому что таков был ритуал. Мы садимся в ногах у Тате, а он говорит:

— *Лизази лео*…

То есть «Жили-были однажды…»

– *Ша*? — говорим мы с братом и слушаем сказку, неважно какую.

После того как пришли платёжки, мама погрустнела и больше не надеялась на раннее возвращение Тате. Она молча кивала ему, принимая пакет с хлебом, и возвращалась на кухню, где готовился ужин. Иногда она подзывала меня, чтобы напомнить:

— Чимука, учись вести хозяйство. Когда-нибудь ты вырастешь, и у тебя будет свой собственный дом и семья.

Роды у Бо Шитали начались в самое неподходящее время — до прихода платёжек. Помнится, я возвращалась домой из школы, в животе урчало, и, чтобы заглушить голод, я считала свои шаги по пыльной дороге. Спешить было некуда, потому что из еды меня ждала всего лишь солёная *нши-*

ма. К собственному удивлению, во дворе дома я увидела старый жёлтый «пежо» нашего соседа Баши Муленга: он сидел за рулём и обливался потом, пытаясь завести мотор. Возле машины металась и постанывала от боли Бо Шитали, а мама с тётушкой Грейс носились туда-сюда и складывали вещи в багажник. Ведро. Одеяло. Цветной вязаный конверт для новорождённого и многое другое. Бана Муленга стояла на веранде, как генерал, наблюдая за всей этой суетой.

Вдруг Бо Шитали схватилась за спину и в страхе уставилась на свой живот.

— Скорее! — простонала она. На её белой футболке проступили спереди два мокрых пятна. Тётушка Грейс с мамой подбежали к ней, помогли сесть на переднее сиденье, а сами устроились сзади. Я всё стояла и ждала, когда мне всё-таки объяснят, что происходит.

— Чимука, мы скоро вернёмся, надо отвезти Бо Шитали в больницу, — сказала мама.

— Хорошо, мамочка, пусть всё будет хорошо.

— Чимука, веди себя хорошо и приглядывай за братьями. — И мама погрозила мне пальцем.

Прокашлявшись, мотор наконец завёлся, и машина медленно тронулась с места, подняв столб пыли.

Стараясь скрыть свою радость, я долго махала вслед. Ура, теперь можно играть сколько хочешь, и никто не устроит тебе нагоняй.

Вспомнив, что на моём попечении оставили Куфе, я погрустнела. Ведь он то ревёт, то напрудонит в штаны или изойдётся соплями. А ещё его может вырвать. *Кеела*, самый младший ребёнок. Так что напрасно я радовалась, особенно учитывая тот факт, что мама с тётушкой и Бо Шитали вернулись только на следующий день и мне пришлось пропустить школу. Я пыталась быть хорошей хозяйкой и поджарила шесть стручков *окры*[37], но они подгорели. Потом я приготовила целую кастрюлю *ншимы*, но она получилась комковатой и невкусной. Тем не менее Тате поел её и сказал:

— Спасибо, *мванаке*, накормила.

— На здоровье, — улыбнулась я.

Потом вернулись наши женщины и привезли завёрнутую в зелёное одеяло бледнолицую малышку с чёрными кудряшками. Она не плакала, а мяукала, как котёнок. Бо Шитали ласково ворковала над ней, вкладывая сосок в её ротик. Итак,

---

[37] Сноски: 37

Окра — однолетнее растение, дающее интересные плоды: ребристые стручки длиной с палец, наполненные мелкими семечками, напоминающими зелёный горошек.

родилась девочка. Куфе ревел всякий раз, когда плакала она, и орал белугой, когда её брали на руки. Но постепенно все привыкли к её присутствию, и даже Тате перестал играть в молчанку с Бо Шитали. Ну, а потом в банк пришли платёжки, положив конец долгому безденежью.

Наступил ноябрь, малышке исполнилось два месяца. В один из таких дней Тате ввалился домой «под градусом» и крикнул с порога:

— Шитали! Поди-ка сюда.

– *Ша*? — откликнулась из комнаты девушка.

— Подойди и принеси ребёнка.

— Ну что, заплатили? — ровным голосом спросила мама, принимая из его рук пакет с хлебом, сахарным песком и красной пачкой чая.

Тате кивнул, не глядя на маму, и сказал:

— Позови Шитали.

— Она уже идёт.

Мы все собрались в гостиной.

— Красивая девочка, — сказал Тате, беря на руки малышку и стараясь унять дрожь в руках. — Ты настоящий подарок. Лимпо. — Девочка загулила. — Лимпо, мне наконец-то заплатили зарплату.

— Добро пожаловать в семью, Лимпо! — засюсюкала тётушка Грейс.

Ранее, когда Лимпо было три недели от роду, тётушка заявила, что ей надоело на нас пахать и она возвращается домой. Под «пахотой» она подразумевала водные процедуры, которые она устраивала для Бо Шитали. Каждый день тётушка заводила её в ванную комнату, выливала на неё ведро горячей воды, а потом заставляла сидеть в тазике с холодной. Мама всякий раз выгоняла меня на улицу, но я всё равно подглядывала в окошко. Как бы то ни было, процедуры возымели благотворное действие на Бо Шитали: она больше не сгибалась в три погибели и сидела ровно. Больше у неё ничего не болело. Всё происходящее мне было внове, и я с удивлением таращилась на пятна от молока, проступавшие через её одежду.

Когда тётушка Грейс объявила о своём отъезде, мы даже радовались. Мама что-то напевала себе под нос, помогая тётушке собирать вещи и даже не замечая, что та обиженно хмурится. Тётушка была сварлива и ворчала по любому поводу: то у неё Куфе забаловали, то у неё Али хлюпик, а «Грейс слишком упряма». Моё полное имя — Чимука Грейс Мвия, но тётушка упрямо отказывалась называть меня Чимукой или просто Чичи. Или ещё она могла заявить: «Шитали неправильно кормит ребёнка, когда-нибудь она

придушит её своими грудями» — и снова хмурилась. Один лишь Тате был для неё идеальным, да и Тате боготворил свою старшую сестру. Но из-за неё он перестал звать меня *мванаке* и отдал ей нашу комнату. Поэтому пусть уезжает.

Следующим днём была суббота, а по субботам мы с мамой ходили в церковь. Проснувшись с петухами, я помогла сложить в зелёную корзинку еду, питьё и сменку для Куфе. Мама уже переоделась в синюю одежду Матушек Доркас[38] и нацепила поверх афрокосичек белую вязаную шапочку из хлопковых ниток. Папа ещё спал, и по дому разносился его раскатистый храп. *Когда мы вернёмся, тётушка Грейс уже уедет*. Радостно улыбаясь, я выскочила вслед за мамой на улицу.

— Али, поспеши! — крикнула я.

Мама несла на руках Куфе, а я остановилась в ожидании, когда Бо Шитали принесёт мне корзинку. Каково же было моё удивление, когда я увидела направляющуюся к нашему дому делегацию из двух мужчин и Хамфри. Вернее, мужчины

---

[38] Сноски: 38

Матушки Доркас — благотворительная организация при Церкви адвентистов седьмого дня. Святая Тавифа, или Табита (арамейское имя, означающее «газель»), она же Доркас (греческое имя, означающее «серна»), — новозаветный библейский персонаж; христианка из Иоппии (ныне Яффа), известная своим трудолюбием и благотворительностью. Умерев после болезни, была оживлена апостолом Петром.

тащили его чуть ли не на аркане, как испуганного телёнка. Подойдя к маме, мужчины тихо поздоровались, а Бо Хамфри смущённо опустил голову. И тут на улицу выскочила Бо Шитали с нашей корзинкой. Увидев возлюбленного, она вся зарделась, а Бо Хамфри робко улыбнулся, и на щеках его обозначились две ямочки, в точности такие же, как у Лимпо. Бо Шитали выронила корзинку, и содержимое, включая термос, вывалилось на землю. Спящий до этого в слинге Куфе проснулся и заревел.

Через минуту в дверях появился Тате.

— Даже в выходные поспать не дают, — пробурчал он и тут увидел делегацию. Бо Шитали опустилась на ступеньки и заплакала, уронив лицо в ладони. Тате тяжело задышал, гневно раздувая ноздри, а Бо Шитали начала горестно заламывать руки. Тяжёлой поступью Тате подошёл к Бо Хамфри и посмотрел ему в глаза. Улица Манчинчи потихоньку просыпалась, мимо с жужжанием проносились машины, но всех участников мизансцены словно накрыло куполом тишины. Два родственника Бо Хамфри вышли вперёд и умоляюще посмотрели на Тате. Я задержала дыхание. Тишина казалась материальной.

И тут папа заговорил, заикаясь и еле сдерживая свой гнев:

— По-по-шли вон! Во-вон от-сю-сюда!

Самый старший из родственников опустился на колени и заговорил на лозийском, явно извиняясь, но Тате оставался неумолим.

— Я ска-за-зал, вон от-сю-сюда! — Тате уже кричал, не в силах сдерживаться. Он так кричал, что Куфе испуганно умолк, зато в спальне проснулась и заплакала Лимпо.

Всполошившись, Бо Шитали убежала в дом, а Тате продолжал извергать угрозы, судорожно глотая воздух и полуприкрыв тяжёлые веки. На лице его выступили капли пота, на лбу резко обозначились синие узловатые вены. Папа так сильно заикался, что перешёл на лозийский. Слова летели в мужчин, словно камни, и они даже отшатнулись, поражённые, а папа, задыхаясь, обхватил голову руками. В доме, несмотря на увещевания Бо Шитали, продолжала плакать Лимпо. Любопытная Бана Муленга так сильно перегнулась через перила своей веранды, что едва не упала. У дороги собралась ватага мальчишек и тыкала в нас пальцем. Мне было так стыдно, что я не знала, куда деваться. Не дождавшись прощения, старый родственник Бо Хамфри под-

нялся с колен.

— Хватит уже, Алисинда, — вмешалась подоспевшая к брату тётушка Грейс, и Тате, весь какой-то опустошённый и притихший, вернулся в дом, опираясь рукой о косяк. Я громко выдохнула. Мы все стояли, ошарашенные, а мальчишки утолили своё любопытство и убежали. Немного придя в себя, мама сказала тётушке Грейс, что мы всё-таки пойдём в церковь, и попросила её не уезжать ради Тате. Моему разочарованию не было предела.

Когда мы вернулись из церкви, Бо Шитали баюкала Лимпо на руках, а Тате слушал своего любимого певца Лаки Дьюба[39], невпопад подпевая и ужасно фальшивя. Бо Шитали отнесла дочку в спальню и принялась бродить по комнате, перебирая стопку глаженых распашонок и стирая с мебели несуществующую пыль. Тётушка Грейс жарила на кухне огромную тиляпию, зная, что мама по субботам предпочитает не работать, считая это небогоугодным делом. Мама вошла на кухню и сказала: «Счастливой субботы». Тётушка Грейс молча перевернула тиляпию, разбрызгивая кипящее масло.

---

[39] Сноски: 39

Лаки Дьюб — южноафриканский певец и исполнитель песен в стиле регги.

Всё вернулось на круги своя. Ну, почти.

Глава 6

Прошло ещё две недели, и родственники Бо Хамфри нанесли нам второй визит. Я пришла под самый конец и только видела, как они уходят. Тате проводил их до дороги, пожал руки и даже помахал на прощанье. Довольно улыбаясь, он вернулся в дом. Я сразу же понеслась в комнату к Бо Шитали. В последний раз я видела её такой счастливой, только когда она целовалась через забор с Бо Хамфри.

Увидев вопрос на моём лице, она улыбнулась и сказала:

— Помнишь, как ты мечтала быть девочкой с букетом на моей свадьбе?

Я пожала плечами, хотя меня прямо разрывало от любопытства.

— Ну, ты не можешь не помнить, — сказала Бо Шитали.

Лимпо курлыкала в своей кроватке и сосала большой палец.

— Ну и что?

– *Энхе*[40]. Я выхожу замуж. Сваты приходили. —

---

[40] Сноски: 40
Ну и вот.

Она довольно потёрла руки.

— Значит, я всё-таки буду девочкой с букетом? — спросила я, представляя себя в платье с пышными рукавами и оборочками на подоле.

— Нет, свадьба пройдёт по старому обычаю, сегодня они как раз об этом и договаривались. Ради этого твой отец даже не пошёл на работу, чтобы объясниться.

— Насчёт моего платья?

— Нет, Чимука, — рассмеялась Бо Хамфри. — Какая же ты ещё маленькая. Я просто выхожу замуж.

— За Бо Хамфри?

Она молча кивнула, а я придвинулась ближе, желая услышать подробности.

— Они пришли мириться, и твой папа наконец уступил. Ведь поначалу они отказывались признавать Лимпо, это мне Бо Грейс рассказала. В итоге всё улажено, началось сватовство. Твой папа дал согласие на свадьбу, и на следующей неделе они ещё раз придут, чтобы обсудить детали.

Бо Шитали взглянула на меня с лёгким прищуром, готовая плясать от счастья.

На кухне гремела тарелками тётушка Грейс, и я спросила:

— Значит, она не уедет?

Бо Шитали рассмеялась, задорно хлопнув себя по бедру.

— Точно. Не уедет.

И она занялась пелёнками, любовно складывая их в стопку.

Я же призадумалась над словами Бо Шитали. Вот она назвала меня маленькой. Но ещё совсем недавно, до того как у неё начал расти животик, а ноги — отекать, она и сама играла с нами. Но я ничего не стала говорить. У меня же не растёт животик, значит, я действительно маленькая.

Прошло ещё две недели. И вот однажды в пятницу, когда я вернулась домой, обед оказался неприготовленным. Я спросила у мамы, что случилось, а она сказала, что не успела, потому что пора готовиться к свадьбе.

— Ого, — отреагировала я.

И вот наш дом заполнился гомоном женских голосов, закипела работа. Настроение у всех было солнечное, под стать погоде. Женщины переговаривались, распевали песни на языках лози, ньянджа и тонга, и это не мешало им понимать друг друга. Они восхваляли красоту Бо Шитали, и не без повода. Моя юная тётушка облачилась

в нарядную юбку *мусиси*[41] с красно-золотым рисунком и в тон ей блузку *баки*. Перед юбки доходил до колен, а её задняя часть — до икр. Сёстры и кузены отца тоже принарядились в такие же юбки самых разных расцветок и пошитые из самых разных тканей. Женщины суетились вокруг невесты: одна делала ей причёску, другая подкрашивала её пухлые губки, третья оправляла перед юбки, а четвёртая прилаживала сзади белое кружево — пышное, как павлиний хвост. Многие говорили на её родном лози, нахваливая Бо Шитали или давая ей советы.

– *Убонахала ханде*. — Ты сейчас такая красивая.

– *Улу табисе*. — Мы гордимся тобой.

– *Кику бафа ликуте*. — Уважай своего мужа.

– *Уно бонахаланга касизина куена*. — Следи за собой, чтобы подольше оставаться молодой.

Бо Шитали радостно кивала, благодарила каждую, сложив перед собой ладони. Её тихое счастье было безусловным, щедрым и таким заразительным. Сегодня ничто не могло вывести её из этого необыкновенного, безмятежного состояния — ни

---

[41] Сноски: 41

Мусиси — двуслойная юбка. Название произошло от слова «миссис»: местные женщины подсматривали за тем, как одеваются белые женщины, и придумывали свои собственные наряды.

плач Лимпо, не желающей засыпать, ни то, что Куфе случайно пролил глицерин на её новые чёрные туфли, ни промашка с утюгом. Дело в том, что Тате купил по случаю «Филипс», но тут вырубили электричество, и невестину *мусиси* пришлось гладить старым чугунным утюгом на углях. В этот день, пожалуй, Бо Шитали даже выглядела старше своих восемнадцати, и я впервые не воспринимала её как свою ровню, подругу по играм. Ожерелье из фальшивого жемчуга, что переливалось как настоящее, и шесть браслетов из слоновой кости прекрасно оттеняли её шоколадную кожу.

Когда наконец невеста появилась в гостиной, Тате откашлялся, призывая всех к вниманию. Все замолчали, на улице смолкли барабаны и женское пение. Тате стоял, торжественно держа обеими руками тяжёлый мешок с кукурузной мукой. И Тате заговорил на лози:

– *Мунаняка* (то есть «моя младшая сестра»). Даю тебе своё благословение. Пусть ты никогда не будешь голодной и Господь хранит тебя.

Женщины поднялись со своих мест и запели, когда Тате поставил двадцатипятикилограммовый мешок возле ног Бо Шитали, а та радостно всплеснула руками.

И в это короткое мгновение наступившей тишины я вставила и своё словечко:

— Ты сегодня такая красивая, тётушка.

— Благодарю, — ответила та.

По традиции, ещё до свадьбы к Бо Шитали начали наведываться замужние женщины, обучая её премудростям семейной жизни, и она взрослела прямо на глазах. Поступь её стала горделивой, улыбка — загадочной. Женщины собирались в спальне и пели незнакомые мне песни. Нас с Али к ним не пускали, и Лимпо оставалась на нашем попечении. Девочка уже набрала вес, стала пухленькой и больше не вырывалась, когда кто-то кроме мамы брал её на руки. Нас она давно узнавала и радостно гулила. Куфе перестал ревновать Лимпо, свыкся с тем, что она есть, и больше не пинал. Он внимательно изучал сестрёнку, тыкая в неё пальчиком.

В день свадьбы мама вплела чёрные нити в свои косички цвета коричневого *тамаринда*[42] и собрала их в красивый пучок. А ещё она надела блестящую синюю юбку *мусиси* и в тон ей блузу *баке* — этот наряд был припасён ею для самых торжественных праздников. Папины пять стар-

---

[42] Сноски: 42

Тамаринд, или индийский финик, относится к семейству бобовых.

ших сестёр тоже сияли всеми цветами радуги: они хлопотали на кухне, обмениваясь рецептами и давая друг другу советы. Меня хотели подрядить на мытьё посуды, но я предложила себя в качестве дегустатора на предмет недосола или пересола в блюдах. Суета продолжалась до позднего вечера, и я даже поспала, сидя перед телевизором, убаюканная гомоном голосов. Проснулась я от боя барабанов. На звуки праздника в наш двор сбежалась местная детвора и тоже распевала песни вместе со всеми. И даже я разучила некоторые слова на лози.

На закате, как я уже говорила, Тате преподнёс Бо Шитали традиционный мешок с кукурузной мукой, женщины запели, и началось шествие к дому жениха. Мы спустились по ступенькам веранды, обогнули дерево авокадо и вышли на улицу. На голову Бо Шитали, подобно вуали, был накинут длинный *читенге*, луна серебрила наш путь. Мы шли под энергичный бой барабанов, кто-то пел, кто-то танцевал, к нам подключались всё новые участники праздника. На перекрёстке мы свернули налево, спустились с пригорка, пересекли мост и снова свернули налево. Толпа спрессовалась на узкой дороге, но Бо Шитали можно было увидеть даже издалека. Её ярко-

красная с позолотой *мусиси* завораживающе переливалась в вечернем свете. Мы шли и шли, к нам стягивалось всё больше народа, кто-то просто стоял на обочине и наблюдал за процессией. Заморосил дождик. Мы шли по петляющей дороге, по обе стороны которой журчала в стоках зеленоватая жижа, а я мысленно вспоминала тихие вскрики Бо Шитали в том самом доме, куда мы сейчас направлялись.

Между тем праздник продолжался, наши лица сияли в лунном свете, серебряные нити дождя дрожали в воздухе, словно небесные ткачи срочно взялись ткать праздничную ткань. Песня нарастала мелодичным валом и вдруг оборвалась, когда мы остановились у знакомых ворот. Там нас поджидала принимающая сторона, их песня перекликалась с нашей: *Айве ма зенья муламу зенья челете, айве, айве ма айве, айве челете айве*[43].

Женщины принимающей стороны сделали несколько шагов вперёд и бросили нам под ноги бумажные деньги. И тогда наши женщины радостно закачали головами и продолжили песню,

---

[43] Сноски: 43

Песня на лози о том, как счастлив отец, что его дочь выходит замуж: «Придите и посмотрите на мою дочь, что уходит и родительского дома, чтобы выйти замуж».

ритмично хлопая в ладоши: *Айве, айве ма айве, айве челете айве*. Выбежав вперёд, низенькая женщина из нашей группы суетливо подобрала мокрые банкноты и засунула их меж грудей, запев громче всех, и вся толпа подхватила следом за ней: *Айве ма зенья муламу зенья челете.* Мы сделали ещё пару шагов в импровизированном танце и остановились возле ворот. В наступившей тишине было слышно, как где-то завыла собака, из местных баров доносилась музыка… Женщина из нашей группы и мужчина принимающей стороны обменялись приветствиями, хозяева расступились, приглашая наших женщин во главе с тётушкой Грейс войти во двор. За спиной у меня спала в слинге Лимпо, она даже не пошевелилась. Я стояла и ждала окончания ритуала. Через полчаса из ворот вышла тётушка Грейс со своей свитой и забрала у меня малышку. Так всё и закончилось.

Детвора разбежалась по дворам, но некоторые занялись любимым баловством. После дождя на поверхность земли выбираются всякие жучки, и дети собирают их как лакомство. Шурша крыльями и толкаясь, жучки карабкались по бортикам мисок, пытаясь выбраться наружу.

Луна спряталась за облаками, мы возвраща-

лись домой в полной темноте. Женщины болтали между собой, обсуждая прошедшую церемонию. Я молча шла рядом и уже скучала по своей Бо Шитали.

Утром я проснулась от громкого стука в дверь — это вернулся из дома жениха Тате. Мама поспешила открыть ему с радостным приветствием — ведь праздник продолжался. Пропахший домашним пивом, папа, шатаясь, прошёл в спальню, чтобы немного отдохнуть. Али дрых, накрывшись с головой одеялом, а я вышла во двор. Снова пошёл дождь, и мужчины взялись вбивать в землю колышки и натягивать зелёный шатёр. Через какое-то время на улице появился сонный Али: послонявшись среди гостей, он убежал гулять, а я должна была помогать по дому — мыть грязную посуду, подметать пол, помешивать еду на огне. Дождь закончился, роса на траве быстро испарялась под солнцем, подготовка к пиру была в самом разгаре. Женщины раскладывали по металлическим блюдам вяленую рыбу, белую варёную кассаву, зажаренные куриные тушки, *ншиму*. По бутылям было разлито домашнее пиво *мботе* — это для мужчин. Немного поспав, Тате вышел к гостям, чтобы опохмелиться. Поначалу руки его слегка дрожали, но скоро он оправился

и забасил, вступив в общий разговор.

Я всё ждала, когда же меня позовут дегустировать пищу на предмет пересола или недосола, но мама шепнула мне: «Поди поищи брата» — и вытолкнула со двора.

Али с мальчишками играл на поле в футбол, пиная старый мокрый мяч.

— Гол! — завопил он, сделав небольшой круг почёта. На воротах противника стоял худой, бритый налысо мальчишка, а сами ворота были в метр шириной и просто отмечены двумя камешками.

— Эй, ты собираешься приводить себя в порядок? — сказала я. — Иди быстро в душ. Мама сказала, что, если будешь артачиться, устроит тебе хорошую порку. — Тут я немного приврала, конечно.

Али замер и хитро уставился на меня.

— Эй, ври, да не завирайся, — сказал он с нервным смешком.

— Не веришь, и не надо. — Пожав плечами, я развернулась и пошла к дому. Было жаль, что мне не дали попробовать еду, — мама так закрутилась, что забыла покормить нас, и живот сводило от голода. Али догнал меня, и мы пошли вместе, а мальчишки посмеялись нам вслед и вернулись

к своему футболу.

— Она что, правда меня побьёт? — спросил Али, вытирая рукой потный лоб.

— Ну да. Ты что, не в курсе, что у нас в доме полно гостей?

Мы оба понимали, что при посторонних мама не станет бить Али. Молча кивнув, брат пошёл со мной нога в ногу.

Женщины выставили холодное угощение на коврик *мпаса*, а горячие блюда — на зелёный кухонный столик, который по случаю был перемещён на улицу. Горшочки и блюда с едой пыхали жаром, вкусные ароматы перемешивались с запахом влажной земли. Под навесом уже расселись мужчины в красных и пурпурных *сизибах*[44] с длинными развевающимися юбками. Наряд Тате сочетался с моим длинным бархатным платьем пурпурного цвета — мама специально так подбирала. Папина жилетка здорово болталась на его костлявой фигуре, и я засомневалась — в ней ли он был на предыдущем празднике, потому что несколько месяцев назад жилетка едва сходилась на нём. Мы подождали, когда все

[44] Сноски: 44

Сизиба — традиционная одежда мужчин лози. Представляет из себя длинный сарафан или юбку с жилеткой. Под них надевается рубашка. Также в комплект сизиба входят берет и гольфы.

займут свои места. Прибежал Али: он принял душ и, судя по блестящему лицу, явно переборщил с вазелином. Притихший Куфе выглядывал из-за маминой спины, такое смирное поведение было ему несвойственно. И вот появились жених с невестой: они прошли к коврику *мпаса* и сели на почётное место. Бо Шитали скромно опустила голову, сцепив руки на коленях, — прямо как в тот день, когда тётушки учинили ей допрос насчёт беременности. Но в *этот раз*, следует признать, она просто соблюдала необходимый ритуал: на губах её играла лёгкая улыбка, Бо Шитали купалась во всеобщем внимании. Было радостно видеть, как Тате мирно беседует с Бо Хамфри, который согласно кивал на каждое произнесённое им слово. Ритмично били барабаны, время от времени во двор, пританцовывая, забегали дети. Али сидел рядом с мамой в своих любимых розовых штанах и новой голубой рубашке.

Перед трапезой Тате захотел прочитать молитву. Мы с Али молча переглянулись. Тате вообще никогда не молился, с чего это вдруг? Он говорил медленно, с расстановкой, демонстрируя идеальное владение английским, но его сбил надсадный кашель, сотрясший всё его тело и согнувший в три погибели. Немного отдышавшись, Тате за-

крыл глаза, в которых лопнули сосудики, сложил дрожащие ладони и заговорил:

— Отец наш небесный… — Он точь-в-точь повторял интонации нашего молодого пастора, хотя никогда не видел его. — Мы преклоняем перед тобой колени и возносим хвалу, чтобы ты благословил этих молодых — мою сестру Шитали и брата моего Хамфри, ради которых мы и собрались тут. — Я открыла глаза и увидела мамино удивлённое, счастливое лицо.

Все дружно закивали, а тётушка Грейс сказала «аминь» и улыбнулась. Тате продолжил:

— Перед тем как приступить к трапезе, что ты ниспослал нам, мы просим тебя, Царь Небесный, благословить эту пищу ровно так же, как ты благословлял руки, что её приготовили. И ниспошли благодать на тех, кому не посчастливилось иметь то, что имеем мы. Мы молимся во имя Христа, преисполненные благодарности. Аминь.

Тате с трудом подавил снова подступивший кашель, вытерев рот носовым платком, и я успела заметить, как на нём проступили капельки крови. Пожалуй, я была единственной, кто увидел это.

— Аминь, — хором сказали все.

И мы приступили к трапезе.

Глава 7

Венфула иса-иса, твангале на маинса[45]. Мы танцевали под дождём и горланили песню. А когда он закончился, появились крылатые термиты — жирненькие, вкусные — дармовое лакомство. По вечерам насекомых манил свет лампочек на верандах: они кружились вокруг них облаком, пока, вконец обессиленные, не падали на землю, умирая. Но за такими мы не охотились, предпочитая тех, что зарывались в грязь и муравейники и вымывались на поверхность дождём. Мама не воспрещала нам заниматься ловлей букашек, требуя лишь, чтобы мы не хватали любую сковороду, что попадётся под руки, а жарили в той, что давала она. Мама считала это неправильной едой, равно как и свинину, гусениц или длинную рыбу, что привозил Тате после своих редких визитов в Налоло.

Мы вывалили на улицу, чтобы поохотиться за букашками, а Тате как раз возвращался домой, распевая песню Боба Марли. Когда мама крикну-

---

[45] Сноски: 45

Замбийская детская песня про дождь: «Приди скорей, сезон дождей. Мы будем играть под дождём».

ла, чтобы мы не смели брать её любимые тарелки или лучшую сковородку, Тате расхохотался.

— Необразованная ду-дурочка, — сказал он, заикаясь. — Нет такого понятия, как неправильная еда. Разве твоя Библия не учит, что любая пища от Бога — во благо?

Шатаясь, он прошёл через гостиную, опрокинув по дороге пару стульев. Наконец, приняв более или менее устойчивую позу, он повернулся к нам и изрёк:

— Берите какие угодно тарелки и сковородки. Это дом вашего Тате.

— Спасибо, Тате, — проблеяла я, чтобы только он успокоился. Али заговорщически толкнул меня локтем.

Мне хотелось спросить у Тате, что случилось, но я промолчала в надежде, что он просто отправится спать. Но он уселся в гостиной, потребовав ужин.

А мы пошли ловить летучих термитов и набрали столько, что можно хоть три дня объедаться. Мама зажарила их для нас, но сама отказалась даже прикасаться к ним.

Накануне Рождества папа снова напился. Вер-

нулся он насквозь пропахший пивом «Моси»[46] и мокрый от дождя. Он надрывно кашлял, оттягивая ворот, из-под которого выпирали острые ключицы. Тате скрутил такой удушающий кашель, что он не мог произнести ни слова. Во сне он громко стонал, хватая ртом воздух, так что никто из родителей не слышал, как в соседней комнате мы с Али развели бурную деятельность — придумывали новые модели рогаток. Наутро Тате полегчало, и он отправился в пивнушку на рынке. Мы с Али гуляли неподалёку и застали его в компании с той самой женщиной, вихляющей бёдрами.

Это было уже во второй раз, и мне это не нравилось. Я толкнула Али, чтобы он обратил внимание, но тот был увлечён швырянием камешков в одну из канав, что начинаются от большого канализационного пруда и проходят через весь город.

От жары у меня пересохло в горле и растрескались губы. Рядом грохотала музыка, и Али мог меня просто не услышать. И тогда я крикнула ему прямо в ухо:

— Эй, гляди — там Тате!

Али вздрогнул и нервно хохотнул.

---

[46] Сноски: 46
«Моси» (Mosi) — замбийская марка пива.

— Ну и что? Да знаю я. Это ж Сандра, папина краля. — Он лениво побрёл по дороге, загребая пыль ногами, даже не понимая, что сказал нечто ужасно неприличное.

— Ты врёшь! — крикнула я и свалила его с ног.

— Да не вру я. — Али поднялся и отряхнул пыль со штанов. — Все знают. Даже мама.

Я обернулась, пытаясь выискать глазами Тате среди базарного разноцветия, но он уже пропал из вида. Наверное, опять зашёл в бар «У Джо». Я разревелась и побежала домой.

В третий раз, когда я увидела Тате с Сандрой, они шли как пара, держась за руки. Ладони у Сандры были рыжего оттенка, и лишь костяшки пальцев оставались чёрными, в тон папиной коже. На меня напало какое-то нервное возбуждение, требовалось выпустить пар. Тронув Али за плечо, я крикнула:

— Чур, ты вода!

Я перебежала дорогу и едва не угодила под машину. *Главное, не оглядываться*, — думала я, но всё равно оглянулась и увидела, что Тате с Сандрой зашли в бар. Али перебежал дорогу с большим успехом, чем я, и осалил меня.

— Чур, ты вода!

Он тоже всё видел, всё понимал и не очень-то

хотел играть, но таков был наш негласный договор — не говорить о том запретном, что мы увидели.

Перед Рождеством Тате заплатили заранее. Он отдал маме деньги и предупредил:

— Трать с оглядкой. Деньги не бананы, на деревьях не растут.

На праздник все мамы с Манчинчи-роуд готовили похожие блюда: бледно-жёлтый рис, жареных цыплят с хрустящей корочкой, картофельные салаты и много зелени. В то Рождество нам подарили обновки: мне — голубую джинсовую юбку с пуговичками спереди, а Али — на вырост футболку с цифрами 90210[47]. Да, все семьи с Манчинчи-роуд могли себе позволить такие угощения и подарки. Исключением была лишь семья Чанды. Её отец лишился всех накоплений, когда лопнул банк «Меридиан МБЗА»[48], и теперь он собирался перевезти жену и детей в

[47] Сноски: 47

Число 90210 означает один из почтовых индексов района Беверли-Хилз в Лос-Анджелесе. Это самый популярный индекс в мире. А известность ему принёс сериал «Беверли-Хилз, 90210».

[48] Сноски: 48

«Меридиан МБЗА» — банк холдинга BIAO (Banque Internationale pour l'Afrique Occidentale — Международный банк Западной Африки).

свою родную деревню козле Касамы[49]. Так что им было не до веселья.

К тому времени папа ужасно исхудал, став невесомым, как пёрышко, подхваченное июльским ветерком. Он больше не ходил на базар, не пританцовывал под льющуюся из динамиков музыку, не встречался со своей подружкой Сандрой. Нет, ничего этого больше не было. В какой-то момент мама устроила его в больницу, похвалившись Бана Муленге, что там ему три раза в день ставят уколы. Потом папу выписали, и он вернулся домой. Он спал целыми днями. У него начали лезть волосы — остался лишь несчастный светло-коричневый пушок, и теперь голова его походила на одуванчик. Однажды папа мрачно погляделся в зеркало и в сердцах начал драть на себе остатки волос. Чтобы не видеть этого душераздирающего зрелища, я убежала гулять, а когда вернулась, Тате уже побрился налысо. После этого он перестал выходить к столу, и мы ели одни в тягостной тишине. Особенно болезненно отсутствие папы в нашей жизни воспринималось по вечерам. Мы скучали по его школьным историям. Не могли смотреть на пустое кресло, в котором

[49] Сноски: 49

Касама — город в Замбии. Является административным центром Северной провинции и одноимённого округа.

он обычно сидел, вступая в пререкания с диктором новостей, вещавшим что-то вроде: «Бывшие работники лопнувшего банка „Меридиан“ призвали правительство вмешаться в ситуацию, чтобы они получили невыплаченную зарплату».

Однажды мама сказала Бана Муленге:

— У моего мужа туберкулёз.

— Это потому, что он попал под дождь под Рождество?

— Ну да. И это было последней каплей.

— Ничего, он поправится, — сказала Бана Муленга, но как-то неуверенно. По телу моему побежали мурашки, а мама с подругой молча сидели и доедали свои манго.

В тот же вечер я спросила у мамы:

— Что с Тате?

— Ничего страшного, — ответила мама. — Господь вылечит его. — Внешне мама оставалась спокойной, но до крови расковыряла кожу вокруг ногтя.

Но Господь всё никак не вылечивал Тате, он превращался в тень. Он дышал со свистом и надрывно кашлял, а я продолжала надеяться, что эта тень, теперь редко выходящая из спальни, всё же возродится и преисполнится жизненной энергии, став как на той фотографии в деревянной

коричневой рамочке, где Тате стоит молодой и счастливый в своём прекрасном жёлто-зелёном балахоне. Но он угасал с каждым днём.

Всё как-то смешалось в этой жизни: женщина с развязной походкой, папин туберкулёз, плач Куфе и рождественские каникулы. Когда занятия в школе возобновились, я с радостью вырвалась из тягостной атмосферы дома.

Как я уже говорила, в последнюю ночь каникул сова ухала до самого рассвета, и я не спала.

А на следующий день мой Тате умер.

Глава 8

Пока они не сказали ничего такого, всё хорошо, — твердила я себе, когда за мной в школу пришли два папиных родственника и Бо Шитали. Никто из них не произнёс «твой папа умер». Значит, это неправда.

Может, пока я тут в школе, ему просто стало хуже, — рассуждала я. — *Может, он просто затребовал меня домой, потому что утром я что-то не так сделала.* Мой воспалённый мозг бессвязно метался от одной мысли к другой, и я пыталась вспомнить свои проступки.

Поздно поднялась.

Спрятала зубную щётку Али, чтобы он попсиховал.

Засунула грязную одежду под кровать. На этом список промахов истощился, и я стала выискивать другие причины.

Может, Тате просто хочет увидеть меня… Я попыталась улыбнуться какой-то хорошей мысли, но сразу её потеряла. Так зачем взрослые *заявились в школу?* Я взглянула на мужчин, которых едва помнила, на свою тётушку, что водила

меня в школу и забирала домой лишь до тех пор, пока мне не исполнилось семь. *Пока они не говорят ничего плохого, это не может быть правдой.* Эта мантра помогала мне идти в сторону дома, потому что, если не повторять её всё время, мои коленки подогнутся и я свалюсь прямо здесь. Я сфокусировалась на ходьбе и стала считать шаги, потом листики на деревьях, лужи на дороге и отражённые в них облака. Всё считала и считала, пока у меня не зазвенело в ушах.

Один из родственников что-то говорил мне, но я слышала только этот нарастающий звон. Я попыталась сосредоточиться, подняв глаза на говорящего. Он смотрел на меня, щурясь на солнце: в приспущенных уголках его глаз собрались морщинки. Он был так похож на Тате, что у меня защемило сердце. Я не могла оторвать глаз от этого человека. Перехватив мой взгляд, Бо Шитали сказала:

— Чимука, это твой двоюродный дядя Бернард, ты помнишь его?

Гул в ушах не утихал, превращая её слова в невнятный шёпот, но мне удавалось читать их по губам. Сердце, едва не остановившись, забилось с удвоенной силой.

— Да, помню, — соврала я, вспомнив папино на-

ставление: невежливо забывать его деревенских родственников только потому, что они редко у нас бывают.

— Бернард — мой двоюродный брат. И дядюшка Чарльз тоже, — продолжила Бо Шитали, указывая на второго мужчину. Я нехотя повернулась к дядюшке Чарльзу. Он был небольшого роста, примерно как Бо Шитали. Цвет кожи у него был светло-коричневый, губы — густого пурпурного цвета, оттенённые тёмными глазами.

— Ты должна помнить его, ты ведь помнишь? — спросила Бо Шитали.

— Да, — снова соврала я.

Тот, что так походил на Тате, грустно улыбался и старался не встречаться со мной взглядом.

— А помнишь, как Бо Алисинда уехал в город и поступил в Замбийский университет? — спросил он у брата.

— Ага.

— Он был очень способный, сразу же получил стипендию. И Чимука вся в него. Правда же, Чимука? — дядюшка Бернард сказал эти слова на лозийском, выделив лишь одно слово «способный» на английском, подчеркнув его высокой интонацией. Рядом пели птицы.

— Ага. — Я слабо улыбнулась.

Второй брат с готовностью закивал и похлопал меня по спине. Сейчас мне очень нужны были их слова поддержки, и я предпочитала слушать, а не говорить. И чем больше они говорили, тем больше я уверялась, что они забрали меня из школы по какой-то другой причине, а не той, что чувствовало моё сердце. Потому что, если б на то была эта самая причина, они не смогли бы говорить. Потому что, если б Тате действительно умер, их язык налился бы тяжестью — они пытались бы подобрать слова, но не смогли бы. Так что пока они этого не произнесли, всё было неправдой.

Жизнь вокруг нас шла своим чередом. Из-за чужих ворот выглядывали собаки, облаивая нас. Машины на дороге объезжали рытвины с дождевой водой. Торговки фриттерами на обочине зазывали покупателей, а кондукторы автобусов дубасили по дверям, спрашивая с подножки: «Вам в город?» Может, кому-то и надо было в город, но мы *идём домой к моему папе.*

По мере приближения к дому становились отчётливее горестные причитания. На нашей улице я повидала немало похорон, а на некоторых даже присутствовала. И я стала вспоминать чужие похороны, потому что ведь легче, когда

умирают чужие люди. Я вспоминала, как, опустив головы и сцепив руки, женщины шли в сторону дома, где случилось горе, и уже возле самых ворот начинали громко причитать. Вдоль дороги парковались в ряд машины родственников и знакомых покойного, во дворе возводился шатёр и разжигался костёр, который нужно было поддерживать всю ночь. Из гостиной во двор выносились стулья. Усевшись полукругом вокруг огня, мужчины не переставая вели беседы. После ужина хор голосов затягивал грустную песнь, нежную и мелодичную. Это были всего лишь воспоминания, и всё же меня охватила паника. Сердце застучало, как молот, ноги стали тяжёлыми, как гири. Горячечный гул в голове нарастал, и все грустные образы вдруг… оказались реальностью сегодняшнего дня. На лужайке перед нашим домом я увидела зелёный шатёр. Стулья из гостиной перекочевали на улицу: усевшись тесным полукругом вокруг огня, о чём-то тихо переговаривались шестеро мужчин. Рядом лежала горка дров, чтобы хватило до утра. По двору ходили соседи, и отовсюду слышались женские причитания: Бо Ндате Чимука![50]

---

[50] Сноски: 50
Отец Чимуки.

Дядюшка Бернард и дядюшка Чарльз направились к мужчинам, оставив меня одну. Меня охватила дрожь. Никто мне ничего не объяснил, но и так всё было ясно. В ушах снова зазвенело, закружилась голова. Какая-то женщина вышла ко мне, рыдая в голос. Все кругом рыдали, а мои глаза оставались сухими. Женщина взяла меня за руку и отвела в гостиную. Там в углу на матрасе сидела моя мама с серым от горя лицом и ввалившимися глазами. И тут я упала в её объятья и разрыдалась. А потом — чернота.

Когда я очнулась, голова моя покоилась на маминой груди. Она что-то говорила, но я чувствовала только вибрации, но не сам голос, потому что в ушах звенело. Мама пока не поняла, что я очнулась, и продолжала говорить. А я подняла глаза и начала пересчитывать её *мукуле*: раз, два, три, четыре, пять, шесть. Чёрный платок соскользнул с маминой головы, обвив шею.

— Мама? — произнесла я наконец. Горло саднило, и из него вырывался не голос, а жалкое кваканье. Мама молчала. — Где Тате?

– *Баусо бахва,* — ответила она наконец на тонга, в глазах её стояла неизбывная грусть. Мама ещё крепче сжала меня в своих объятьях. «Твой отец умер», — прочитала я по её губам. Гул в голове

стал оглушающим.

— Нет! Где мой Тате? — закричала я, вырываясь. Мама тихо заплакала, прижав меня к себе так крепко, что я едва не задохнулась. Мама пахла туалетным мылом, и этот запах успокаивал. Перестав бороться, я снова заплакала, мир вокруг поплыл, и я погрузилась в глубокий сон без видений. Когда я проснулась, гул в голове стих.

— Чимука, ужин готов, — сказала мама. Мы поели *ншиму, капенту* и тушёную капусту. Народу в доме стало ещё больше. Пока все ужинали, плач и стенания прекратились, слышался лишь тихий гомон разговоров. Мне снова захотелось спать, но мама сказала, что у нас дома слишком тесно и мы с Али должны переночевать у Бо Шитали.

— А как же Куфе? — спросила я.

— Куфе я заберу к себе, — подала голос Бана Муленга.

Мама спросила, помню ли я дорогу. Я сказала, что помню.

Мама велела отправляться прямо сейчас и по пути не отвлекаться на игры. Али (оказывается, он всё это время был рядом) принёс тёплые носки и свитера, мы переоделись и ушли.

Эта прогулка отвлекла нас от грустных мыслей. Район Чилулу мы знали вдоль и поперёк и, ко-

нечно же, отвлеклись на игры, забыв про мамин наказ. Мы оглянуться не успели, как наступил вечер, в густой синеве неба порхали бабочками звёзды, облепляя цветок луны. Мы попали в незнакомый район, где было тихо, непривычно и жутковато. По памяти мы всё-таки нашли дом Бо Хамфри, прошли сквозь незапертые ворота. Ключ для нас был оставлен под ковриком: открыв входную дверь, мы устроились на матрасе в маленькой полупустой комнате.

Мне снилось, как Тате лежит в своей спальне, как сотрясаются от кашля пружины кровати, а потом он затихает. Он лежит неподвижно на спине, и его атакуют муравьи. Они ползут по его ногам, всё выше и выше… забираясь мне под юбку, мелко покусывая, вырывая из сна. Я заморгала в темноте, ничего не понимая. Чьи-то руки неуверенно ощупывали меня, продвигаясь вверх по ногам, забираясь под юбку, пытаясь добраться до внутренней стороны бёдер. Шумно втянув воздух, я затаила дыхание, и чужие руки тоже замерли. Я закрыла глаза, надеясь, что это сон, но реальность была неумолима. Я беспокойно зашевелилась. Руки снова замерли, а потом потянулись к резинке на моих белых трусиках, пытаясь стянуть их. Я закашляла, стараясь привлечь внимание Али, но

он только громко всхрапнул и повернулся на другой бок. Я открыла глаза, стараясь привыкнуть к темноте и увидеть, кто это со мной творит такое. В темноте прорисовался силуэт мужчины. Его серые штаны призрачно белели в лунном свете, а ширинка была расстегнута подобно жадному зеву. Мужчина тяжело дышал. Отчего он так волновался? Был напуган? Я снова кашлянула, на этот раз громче. Вздрогнув, Али проснулся.

– *Никани?*[51] — спросил он.

Мужчина соскользнул с постели и двинулся к двери, потревожив ночной воздух. На окне колыхнулась занавеска, и я увидела, что это Бо Хамфри.

— Ты чего? Всё в порядке? — спросил Али. В полной тишине этот вопрос прозвучал как испуганный крик. Я молча кивнула, хотя Али, конечно же, не мог этого увидеть.

Бо Хамфри уже вышел за дверь и запер её на ключ.

Мы с Али не спали до самого утра, подбадривая друг друга всякими историями и делая вид, будто ничего особенного не произошло. На рассвете в замке заскрежетал ключ, дверь открылась, и на

---

[51] Сноски: 51
Что такое?

пороге показался Бо Хамфри. Он смотрел на нас и злобно лыбился. Мы молча вскочили и помчались домой к маме.

Следующие четыре дня прошли как в тумане. На нас с Али столько всего навалилось, что я старалась забыть про Бо Хамфри. К тому же детство брало своё, и нас манила улица. Нам надоело смотреть на воющих тёток, и мы убегали к друзьям, играли в свои незамысловатые игры, пока голод не гнал нас обратно домой. Приближался день похорон, и в нашем доме были установлены негласные правила: когда вечером соседи уходили, чертилась невидимая граница между маминым и папиными родственниками. Четыре маминых родственника спали с нами в гостиной, а остальную часть дома заняли родственники Тате, временно выжив нас из собственных комнат. Мама полностью отказалась от еды после того, как кто-то из папиных сестёр заявил, что только ведьмы обжираются на похоронах собственных мужей, хотя мама всегда была малоежкой. Перед сном меня подмывало всё рассказать маме про Бо Хамфри, но я уже начала подумывать, что мне всё привиделось.

В день похорон мы проснулись вместе с восходом солнца. На какое-то мгновение льющийся

в комнату рыжий свет заставил меня забыть о нашем горе. Яркое солнце и щебет птиц никак не вязались с чёрным трауром и похоронами вообще. Одевшись, я вышла во двор, и отовсюду на меня смотрело лицо Тате — так были похожи на него его сёстры и двоюродные братья. Тот же широкий нос, высокий лоб. Тате с его толстыми губами, темнокожий Тате улыбался отовсюду, смеялся, переговариваясь со знакомыми. Все словно забыли о горе, отдавшись веселью. Мне хотелось возмутиться, схватить их за грудки и потрясти, пока они не почувствуют неловкость и не заплачут, разделив мою скорбь. Но слова застревали в горле, и оставалось просто кивать и улыбаться.

Мама надела форму Матушек Доркас и восседала на матрасе в гостиной как изваяние. Из-под белой вязаной шапочки на нас смотрели красные, припухшие от слёз глаза, а на потрескавшихся губах блестел слишком толстый слой вазелина.

Белый лаковый гроб с Тате выставили возле церкви, чему я совсем не удивилась. Хотя Тате и не был постоянным прихожанином, но на службы по поводу свадеб и похорон ходил. К похоронам он относился более уважительно, чем к свадьбам, считая последние праздником чрево-

угодия. Протиснувшись сквозь толпу, я подошла к гробу, чтобы в последний раз посмотреть на моего Тате. Он словно съёжился после смерти, лишившись своих прежних габаритов. Рот странно искривлён, лицо — серое, морщинистое и постаревшее. Мне стало так страшно, что я вцепилась в кого-то, чтобы не упасть, и зарыдала в голос. И все вокруг тоже плакали. В голове моей стоял сокрушительный звон.

Потом университетский друг Тате огласил его биографию. Ничего такого, чего я бы не знала, — ничего примечательного, чтобы выступать перед сотнями малознакомых людей.

Друг говорил так:

— Меня зовут Генри Калулу, я друг семьи и хочу рассказать вам про Алисинду Джеймсона Мвию. Родился он в Налоло, Западная провинция[52], у него имеется шесть родных сестёр. Родители — Алисинда Джеймсон Мвия и Лимпо Мвия — уроженцы Налоло. Учился Алисинда в Налоло, а в 1975 году поступил в Замбийский университет, на педагогический факультет. В 1980 году получил

[52] Сноски: 52

Замбия сохранила британскую административно-территориальную систему. Страна делится на десять провинций, провинции состоят из муниципальных округов (численностью 103), далее следуют избирательные округа и административные районы.

диплом с отличием, став учителем английского. Сначала преподавал в средней школе для мальчиков в Кабулонге[53], где приобрёл огромный опыт. После этого перешёл в среднюю школу для девочек в районе Матеро. Умер он здесь, в Лусаке, 18 января 1996 года. Смерть была скоропостижной, вызванной непродолжительным приступом сильнейшего кашля. У Алисинды остались вдова и трое детей.

Непродолжительный приступ кашля… Ничего себе непродолжительный. Эти слова липли к телу, как потная одежда к горячечному больному. Сразу же вспомнился больничный двор, где я побывала с мамой и Куфе, деревья, облепленные наглядными картинками от SIDA[54]. Для меня Тате был просто Тате — худой, измученный болезнью родной человек, а не какая-то там бездушная пиктограмма. Людей, живущих нормальной жизнью, не предупреждали о СПИДе — эту болезнь приписывали извращенцам, призывая их к умеренному образу жизни и использованию

[53] Сноски: 53

Кабулонга — провинция в Замбии.

[54] Сноски: 54

SIDA (The Swedish International Development Cooperation Agency) — шведское агентство, отвечающее за организацию помощи развивающимся странам.

презервативов. В нашем комьюнити люди обычно умирали от простуды или малярии, но не от СПИДа. И я подумала, что надгробная речь должна бы звучать совсем по-другому. Зажмурившись, я попыталась представить, что бы сказала я.

Меня зовут Чимука Грейс Мвия. Вот мы стоим у гроба Алисинды Джеймсона Мвии, который был мне родным отцом. Я звала его Tate, а он меня — мванаке. Он любил устраивать мне диктанты со сложными словами вроде «иммунизация» или «фотосинтез». Этим самым он хотел продемонстрировать своим ученицам, что его десятилетняя дочь умнее их всех, вместе взятых. Вот мы стоим у гроба моего отца, который любил «Рэмбо» и «МакГайвера»[55] *и каждый вечер обязательно слушал новости по телевизору. Иногда он смотрел с мамой «Никто, кроме тебя», но считал это пустой тратой времени. Вот мы стоим у гроба моего Tate: он говорил, что Бог всё напутал, потому что я должна была родиться мальчиком, а Али — девочкой. Он считал меня очень интеллигентной, всё время повторяя, что это гораздо важнее, чем быть умным и образованным. Вот мы стоим у гроба моего Tate. Он*

---

[55] Сноски: 55

«МакГайвер» (MacGyver) — приключенческий телесериал, созданный Ли Дэвидом Злотоффом.

редко смеялся — мог разве что улыбнуться разок и молча покачать головой. Но, перебрав пива, он так смеялся, что его было не остановить.

Ничего этого я, конечно, не сказала вслух, а просто прильнула к маме и снова заплакала.

Когда папин гроб опускали в могилу, зарядил дождь. Мы вернулись домой. Без Тате дом казался сиротливым и пустым. Соседи разошлись, остались только папины и мамины родственники, разделённые невидимой границей, и каждый шептался в своём уголке. Почему-то со стены исчезла папина фотография, оставив после себя невыцветший квадратик обоев. А кресло, в котором он так любил сидеть, пустовало. Казалось, прошла целая вечность, с тех пор как он находился среди нас. А преисполненный надежд юноша на фотографии и мужчина в белом гробу будто не имели никакого отношения друг к другу. Эта мысль разрывала мне сердце.

— Неужели Тате больше нет? — несчастным голосом спросила я у мамы.

— Да, он умер, доченька. — Мама грустно покачала головой, а мы с Али прижались к ней и заплакали.

И только Куфе ничего не понял, уж больно маленький. Бана Муленга принесла его чистеньким

и весёленьким, прямо обзавидуешься. Он улыбался и гулил, как будто ничего не случилось.

На следующее утро взрослые собрались на лужайке возле дома и начали делить папино добро, сложенное в огромную картонную коробку. Каждый по очереди подходил и забирал что-нибудь себе. Один из родственников объявил, что только у него такой же размер ноги, и под общий смех сунул в синий пакет папины ботинки. Вот папин дядя по имени Джонс с глазами-маслинами и жёсткой козлиной бородкой. Он настолько худ, что коричневые штаны болтаются на нём, как на чучеле, грозясь свалиться. Дядюшка Джонс выбирает чёрный папин пиджак, сказав, что он был ему обещан в прошлое Рождество. Странно — ведь его не было у нас в доме больше двух лет. Потом тётушка Грейс не выдержала, высыпала папины пожитки на циновку, и родственники налетели как коршуны, всё-всё разобрали. И папины футболки с логотипом ДМД, и выбеленные джинсы, и вельветовые брюки, костюмы, чёрный портфель и даже носки. Пока не остался лишь красный галстук с пятнышком на краю — на него никто не позарился. Свернув циновку вместе с галстуком, Бо Шитали отнесла её в дом и засунула в закуток под лестницей. Позднее Али достал

оттуда галстук и носил его, ослабив узел.

Они растащили всё, даже папины покетбуки, зачитанные до дыр. Ачебе, Пейтон, П'Битек[56] после… Зачем они этим людям? Разве что использовать их вместо туалетной бумаги. Подумав про это, я заплакала.

Кто-то из родственников устыдился, напомнив, что у Тате остались дети-сироты, но Бо Хамфри закатил такую тираду, что мне прямо не по себе стало. Али хмуро наблюдал за всем этим безобразием, и я видела, как сжимаются его кулаки. Постепенно делёжка вещей перешла у мужчин в распитие пива. Количество пустых бутылок становилось всё больше, а голоса — всё громче и задиристей.

[56] Сноски: 56

Чинуа Ачебе (1930–2013) — нигерийский прозаик, поэт и литературный критик. Алан Пейтон (1903–1988) — южноафриканский писатель и либеральный политик британского происхождения, активист движения против апартеида. Окот П'Битек (1931–1982) — угандийский поэт, фольклорист, историк, философ.

Глава 9

Когда умер Тате, я надолго разлюбила дождь и запах сырой земли. Глядя, как опускают гроб в тесную яму, как сыплются камушки на цветы, сминая и обезображивая их, как превращает дождь железистую землю в кровавые реки вокруг могильного холмика, я знала, что буду представлять именно эту картину, когда открою окно после дождя. Буду видеть красную кровавую кашу вокруг папиной могилы. Утром в Рождество, вдыхая влажный воздух, я буду думать о смерти, а не о празднике и ароматных початках кукурузы, только что сваренных и выложенных на блюдо. Дождь лил и лил на кладбище, он не кончался ещё четыре дня, ненадолго затихая. Стук дождя по рифлёной металлической крыше, поначалу такой беззлобный, постепенно переходил в грохот, эхом разносившийся по дому.

На пятый день наступила солнечная жаркая погода. Яркая, прекрасная и такая долгожданная. Я думала, что мебель вернут на место, что это временно, но жилище наше так и осталось пустым.

Вокруг нас происходило что-то непонятное.

Кузены Тате перешёптывались во дворе, а его сёстры по-хозяйски расхаживали по комнатам, пока мама тихо поскуливала в уголочке. Я всё ждала, что она скажет хоть что-то. А когда две её старшие сестры и кузина с мужем вернулись в деревню в Чикнаката[57], чтобы возделывать землю, мама совсем осталась без защиты.

Вечером в первую пятницу после похорон к нам заглянула Бана Муленга. Окинув взглядом пустую комнату, она сказала маме, что сидела в углу на матрасе:

— Эмили, пусть дети заночуют у меня, а ты мужайся. — Не дожидаясь ответа, она повернулась к нам: — Чичи. Али. Берите Куфе и отправляйтесь ко мне. Там как раз по телевизору хорошая передача идёт.

Мы думали, что мама хоть что-то скажет, но она молчала. Я зашла в спальню за тёплой кофтой и застала там папиных сестёр. Они о чём-то жарко шептались и умолкли, завидев меня. Я взяла кофту и вышла. Эмили… Это имя звенело в моих ушах. Бана Муленга никогда не называла маму по имени, только Тате так делал, да и то таких раз по пальцам пересчитать. Мысли сразу пере-

---

[57] Сноски: 57
Чикнаката — округ в Южной провинции.

скочили на Тате, и я тяжело сглотнула. Эмили… Нахлынули воспоминания. Как однажды папа пришёл домой пьяный и начал колотить в дверь. Когда мама открыла ему, он весело ввалился в прихожую со словами: «Спасибо, Эмили». А не Бо Ма Чимука. Маму тогда разобрал смех: этот смех летал по комнате, отпрыгивая от стен, как упругий мячик. Во второй раз Тате назвал маму по её изначальному имени, когда она уронила его наручные часы, подаренные профессором филологии, доктором Стерлингом в день окончания университета. Мама долго набиралась смелости, ждала, пока Тате досмотрит очередную серию «МакГайвера» (тогда шёл повтор этого сериала), а потом присела перед ним на корточки, нервно расковыривая болячку вокруг ногтя. «*Валилато*[58], тут произошла маленькая неприятность…» — и она протянула Тате его сломанные часы. Тот осторожно взял их, глаза его удивлённо расширились. Затаив дыхание, мы с Али спрятались в своей комнате и подглядывали. Тате горестно вздохнул, помолчал немного, а потом сказал: «Всяко бывает, Эмили. Получу зарплату и отдам их в починку». Мы с братом с облегчением

[58] Сноски: 58
Любовь моя.

выдохнули.

— Эмили, — повторила Бана Муленга. Мама резко подняла голову, наверное, тоже вспомнив, как Тате её так называл. Но, увидев перед собой не мужа, а подругу, мама снова обмякла.

Муж Бана Муленги дремал на стуле перед телевизором, зато их дети — Муленга и Бупе — смотрели рекламу про стиральный порошок «Бум». Первобытные люди в шкурах животных радуются и пляшут, потому что теперь у них тоже есть такой порошок, Муленга и Бупе подпевают вместе с ними эту навязшую на зубах песенку: *Тензоли Буму сийи явела… Тензоли Буму сийи явела… Ууу буму, ууу сийи явела буму…* Мы с Али тихонько устраиваемся на циновке, посадив рядом Куфе. После рекламной паузы продолжается шоу с участием знаменитого Саузанде[59], который изображает алчного дядечку, отравляющего жизнь молодой вдове с семью детьми. Под конец закадровый мужской баритон говорит: «Захват чужого имущества является преступлением», через экран бежит титр с такой же фразой, операторы дают крупный план остолбеневших детей, и на затемнении слышен пронзающий душу

---

[59] Сноски: 59
Саузанде (Дэнни Каненгоки) — замбийский комедийный актёр.

крик вдовы.

Передача закончилась, Баши Муленга мирно храпит на стуле, но женский крик почему-то не прекращается. В телевизоре уже играет спокойная музыка с заставкой следующей передачи: «Мир — как книга: мало попутешествуешь — прочтёшь лишь одну страницу», но женщина продолжает кричать, и мы понимаем, что это наша мама. Переглянувшись, мы с Али выбегаем на улицу, позабыв про Куфе.

Мама каталась по земле и плакала в голос. Она была подобна осеннему плющу на иссохшей ветке, и было не отличить коричневое от коричневого, жизнь от смерти, правду от лжи. Её пронзительный крик взрывался мелкими стаккато и осыпался, дробясь. Рядом, ревя мотором, по дороге проехала машина. Эта ужасная сцена всколыхнула во мне недавно пережитое, в голове снова загудело, задрожали коленки. Всё происходило как в ужасном сне и казалось противоестественным. Ведь на протяжении всего это времени мама вела себя очень тихо. Она что-то бормотала себе под нос, молча кивала, выслушивая слова соболезнования. Но ни разу не кричала, не плакала в голос, а лишь с каким-то остервенением вытирала набегавшие слёзы.

Лишь по ночам, накрывшим тонким одеялом, она сотрясалась от безмолвных рыданий, засыпая перед самым рассветом.

Если во время службы на кладбище сёстры Тате бились перед гробом, как последние истерички, мама сидела отрешённая, с неподвижным лицом. Когда пастор Мвеемба упомянул жену и детей усопшего, мама поднялась со стульчика, подвела нас к могиле и возложила венок. Ладонь её задержалась на земляном холмике лишь на мгновение дольше остальных, а затем она так же тихо вернулась на место, крепко держа нас за руки.

Тут, перекрывая мамины вопли, заорала тётушка Грейс:

– *Хау!* Заткнись, заткнись, ведьма! Это ты убила его, ты! *Алалалала*! — причитала она на лози, металась по двору, пиная ногами землю и поднимая фонтаны грязи. — Ты сожрала моего брата! — И тут она упала и начала кататься по земле, повторяя: — Мой брат! Мой брат! — Она вопила как припадочная, одежда её стала грязной. Мама потрясённо уставилась на неё. Выйдя из дома, Бана Муленга положила нам руки на плечи. На какую-то долгую минуту все замерли, никто не шевелился в тревожном ожидании. В лунном свете глаза тётушки Грейс сверкали злобным

огнём, а потом она сказала:

— И ты, и твои ленивые дети — это вы сожрали моего брата, сжили его со света ради его имущества. Ведьмы, ведьмы! — И она стала тыкать пальцем в нас и маму.

Придя в себя, мама поднялась и сказала на тонга:

— Знаешь, а ведь я никого не убивала. Но вот ты убила меня сегодня раз и навсегда.

Мама окинула взором двор. Кого тут только не было. На крик сбежались местные мальчишки, а потом их матери, что прятались за спинами своих мужей. Кузены Тате засуетились, собрали стулья под шатром и погрузили их в белый фургон «тойота». Так вот зачем он тут, так вот куда подевалась наша мебель. Али стоял со сжатыми кулаками, словно приготовившись к бою. Народ смотрел на весь этот ужас и тихо переговаривался. Лицо тётушки превратилось в ледяную глыбу. Метнувшись в дом, она стала выносить одеяла из родительской спальни. Её примеру последовали остальные родственнички. Эти стервятники вынесли всё подчистую: кухонные занавески, тарелки, наши школьные формы и даже матрас, на котором спали мы с мамой.

Толпа расступилась, пропуская выезжающий

фургон. Мама издала горестный вопль. В голове моей прозвучал голос диктора: «Захват чужого имущества является преступлением». Фургон уехал вместе с родственничками, и люди стали расходиться.

Вечером Бана Муленга принесла нам толстое синее одеяло, велев маме запирать на ночь все двери. Во сне события этого дня повторились с ещё более ужасающими подробностями, а когда я проснулась утром, то снова убедилась в страшной реальности: дом наш был полностью разграблен.

Все выходные ушли на то, чтобы хоть как-то восстановить потерянное. Из церкви нам принесли старые футболки, обувь, покоцанные кастрюли и сковородки, ветхие одеяла. Дом превратился в настоящий склад из нужных и ненужных вещей: разномастные занавески, стулья, обитые воловьей кожей, кассетный магнитофон и яркие домашние половики. Али окончательно замкнулся в себе: сидел в уголке и крутил на шее папин галстук. Мама сказала, что в понедельник мы должны обязательно пойти в школу, потому что «жизнь продолжается». Али заартачился, а я не посмела перечить маме — так было её жалко.

Школа и впрямь отвлекала от грустных мыслей. Правда, мне вовсе не хотелось рассказывать

про похороны отца и про то, что случилось после них, а у моих одноклассниц хватало такта не приставать ко мне с расспросами. Тяжелей всего приходилось на переменах, так как с собой у меня не было никакой еды. И тогда сердобольные Луиза с Таонгой делились со мной початком кукурузы или фриттером. Гуталин дома кончился, и я не могла отполировать туфли до прежнего блеска. Вазелин не помогал, потому что от него пыль налипала ещё сильнее. Дома я так старательно орудовала щёткой, что ободрала мыски на туфлях и стала ходить в школу в резиновых шлёпанцах. Форма моя приобрела неопрятный вид, и на меня стали косо смотреть.

Али сократил походы в школу до двух раз в неделю, но мама не доставала его расспросами. Жизнь наша становилась по-настоящему сиротской.

А тут ещё Бана Муленга, не знаю, какая собака её укусила. Она, конечно, была маминой подругой — вроде жалела нас, давала одежду, подкармливала. Но от характера не убежишь. Она стала попрекать нас, сплетничала с соседками про маму — мол, та считает ниже своего достоинства торговать на рынке. А Муленге с Бупе постоянно напоминала, что надо быть бла-

годарными за сытую и счастливую жизнь, когда у других нет ни шиша.

Прихожане больше к нам не наведывались, помогли один раз, и на том спасибо. Мы продолжали ходить в церковь по субботам, даже Али не сопротивлялся, а мне там всегда нравилось. Но постепенно нас оттесняли на самые дальние скамейки к вонючим бомжам, хотя прежде мы сидели среди надушенных жён уважаемых людей.

Казалось, маме было всё равно, что мы живём в пустом доме без мебели. Она бродила как тень, напевая под нос молитвы, готовила непритязательную еду. Меня разбирала злость, но я терпела: я видела, как горе сломило её, как ссутулились её плечи, как стекает по её щеке слеза по время скудного ужина при свечах. Как зажёгся в её глазах упрямый огонёк, когда исхудавший Куфе орал на улице, требуя апельсин, который был у другого ребёнка, а у него не было. Мне стало стыдно ходить в школу и в церковь, но я не смела наглеть так, как Али, стараясь поддержать маму. Я вставала пораньше, чтобы подмести двор и обрызгать его водой, вспоминала мамины рецепты и готовила по ним, присматривала за Куфе, когда у неё кончались силы. Я надеялась, что моё послушание облегчит мамины страдания. Но

ничего не помогало.

Глава 10

Я жила в этом доме с самого рождения и помнила всякое про его хозяйку миссис Мвиингу, вроде бы милую и доброжелательную старушку. Обычно она редко к нам наведывалась и, встретив нас с Али на рынке, мило беседовала, передавая привет родителям. Бывало, мама шла домой с корзинкой продуктов, а навстречу ей миссис Мвиинга. Остановятся, перекинутся парой слов и идут дальше по своим делам.

Но помню, как миссис Мвиинга проявляла себя и с другой стороны. Когда Тате задерживали жалованье на пять месяцев, она покоя нам не давала. Приходила, барабанила в дверь и сыпала угрозами о выселении. Спасибо, что Тате такой спокойный. В конце концов он расплатился за аренду, и миссис Мвиинга от нас отстала.

А потом Тате умер. Ради приличия миссис Мвиинга пришла не сразу, а через пару месяцев, но маме всё равно пришлось выкручиваться. Она пообещала расплатиться на следующий день, но слова не сдержала, и так продолжалось до середины апреля, когда занятия в школе уже

закончились.

Помню, как я играла во дворе с Муленгой, и тут к нам врывается миссис Мвиинга и начинает метать громы и молнии. Мама вышла к ней как ни в чём не бывало, даже бровью не повела, — но я-то видела, как она опять раскорябала кожу вокруг ногтей, что бывало с ней в минуты крайнего волнения.

— Я скоро заплачу, — сказала мама.

— Нет уж, Бана Чимука, — заявляет миссис Мвиинга, тыкая в маму пальцем. — Сегодня — крайний срок. Хватит с меня ваших отговорок. Я и так уж проявила ангельское терпение, но у меня внуки, между прочим, их надо кормить, а этот дом — единственное, что мне досталось от сына.

— Я вам очень благодарна за ваше терпение, — смущённо сказала мама. — Знаете, я как раз на той неделе ходила в банк, справлялась насчёт компенсации за смерть мужа. — Мама нервно оттянула ворот блузки, обнажив острые ключицы. Кожа под ногтем её большого пальца кровила. — В банке сказали, что деньги будут сегодня, и я как раз собиралась туда. *Айи*[60], Чимука?

Я растерялась.

---

[60] Сноски: 60
Правда? Скажи?

— Точно, так и есть! — громко вмешался Али, пиная свой извечный футбольный мяч.

— Так что я отлучусь в банк, а потом сразу же поеду к вам, — продолжила мама, убаюканная собственным враньём. Окинув её презрительным взглядом и пригрозив врезать другой замок, если долг не будет выплачен немедленно, хозяйка удалилась.

Бана Муленга, что слушала этот разговор из-за забора, молча всплеснула руками и вернулась к себе в дом.

Я точно знала, что мама врёт. Я ходила с ней в банк несколько раз, и никто нам ничего не обещал.

— Мадам, пособие ещё не пришло. Мы вас обязательно уведомим, если что, — отвечала работница банка, не отрывая глаз от компьютера. — Следующий, пожалуйста! — К стойке, наступая нам на ноги, протискивался следующий проситель.

Поначалу мама предваряла свои походы в банк истовой молитвой, но поскольку всё время возвращалась с пустыми руками, то стала относиться к этой истории с прохладцей.

Наш последний поход в банк был самым ужасным. Во-первых, перед дверьми выстрои-

лась длинная очередь, которая превратилась в небольшой митинг вдов и родственников людей, работавших на государство. Это были медсёстры, учителя, военные и просто служащие. Все наперебой жаловались, что государство бросило их на произвол судьбы и что они расхлёбывают кашу, которую заварило предыдущее поколение.

— Да мне этот Куанда[61] никогда и не нравился, — заявил какой-то мужчина.

Кто-то согласно кивал, но иные сердито глазели на говорящего.

— Ну да, зато твой отец его поддерживал, а мы теперь мучаемся, — заявил второй мужчина.

Мы стояли в сторонке. Куфе на закорках у мамы уже начал проявлять нетерпение, как вдруг откуда ни возьмись нарисовалась тётушка Грейс. Я было решила, что это мама договорилась с ней о встрече (ведь многие приходили сюда семьями), поэтому подошла поздороваться. Но та, проигнорировав меня, ткнула указующим перстом в маму:

– *Хау!* Ну разве я была не права! Конечно, ты его угробила! — Тётушка сразу же стала центром внимания: встала под деревом и начала вещать

[61] Сноски: 61
Кеннет Каунда (1924–2021) — первый президент Замбии (1964–1991).

на фоне оживлённой Каирской дороги[62]. Народ навострил уши и придвинулся ближе.

— Ну что, даже траур не выдержала, прибежала за его денежками? А то, что у него ещё родственники есть, об этом ты подумала? Ты хоть об этом подумала, когда сживала его со свету? — Тётушка обхватила рукой подбородок и нахмурилась. Орать-то она орала, но глаза её оставались пустыми. — Слыхала я, что ты ходишь сюда с первого же дня после похорон, мне одна знакомая сказала.

К нам потянулась толпа зевак, а тётушка продолжала разглагольствовать, переходя на крик:

— Что ты за вдова такая? Иди домой и оплакивай мужа!

Мама нервно поправила накидку на голове и начала расковыривать кожу вокруг ногтей — на большом пальце показались капельки крови.

— Но как же так, *муламу*?[63] Вы же всё у меня забрали. Чем я буду кормить ваших детей? — спросила наконец мама.

— Наших детей? Наших? Скорми им тело моего брата! — прошипела тётушка. — Изумлённо

---

[62] Сноски: 62

Каирская дорога — главная магистраль Лусаки, проходит через деловой и торговый центр города.

[63] Сноски: 63

Золовка.

выдохнув, толпа повернулась к маме, а тётушка повалилась на землю и начала лить крокодиловы слёзы.

— Пошли скорее, — сказала мама и потащила нас к раздвижным дверям банка.

Получив очередной отказ, мы отправились домой. Сосущий под ложечкой голод только подстёгивал мой гнев на тётушку Грейс. Я злилась на маму за её неумение дать отпор и на папу тоже — за то, что он умер, оставив нас на произвол судьбы. Я представляла себе, как тётушка Грейс, получив в банке толстую пачку *квач*[64], отправляется в «Тонтос»[65], где покупает навынос красно-жёлтую картонку с жареным картофелем и ломтиками курятины.

Мама вспомнила про банк и пособие, лишь когда появилась миссис Мвиинга, а когда та ушла, мама сказала, что дом слишком большой и нам придётся переехать. В каком-то смысле она была права. Раньше гостиная была заставлена пусть старой, но мебелью, а в спальне стоял шкаф с

---

[64] Сноски: 64

Квача — денежная единица Республики Замбия, с 1968 г. она заменила замбийский фунт. На одном из местных диалектов квача означает «свобода».

[65] Сноски: 65

«Тонтос» (Tonto's) — ресторан быстрого питания.

вещами. Но теперь по дому гулял ветер и везде мне мерещился папа. Стоило закрыть глаза, и я видела, как он сидит в своём любимом кресле перед телевизором, слушает вечерние новости, а потом рассказывает нам сказку.

Мы переехали в тот же самый вечер. Бана Муленга одолжила маме денег, попросив вернуть их сразу же, как мы устроимся на новом месте. Свернув банкноты в трубочку, мама засунула их в бюстгалтер. Нам хватило часа на сборы, и все вещи легко уместились в фургончике Баши Муленги, ещё и нам самим места хватило. Бана Муленга решила нас проводить, устроившись рядом с мужем. Нам предстояло переехать в район Матеро.

Свернув с основной трассы, машина тряслась по разбитой местной дороге с вывороченными кусками асфальта, похожими на уродливые муравейники. В конце улицы показался большой двор с четырьмя домиками, и мама объяснила, что наш — дальний.

Пока мы разгружали вещи и заносили их внутрь, народ с интересом рассматривал нас и обсуждал вслух новых жильцов. Мне понадобилось срочно забежать в туалет. Выгребная яма кишела личинками: в тусклом свете лампы они казались

синими, а не белыми, и это было мерзко, потому что для меня синий цвет являлся цветом неба. Где-то плакал младенец, с тихим кудахтаньем по двору бродили куры, в одном из домов грохотала музыка, и повсюду царила беспорядочная атмосфера базара. Баши Муленга ждал в машине, не выключая мотора, а Бана Муленга пошла поглядеть на наш домик, который оказался очень тесным.

— Ну, вот мы и дома, — сказала наконец мама. Я огляделась. Под ногами скрипел щелястый пол, и в комнату легко заползали сонмы муравьёв. Грубые стены, низкий потолок. Мама попыталась навести уют, прикнопив к стенам кое-какие картинки, подмела пол и начала разбирать вещи. Скоро домик заполнился запахом нашей одежды, сделавшись почти родным. Спали мы на полу, расстелив старый матрас, — спасибо Бана Муленге, которая об этом позаботилась.

Хозяином дома был Деррик Мвапе, высокий грузный мужчина с пухлыми тёмно-алыми губами и карими глазами под тяжёлыми веками. Сквозь окна его кухни без стёкол и занавесок можно было увидеть небольшую настенную полочку, уставленную контейнерами с разноцветными пилюлями, которыми он часто

закидывался, запивая их пивом. После этого губы его растягивались в блаженной улыбке, обнажая ряд мелких гнилых зубов, словно облепленных мухами. Жены у него не было, но был сын, тоже Деррик. Этот Деррик был даже старше меня, но именно он стал закадычным другом Али. По утрам мальчики исчезали в неизвестном направлении, возвращаясь ближе к ночи. Дом Дерриков был самым большим, располагался ближе всех к дороге, и по ночам туда захаживали женщины, уходя ранним утром, когда я начинала подметать двор. Деррик-старший был мне неприятен, так как чем-то походил на Бо Хамфри.

Меня перевели в другую школу, где я подружилась с Кили, полное имя — Кристин. Кили была плотно сбитой, небольшого роста, с выразительными тёмными глазами и тоненьким голоском. Ей бы ещё расти и расти, как другие девочки, но Кили почему-то не росла. Она была говорливой и много смеялась, даже несмотря на неприятности. После школы вместе с мамой она торговала древесным углём на базаре, и под ногти её вечно забивалась чёрная пыль. Я всегда могла прийти к их торговой точке, и Кили отсыпала мне некондицию для растопки печи.

Мама наша не завела себе подружек в Ма-

теро, но была со всеми одинаково вежлива, и соседки делились с нами сахаром, помидорами, кукурузной мукой. Но потом им надоела эта благотворительность, и нам приходилось довольствоваться *ншимой.* Несколько раз к нам наведывалась Бана Муленга, привозила еду. Она всё время уговаривала маму стать торговкой.

— Ты можешь заняться *салаулой*[66], например, — говорила она, всё время переводя разговор на одну и ту же тему. В Лусаке действительно многие женщины торговали подержанными товарами.

— И что же мне продавать? — сердилась мама. — Уж не снять ли с детей последнюю одежду? — С грустным смешком она кивала в нашу сторону.

— Ну хорошо, пусть не *салаула*, пусть что-то другое. Ты можешь выращивать помидоры. Их всегда хорошо раскупают.

— Ну да, — рассеянно бормотала мама, уставившись куда-то вдаль.

— Или вообще любые овощи, они же быстро растут. — Мама упрямо молчала. — Послушай, Эмили, я не могу постоянно гоняться к тебе, мне

---

[66] Сноски: 66
Мелкий бизнес типа барахолки.

надо и о своей семье подумать. — Испугавшись собственной бестактности, Бана Муленга прикусила язык. Вытерев руки о *читенге*, мама резко развернулась и зашла в дом, хлопнув дверью. Бана Муленга со вздохом посмотрела ей вслед, а потом уехала и больше не вернулась.

Однажды, во время очередной учительской забастовки, я вернулась домой раньше положенного и увидела маму, выходящую из дома Деррика Мвапе: внутри *читенге*, повязанного как поясная сумка, что-то позвякивало, как будто мама набрала пригоршню камешков. Меня она не заметила: кусая губы, она прошла мимо играющего во дворе Куфе и исчезла за дверями нашего дома. Через секунду на своей веранде показался Деррик-старший, чем-то очень довольный. Сплюнув на землю, он отхлебнул пива из бутылки, потом увидел меня и гаденько улыбнулся. В промежности его штанов темнело влажное пятно. Меня чуть не стошнило, и я отвернулась.

А ночью мне приснился Тате. Он спрашивал меня: «Почему вы живёте в этой убогой лачуге? Тут же всего две комнаты да маленькая кухонька». Тате сидел в своём любимом кресле, которое каким-то чудесным образом перекочевало сюда, в трущобы Матеро. Голос его звучал как бы изда-

лека, хотя сам он был на расстоянии вытянутой руки. Али тоже был тут, спал в уголке, тихо посапывая. Мама стояла перед Тате, сцепив руки, с опущенной головой. Тате улыбнулся и сказал: «Собирайся, Эмили, поедем домой». — Потом он повернулся ко мне и произнёс: «Чимука, Чимука, Чимука». Я хотела рассказать Тате про разноцветные таблетки, что прятала мама в своём *читенге*, но вдруг проснулась. Надо мной нависло мамино исхудавшее лицо.

— Чимука, проснись! — повторила мама, тряся меня за плечо. — Пора собираться в школу.

Солнце ещё не встало, через открытую створку окна в комнату задувал прохладный ветерок. Рядом мирно спал Али. Я перевернулась на другой бок, натянув на себя одеяло. Всхрапнув во сне, Али зачмокал губами. Набравшись смелости, я спросила маму:

— А почему ты Али не разбудишь? — Но мама ничего не сказала, баюкая на руках Куфе. — Он, между прочим, курит со старшеклассниками и прогуливает школу, — продолжила я.

Всё, теперь она меня точно побьёт.

Куфе захныкал, и мама легонько погладила его по спине.

— Отчего бы тебе не устроить Али порку? — вы-

крикнула я.

Мама даже не рассердилась, просто посмотрела на меня и сказала:

— Я всё знаю.

После этого она перестала будить меня в школу, но я всё равно туда ходила, лишь бы не видеть её отрешённого лица, надеясь, что всё наладится. Иногда Али делал одолжение и тоже уходил учиться, хотя на самом деле он сворачивал совершенно в другую сторону и слонялся по улицам, пока голод или темнота не гнали его домой. Иногда за ним забегал Деррик-младший, и Али возвращался пропахший куревом. Мама словно не замечала его осоловелых глаз, не слышала, как заплетается у него язык. Она молча ставила перед ним еду, если таковая имелась, и уходила спать.

В День независимости[67] зарядил дождь. Мама как раз послала меня на рынок за овощами, и я разжилась у Кили углём. Я взяла с собой Куфе и попросила его идти ножками, потому что обе руки у меня были заняты. Дождь ещё только накрапывал, и даже светило солнце. Мой братик топал по лужам и лопотал: *венфула иса-иса*, а ребята постарше, что резвились вдоль дороги,

[67] Сноски: 67

Замбия освободилась от колониальной зависимости (Великобритании) 24 октября 1964 г.

подпевали: *твангале му маинса*. Куфе всё время поскальзывался, падал и снова поднимался, а его испачканную одежду стирал дождь. И вот так, играючи, мы потихоньку двигались к дому: пакет с углём я несла на голове, прикрыв его *читенге*.

Я думала, мама обрадуется, похвалит меня за старание, но она вся изошлась от волнения — стояла и мокла возле дверей, поджидая нас.

Подхватив Куфе на руки, она закричала:

– *Васондока!*[68] Глупая девчонка! Он же заболеет, как ты могла такое допустить?

Она занесла сына в дом, на ходу срывая с него мокрую одежду. У Куфе стучали зубы от холода, но его это только смешило. Мама растёрла его полотенцем, а он продолжал лопотать: *Венфула иса-иса, твангале на маинса.* Дождь сильнее загрохотал по крыше, заглушая его детский голосок. Куфе указал пальчиком на таз, подставленный под дырку в крыше, и радостно заявил:

— Чичи, *она!*[69] Дождь.

— Мам, — попыталась оправдаться я. — Ты же сама говорила, что нам нужен уголь.

— Чимука, беги скорей в спальню и принеси

---

[68] Сноски: 68
Ты что, с ума сошла?

[69] Сноски: 69
Гляди!

сухие носки! — крикнула мама.

Из спальни вышел сонный Али. Он весь провонял табаком. Я молча подняла на него заплаканные глаза. Кинув взгляд на затухающую жаровню, брат лениво зевнул.

— Чимука, поспеши! — повторила мама.

Порывшись в вещах, я нашла только дырявые носки большого размера, но мама схватила их и натянула на ножки Куфе — они уже заледенели, а кожа сморщилась от воды. Через час у Куфе потекли сопли, начался лающий кашель и поднялась температура. Куфе задыхался, судорожно хватал ртом воздух и плакал. Так он промаялся всю ночь, заснув лишь под утро.

Когда мама вскинулась, чтобы проверить сына, то подумала, что он умер, и закричала:

— Куфе! Куфекиса!

Куфе открыл глаза, увидел, как танцуют под солнцем пылинки в воздухе, и улыбнулся.

– *Акака мванангу*[70], — дрогнувшим голосом сказала мама. Она всегда так нас называла в дни болезни. Я уже была на грани отчаянья, смотрела на братика, не в силах ему помочь, и грызла ногти. Пока бессовестный Али дрых без задних ног,

---

[70] Сноски: 70
Мой любимый ребёнок.

мама посадила Куфе в слинг из синего *читенге* с логотипом ДМД, и мы отправились в больницу.

Куфе уже прилично подрос, и его ноги долговязо свисали из *читенге*, мешая маме идти.

Мне показалось, что на улице как-то мало народу, и я спросила маму:

— А куда все подевались?

— В каком смысле?

— Ну, почти никого нет… — Я кивнула перед собой.

— Чимука, я не знаю. Поспешим, нам нужно успеть на автобус.

Странно, но ведь и машин почти не было, улицы как будто вымерли. Нам встретился лишь одинокий велосипедист, который притормозил и поинтересовался, куда это мы собрались.

— Нам надо в больницу. А что, автобусы не ходят? — спросила мама.

— Мадам, вам бы лучше вернуться домой. В стране военные пытаются захватить власть. — Мы подождали хоть каких-то ещё подробностей, но дяденька просто повторил: — Отправляйтесь домой, так целее будете.

— Нет, я должна показать сына врачу, — упорствовала мама. — За её спиной, нарушая мертвенную тишину, сипел Куфе.

— Какая больница? Сейчас никому нет дела до этого, — сказал незнакомец.

Лицо у мамы сделалось ещё упрямей. Поправив *читенге* и подтянув Куфе повыше, она взяла меня за руку и потащила к остановке. Но автобусы не ходили, и пришлось идти пешком.

Первый человек, которого мы увидели на территории больницы, был сумасшедший. Он махал руками и кричал: «Они захватили власть, они захватили власть!»

Остановив какую-то женщину, мама спросила:

— Что случилось?

— Они захватили власть, — встрянул сумасшедший.

Женщина нервно рассмеялась и повторила за сумасшедшим:

— Они захватили власть.

В приёмном покое больницы все столпились у телевизора и слушали прямое включение президента. Всё же военный переворот не удался, всё обошлось. Президент выступал на фоне какого-то унылого здания: за спиной его серой массой выстроились чиновники, среди которых ярким пятном выделялась женщина с короткой стильной причёской, в ярком *читенге* цвета авокадо и с губами, накрашенными пунцовой помадой. Как

всегда, президент выглядел безукоризненно: идеальный чёрный костюм, белая рубашка и синий клетчатый галстук. «Нельзя решать проблемы кровопролитием, — немного гнусавя, говорил президент. — Ведь у нас демократия, надо уметь договариваться. Да, конечно, мы готовы идти на уступки, но не до такой же степени…»

Пока мама носилась по кабинетам в поисках врача, остальные мамочки успели провести с ней политинформацию.

Утром двадцать восьмого октября 1997 года бывший капитан замбийской армии Стивен Лунгу попытался захватить власть и свергнуть правительство ДМД.

Все мамочки сошлись во мнении, что нехорошо совершать военные перевороты и что ни один порядочный замбиец не станет поддерживать такие действия. Ведь президент Чилуба вытащил страну из нищеты, а теперь ещё спас всех нас от гражданской войны. Он построил множество больниц, и теперь не нужно ждать по многу часов, чтобы тебе оказали медицинскую помощь. Ну да, ну да: волшебник Эф Ти Джей[71] сделал так, чтобы всем хватало хлеба с маслом, и много

[71] Сноски: 71

Эф Ти Джей (FTJ) — так в народе прозвали Фредерика Титуса Джейкоба Чилубу.

чего ещё в придачу. Везде пустили автобусы, сделали экономику свободной, всё прекрасно — зашибись.

Одна пожилая женщина послушала такое, да как начала возмущаться:

— Да что вы такое говорите? Тут не дозовёшься ни врачей, ни медсестёр. Глядишь, какой-нибудь ребёнок умрёт, не получив помощи!

А вторая тётенька и говорит:

— Просто вы-то сами жили при Каунде, а теперь катите бочку на нынешнего президента.

Тут поднялся гвалт, все начали спорить, а дети заплакали. По телевизору шёл повтор эпизода про путчистов, пытавшихся захватить телевидение, но кто-то приглушил звук, чтобы не мешать разгоревшемуся спору. Я пошла искать маму.

Я нашла её по голосу. Она стояла возле стойки администратора и пыталась докричаться хоть до кого-то. Куфе лежал у неё на руках тряпичной куклой, не издавая ни единого звука. Мне стало страшно. *Он просто спит*, — подумала я. Мама опустилась на стул, а я присела на корточки, обхватив её ноги. Мы долго так сидели и ждали. Потом неведомо откуда появилось сразу несколько врачей и медсестёр, увлечённо обсуждавших политические события.

Один из врачей спросил маму:

— Ну, что у вас?

– *Ати.*

Медсёстры резко обернулись, регистраторша на секунду оторвалась от писанины и снова вернулась к своему занятию.

— Он умер. Вы что, оглохли? Мой сын умер! Он умер! — выкрикнула мама и снова замкнулась в себе.

— О… — неопределённо промычал кто-то.

— Мадам, что вы кричите? Не мы же его убили, — сказала врачиха. Регистраторша подошла к маме, глянула на Куфе, черкнула что-то на бланке и передала его маме.

— Вот, держите. На перекрёстке — отделение полиции. Оставьте квиток у них и возвращайтесь сюда.

Мама взяла листок, подняла глаза на регистраторшу и сказала тусклым голосом:

— Спасибо.

По дороге в полицейский участок и обратно мы не проронили ни слова.

Похороны Куфе были совсем не такие, как у Тате, и мы уложились в один день. Мы похоронили его на кладбище Нгверере на окраине Лусаки. Никто не рыдал, не убивался, не гово-

рил прощальных речей. Никакой кавалькады машин и белого лакированного гроба, ни одного скорбящего родственника, никаких поминок под зелёным навесом. Мы просто опустили нашего маленького Куфе в землю и отправились отсыпаться. Вскоре на его могилке появилась маленькая скромная табличка: «Куфекиса Чеело Мвия. Родился двадцать седьмого сентября 1993 года, умер двадцать восьмого октября 1997 года». Какая-то добрая душа оставила на могилке маленькое белое блюдце и зелёную металлическую кружку с покоцанными краями. И на этом всё.

Мамина печаль теперь была совсем иного свойства. В ней появилась не просто отрешённость, а полное безразличие ко всему окружающему. Прошло уже несколько месяцев, но состояние мамы не улучшалось. Бывало, смотрит на нас с Али, как будто не узнаёт, а потом спрашивает — куда подевался её Куфе. Мы испуганно молчим, а мама всё крутит головой, ищет своего сыночка. Иногда она вообще не поднималась с постели, сидела и раскачивалась как безумная или вторила пению птиц, а потом заливалась слезами. Мама больше не будила меня по утрам, не гнала в школу, перестала ходить в церковь. Мы старались не говорить про Куфе, а без его плача и смешного

лепета дом опустел. Я и сама не догадывалась, как сильно его любила.

Глава 11

Я прекрасно помнила, как вела себя мама после смерти Тате.

Она старалась, чтобы всё было как прежде, надеялась, что своими песнями и стремлением к чистоте и порядку склеит нашу разбитую жизнь. Это было и хорошо, и плохо одновременно: ведь сколько мы ни старались, жизнь вокруг нас всё равно поменялась. Ничего не было как прежде. Мама вставала по утрам, начинала уборку, но дом опустел, убирать было нечего. Она много времени проводила на кухне, хотя готовить было не из чего, а потом и не на чем (когда мы остались без плиты). Что бы ни происходило, мама постоянно пела свой любимый гимн «С тобой у креста».

Сначала я полагала, что она старается ради нас. Чтобы мы не тосковали по прежней жизни. Чтобы я не хмурилась, а Куфе не плакал. Чтобы Али не бунтовал, не прогуливал школу. Но одна неделя сменяла другую, вся эта игра была важна скорее для неё самой. Маме было необходимо проснуться утром с петухами, раскрыть створки окна, отодвинуть занавески и впустить в комна-

ту солнце. В нашем крошечном домике в Матеро она убиралась аж два раза в день, словно этим можно побороть убожество. И к чему был этот самообман с отдёргиванием занавесок, если солнце само палило через дырявую крышу? Сколько ни надевай маску благодушия, как можно было не замечать, что Али прогуливает школу, а Куфе совсем отощал и обескровел? Мама повесила на стену папин портрет, но на фоне неоштукатуренных стен лаковая рамка смотрелась нелепо, а само фото так покоробилось от влаги, что папина улыбка превратилась в ухмылку. По утрам я открывала глаза, видела эту ухмылку, и мне хотелось заорать и сорвать фото вместе с рамкой.

Кроме того, мама уже не выглядела тем, кем хотела казаться. Да, она общалась с соседками, слушала их сплетни, улыбалась, но стала худой как щепка. Если Куфе тошнило, она расковыривала кожу вокруг ногтей, но, перехватив мой взгляд, говорила: «Всё будет хорошо, Чимука, всё обязательно наладится».

Вот такой была мама после смерти Тате — то умиротворённой, то тревожной, с осунувшимся лицом и тоской по Тате в глазах: «Как жаль, что твоего папы больше нет с нами».

Но когда умер Куфе, это было нечто постраш-

нее. Мама стала как декабрьская непогода, сезон дождей. Это как когда хлещет ливень, вообще не позволяя солнцу светить. Это как разыгравшаяся буря, что смывает дома и вырывает с корнем деревья. На этот раз мама не улыбалась соседкам, не говорила, что у неё всё хорошо: она просто смотрела сквозь них, словно не замечая. А когда плакала, то не утирала слёзы. Горе сжирало нашу маму, и мы переставали узнавать её. Она продолжала копить таблетки, принимая их как милостыню от Деррика-старшего и даже подбирая их с земли и ссыпая в плошку на подоконнике. Их там много собралось — красных, зелёных, синих, любых.

И каждый божий день, независимо от того, есть у нас мыло или нет, мама стирала одежду Куфе. Она застирала её до дыр. Бродила возле дома с отрешённым видом, а потом, словно очнувшись, вдруг могла спросить, поел ли Куфе.

— Что? — удивилась я, когда услышала такое в первый раз.

— Куфе. Он поел? Ему надо хорошо кушать.

— Мама, Куфе умер.

«Иисус, святая чистота, стою с тобою у креста. Я до последнего с тобою вздоха, пью из источника, текущего с горы Голгофа…» — распевала тогда она.

Али пропадал до поздней ночи, и я уже клевала носом, не в силах дождаться его.

— А правду про тебя говорят? — спросила я как-то, когда он пришёл домой и стал искать хоть какую-то еду.

— Што-а? — кинул он через плечо.

— Ужин в контейнере на столе, — подсказала я.

— Так что там про меня говорят? — еле выговорил он, набрасываясь на *ншиму*. С улицы доносилась музыка, и Али вяло изобразил что-то вроде танца. Через дыру в крыше лился лунный свет, отбрасывая на стену его скрюченную тень.

— Говорят, вы с Дерриком-младшим нюхаете какую-то дрянь.

Он кивнул:

— Дрянь очень даже неплохая.

— Как это?

— Др-р… Непл… — У него не получилось ответить.

— Такая неплохая, что ты после неё еле языком шевелишь?

Рассмеявшись, он вытащил из штанов белый тюбик, отвинтил крышку и сделал шумный вдох. Затем щёлкнул зажигалкой над клеем, подождал несколько секунд, вдохнул пары ртом, и у него аж

шары на лоб полезли. Прямо на глазах Али стал ещё более заторможенным и сонным.

Я напомнила ему о своём существовании:

— Так почему ты это делаешь?

— Птаму, — медленно произнёс Али, полуприкрыв глаза. — Птаму што эта штука приглушает чувство голода, сестрёнка, и согревает. — Доев *ншиму*, он бросил контейнер в таз с грязной посудой.

— Это мама тебе приготовила, — по привычке соврала я и запнулась. Первый раз за долгое время я могла внимательно рассмотреть брата. Что-то ещё осталось от него прежнего — приподнятые уголки пухлых губ, добродушный взгляд из-под тяжёлых век, толстый приплюснутый нос… Но на этом сходство заканчивалось. Губы его потрескались, стали сухими и болезненно красными, а когда-то нежная до бархатистости шоколадная кожа стала серой и покрылась болячками. Из-за стригущего лишая на голове местами появились проплешины, и двигался он как зомби, у которого кончается завод. Все его движения были как в замедленной съёмке. Али продолжал зомбически раскачиваться под доносящуюся с улицы музыку.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала я.

Рассмеявшись, он встал и поплёлся к своему спальному месту. У меня сжалось сердце — так он был сейчас похож на Тате. Этот горький смех, эта усталость подняли во мне такую волну жалости, что захотелось сделать всё, лишь бы вернуть прежнюю жизнь. Вставать с рассветом, опрыскивать водой двор, подметать его, аккуратно складывать в изголовье одеяло, открывать окно, впуская солнце, и даже каждый день ходить в школу, хоть и добиралась я туда в два раза дольше прежнего. Иногда после занятий я сворачивала к дому Бо Шитали, вроде как повидать малышку Лимпо. Что угодно, только бы не думать, что меньше чем за два месяца лишилась и отца, и младшего братика. Думать об этом — означало принять очевидное, но ведь такое не могло быть правдой. Ведь всё так же звенел школьный звонок, проводились линейки. На уроке учитель излагал новый материал. Не могло быть правдой, что жарким октябрьским днём наш Куфе умер. Умер по моей вине — ведь это я позволила ему бродить по лужам.

Я продолжала жить, посещала школу, а потом однажды пришла домой, а кушать опять нечего. Вот я и взяла вещи Куфе и отнесла их на продажу. Когда мама меня нашла, почти все вещи уже рас-

купили. Мама была просто в бешенстве, отняла у меня всё, что осталось, а я на вырученные деньги купила яиц и пожарила яичницу. Вернулся Али, молча поел со мной, а потом исчез с оставшимися деньгами.

Ночью, когда мы легли спать, я спросила маму:

— Неужели тебе на нас плевать? — Мама не отвечала. — Али не ходит в школу, — напирала я, — он курит какую-то дрянь и от неё делается заторможенным. Займись им, отлупи его, поучи уму-разуму. Займись хотя бы последним сыном — ведь Куфе мёртв, и его уже не вернёшь.

Я и не заметила, как перешла на крик, а мама залепила мне пощёчину. *Значит, она всё-таки меня услышала.*

— Заткнись! — сказала мама, схватившись за голову. — Заткнись! У меня было трое детей, трое, слышишь? — Её сотрясали рыдания. — Вас было трое… — повторила она упавшим голосом и, всхлипывая, повалилась на подушки. Она вроде успокоилась и уснула, но потом вдруг встала потихоньку и отправилась на кухню. Притворяясь спящей, я стала следить за мамой. Шевельнулась занавеска на окне, и я увидела, как она потянулась к плошке с таблетками.

Надо срочно позвать кого-то на помощь.

Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать одна, двадцать две, двадцать три — она выложила на руку целых двадцать три таблетки. Слабый лунный свет туманился по комнате, под ветром грохотала обшивка крыши. Мама улыбалась.

«У креста… Твоя чистота… Там за рекой… душа моя обретёт покой…» — пела мама. Где-то далеко ухала сова. Эти горестные звуки кружились вокруг меня на чёрных крыльях. Меня бил озноб, и я натянула одеяло до самого подбородка. *Никто не успеет, никто не придёт. Слишком поздно.* Мама налила в чашку воды из канистры, запила таблетки, все до одной, и вернулась в постель. «У креста… Твоя чистота… Там за рекой… душа моя обретёт покой…»

Я боялась открыть глаза. Почему? Потому что было страшно. До самого рассвета ухала сова, а потом вернулся Али, он еле держался на ногах. Брат прошёл на кухню и нашёл в контейнере на столе немного варёной картошки. Мама до последнего любила его, заботилась. Я пришла на кухню, села возле Али и сказала: «Она умерла». Картофель

был сладким на вкус, мои слова — горькими.

Я вернулась в комнату и уставилась на изваяние, совсем недавно бывшее моей мамой. Глаза её были закрыты, на лице — покой и умиротворение. Али вскочил из-за стола, сделал шаг и споткнулся, словно встретив невидимое препятствие.

— Што-а? Што случилось?

— Посмотри сам.

Неверными движениями он откинул синее одеяло и посмотрел на неподвижную маму, на её умиротворённое лицо.

И тут я заплакала.

– *Баама!*[72] — причитала я на тонгийском, но этот зов остался без ответа, зависнув в душном воздухе комнаты.

И нас осталось двое.

Похороны были очень скромными. Маленький грузовичок катил по аллеям кладбища: глазами мы пытались отыскать папину могилу, но кладбище слишком разрослось, и сейчас у нас была другая забота. Мы похоронили маму на склоне в самом конце кладбища — там, где земля встречается с небом.

---

[72] Сноски: 72
Мама.

В тот же день начались переговоры, где нам жить. Бо Шитали предпочла не общаться с родственниками мамы, обратилась к своим старшим сёстрам. Но те не захотели нас забирать. Мол, в деревне нам делать нечего — мы слишком изнеженные, мама не приучила нас к сельскому труду. Да и школа в Лусаке получше будет. В виде компенсации сёстры Тате пообещали присылать деньги на наше содержание и брать нас к себе на каникулы, чтобы мы практиковались в лозийском.

Так что Бо Шитали забрала нас к себе и всю дорогу диктовала условия, как будем жить. Мы с Али тащили наши скудные пожитки и предавались унынию. Тате умер, мама умерла — мы никому не были нужны.

— Чимука, ты слышишь или нет? — Бо Шитали редко звала меня по имени. — Чимука!

— Да? — встрепенулась я.

— У нас дома принято работать. — Бо Шитали перешла на лозийский. Их дом — их правила. — Водопровода у нас нет, как ты знаешь, воду мы берём на колонке. Так что я не дам тебе разоспаться: перед тем как идти в школу, будешь приносить по две канистры с водой. Воду перекрывают в десять, опаздывать нельзя. Ты уже

большая девочка, справишься. Поняла?

Я молча кивнула.

— И проявляй уважение к Бо Ндате Лимпо[73]. — Это она о своём муже.

— Хорошо, — ответила я на английском.

— Эй, между собой мы говорим только на лозийском. Так что оставь свой английский для школы.

Я снова кивнула. Али, нагруженный сумками, мрачно смотрел себе под ноги.

— Али, это и к тебе относится, — сказала Бо Шитали.

Али кивнул. Остальной путь мы проделали молча, лишь Лимпо что-то курлыкала на закорках у Бо Шитали.

Нам даже передохнуть не дали, и в первый же день я проспала, за что Бо Шитали отхлестала меня веткой по спине. После этого я больше не просыпала, страх получить взбучку был похлеще любого будильника. Колонка, из которой местные брали воду, находилась по другую сторону огромного резервуара со сточными водами, но я знала, как срезать путь. Если идти через рынок, можно поспеть за десять минут. Впрочем, это меня не

---

[73] Сноски: 73
Отец Лимпо.

спасало. Во сколько ни встань, к колонке выстраивалась огромная очередь, как будто люди там ночевали, а в десять подача воды прекращалась. Иногда я возвращалась домой ни с чем, вызывая гнев Бо Шитали. Тогда я придумала ещё один ход, как сэкономить время: заранее надевала форму, чтобы оставить канистры с водой и мчаться в школу, но путь туда был в два раза длинней, чем из Матеро. Кили сказала, что можно идти не вдоль железнодорожных путей, а через районы Эммасдейл и Торн Парк, и это сократило путь. Я всё время опаздывала на занятия, но старалась подгадать время к большой перемене, чтобы смешаться с остальными детьми, и учителя ни о чём не догадывались. Хуже было, когда я оказывалась возле закрытых ворот, тогда приходилось разворачиваться и уходить. Намучившись с таким режимом пару месяцев, я плюнула на всё и научилась извлекать пользу из прогулок до школы и обратно. Ведь тут не было ни Бо Шитали с её придирками, ни вечно похмельного Бо Хамфри, ни орущей Лимпо. Это время принадлежало только мне, и я заполняла его мечтами про Тате, маму и Куфе. И в этом моём вымышленном мире все были живы и счастливы: на стене висело папино выпускное фото, а под ним сидел он сам в своём

любимом кресле и смотрел новости. Потом мы с Али устраивались у него в ногах и начиналось время сказок: «*Лизази лео*…» Поэтому я ходила в школу, несмотря ни на что, ходила, пока не начался сезон дождей, а вместе с ним и угасли все мои мечты.

Странно, но, когда мы переехали к Бо Шитали, Али оказался более послушным, чем я. Он прилично себя вёл, становился на колени перед Бо Шитали и Бо Хамфри, отдавая им дань уважения. Хотя, думаю, дело было просто в том, что Деррик-младший оказался слишком далеко и Али не мог нюхать клей, делавший его таким агрессивным. Как бы то ни было, он всё время находился дома. При Тате его бы отругали за прогулы, а здесь это, наоборот, приветствовалось, потому что домашних дел было невпроворот. Однажды Али всё-таки ушёл и вернулся только под утро. Бо Хамфри так избил его веткой, что та сломалась пополам, а на спине у Али остались широкие кровавые рубцы. Это и стало последней каплей: мой брат убежал из дома с концами. Я точно знала, что он не будет с нами жить, потому что он унёс с собой главное — красный галстук Тате. Я боялась, что больше никогда его не увижу, но Али приходил меня навещать, стараясь

не пересекаться с Бо Шитали и Бо Ндате Лимпо. Если на этот момент в доме была еда, я кормила брата. Он стал какой-то тихий, задумчивый, и разговоры наши были немногословными.

— Ты как, сестричка?

— Хорошо. Есть хочешь?

— Неа.

Но я всегда давала ему манго или картошку, початок кукурузы или кусочек хлеба.

— Спасибо. — Али жадно накидывался на еду. — Он так и не отстал от тебя? — Я грустно качала головой. — Тогда пойдём отсюда, тебе нельзя тут оставаться. Мы ей не нужны.

И тогда я глядела на него, мне хотелось убедиться, что у него по-прежнему всё те же добрые глаза, как у Тате. Но во взгляде брата появилась несвойственная ему мрачность. Того Али, маминого любимчика, копии Тате, уже не было. Под глазами его темнели мешки. Он глядел на меня, ожидая ответа.

— Нет, Али, я не могу.

— Ладно. — И он уходил, пошатываясь. А однажды случайно обронил небольшой белый тюбик с клеем. Я знала, что теперь он не отвыкнет от него.

Глава 12

Когда в моей жизни всё было хорошо, я видела, что каждый взрослый проявляет ту сторону своего характера, какую считал уместной в этот момент. Так было с моими родителями, Ба Муленгой и Баши Муленгой. Такими были все, но только не Бо Шитали. С нами она всегда была одинаковая. Может, потому, что только находилась на пороге взросления, не знаю. Но с нами она была ласковой и терпеливой. Порой очень смешной, особенно когда спорила на лозийском с мамой, считавшей её слишком ленивой и неповоротливой. Но ведь она была почти ребёнком, а готовила наравне с мамой, собирала нас в школу, играла со мной, если мне нездоровилось. Именно Бо Шитали научила меня играть в *чиято*, показала все правила. Когда родился Куфе и она к нам приехала, то была очень даже красивенькая — с гладкой шоколадной кожей, улыбчивая, с белыми как жемчуг зубами. Шитали не очень-то любила церковь, но по субботам всё же ходила с мамой на службу и даже выучила несколько гимнов на лозийском, хоть и не знала грамоты.

Голос у неё был густой, басистый, но смеялась она как писклявая девчонка. Одним словом, с Шитали мне было хорошо, и я считала её своей подружкой, хотя по правилам она являлась моей тётушкой.

Вот уж от кого не ожидала подобной подлости, так это от неё. Когда мы переехали к Бо Шитали, я поняла, что она изменилась до неузнаваемости. Она больше не играла в детские игры, не смеялась, стоило только пальчик показать. Она разучилась выслушивать, а по отношению ко мне стала проявлять крайнее нетерпение. Прямо какая-то замотанная тётка, честное слово. А что случилось с её кожей? Ведь у тёмной кожи обязательно должен быть какой-то оттенок — бежевый, оранжевый, коричневый… Её же кожа стала бугристой и бесцветной. Лишь костяшки пальцев оставались сочно-шоколадными, отстаивая право на красоту.

После смерти мамы первоначальная радость от переезда к Шитали быстро померкла, осталась лишь тоска по родному дому…

Одним словом, соседи теперь называли Бо Шитали *Бамаке* Лимпо[74], а её мужа — Бо Ма Лимпо.

---

[74] Сноски: 74
Мать Лимпо.(*лози*)

Девушка, рядом с которой я росла, превратилась в мегеру. Как все остальные женщины, она сплетничала, прицокивая языком, покрикивала на меня и вечно попрекала. Постоянно давала понять, что Тате больше нет, тут её собственный дом и всё будет по её правилам.

Правило первое, которое я усвоила на второй же день, — нужно просыпаться раньше всех. Правило второе — никогда не готовить на электроплитке, а пользоваться жаровней на улице. Когда, ещё не освоившись, я пошла готовить кашу для Лимпо и стала крутить ручки на плитке, она не включилась. *Баяша бванджи стову ийю?*[75] — спросила я тогда Бо Шитали, а она обозвала меня бестолочью и сказала, что плита — это для красоты. «Не смей её трогать».

Правило третье и самое главное — никогда не смотреть в глаза Бо Хамфри, целее буду. И даже после того как случилось непоправимое, после того как он разрушил то, чего я сама у себя не смела касаться, я неукоснительно соблюдала это правило.

Я с самого начала знала, что у Бо Хамфри есть на меня виды. Он часто подлавливал меня, чтобы

---

[75] Сноски: 75
Как включить плиту?

сказать «привет», кивал мне издалека, останавливая на мне взгляд, а я внутренне вся сжималась. Я бегала от него, стала нервной, а когда Бо Шитали не оказывалось дома, он хватал мою ладонь своей липкой рукой и нежно проводил по ней пальцем. Это было как предупреждение, и у меня аж сердце уходило в пятки.

В первый раз это случилось в июне, на второй месяц моего проживания в их доме. Тогда ещё даже Али не ушёл.

Я вернулась из школы раньше обычного, так и не попав на уроки, — нарвалась у ворот на директрису и ушла, не желая слушать её нотации про то, какая я плохая девочка.

Я совсем забыла, что Бо Ндате Лимпо пришёл утром навеселе и завалился спать, а Бо Шитали взяла дочку и отправилась к своей подружке. На улице было холодно, а у меня появилась прекрасная возможность отдохнуть.

Из-за задёрнутых занавесок в комнате было темно. Я подошла к постели на полу, но сразу же почувствовала запах табака, и кто-то схватил меня за руку и потянул вниз. Я попыталась встать, шаря в темноте руками, но знала, что никто не придёт и не спасёт меня. Я извивалась, брыкалась, но потом силы кончились. Упав на Бо

Хамфри, я заплакала.

— Хватит шуметь, — прошептал он. Это был и приказ, и угроза одновременно. Задыхаясь от слёз, я понимала, что всё пропало. Он провёл пальцами по моим бёдрам, а затем неловко и нетерпеливо оттянул мои белые трусики. И тут я зарыдала в голос.

— Заткнись, — зло прошептал он. Он навис надо мной, часто дыша, капли его солёного пота капали мне в рот, вызывая рвотный рефлекс. Когда его змей коснулся того, чего даже я сама не смела касаться, в моих лёгких словно закончился воздух. И тогда он грубо вошёл в меня, разрывая преграду, о существовании которой я даже не знала. Единственным чувством оказалась сокрушительная боль, и чем она была сильнее, тем больше наслаждения он получал. Он стонал от удовольствия, закрыв мне рот ладонью, хотя я просто онемела от ужаса и только ждала, когда же это всё закончится. Один, два, три, четыре рывка, и всё. Он содрогнулся всем телом и скатился с меня. Сколько прошло времени, не знаю — может, минуты, а может, часы, но я лежала и думала, глотая слёзы.

Зачем я только вошла сюда.

Лучше б я замёрзла на улице.

Лучше б меня отругала директриса и я пошла бы на уроки.

Надо было рассказать маме ещё тогда, когда умер Тате…

Бо Хамфри оделся и пошёл на улицу курить, а я лежала как мёртвая. Пульсирующая боль разрывала меня изнутри, отваливалась спина. С трудом поднявшись на ноги, я поплелась в душ и истратила на себя целую канистру воды. Я всё намыливала мочалку, пытаясь очиститься, смыть с себя следы этой мерзости, и с ног моих стекала кровавая вода.

Выйдя из душа, я почему-то надеялась, что вот сейчас увижу маму, но вместо этого увидела старую соседку, плетущую разноцветные коврики. Мне нужно было решить, рассказывать ли обо всём Шитали или нет.

Она ужасно расстроится и даже разозлится.

А потом выгонит меня из дома.

Может, Бо Хамфри спутал меня с собственной женой?

Нужно вести себя смирно, соблюдать третье правило — не смотреть ему в глаза. Но это уже не помогло.

Старушка, плетущая разноцветные коврики, спросила, всё ли у меня хорошо, и я сказала, что

всё хорошо.

Так у меня появился ещё один секрет.

— Если у тебя всё хорошо, что ж ты тогда не развела огонь в жаровне?

— Ах да, конечно.

И я начала рвать газету, рвать в клочья ужасные воспоминания, чтобы они сгорели в жаровне.

Если никто не знает, значит, этого и не было, — подумала я. Но он сделал это со мной снова, а потом ещё и ещё, я уже счёт потеряла. Однажды, лёжа одна в постели, я потрогала рукой жилку, которой прежде не смела касаться, и почувствовала, как наполняюсь влагой. Я двигалась сначала робко, неуверенно, всё больше распаляясь, пока наслаждение не прокатилось по чреву, бешено пульсируя. Вся потная, я откинулась на подушки, на какое-то мгновение забыв обо всём на свете. Но чувство облегчения быстро прошло, и навалился стыд.

В ту ночь возле дома ухала сова…

* * *

…Проснувшись на рассвете, я отдёрнула занавески и открыла окно. Золотой свет хлынул в комнату, благословляя субботу. Я вспомнила, как по субботам моя мама становилась Матушкой

Доркас и брала меня с собой в церковь. Вспомнила, как тётушка Грейс готовила тиляпию на кухне, потому что мама соблюдала «счастливую субботу», как заповедовал Иисус.

Сунув ноги в шлёпки, я вышла на улицу умыться, а когда вернулась, то увидела, что Бо Шитали лежит в постели одна. Значит, Бо Хамфри опять не ночевал дома. По ночам он меня не трогал — из-за присутствия жены.

Уж не знаю почему, но я спросила, как-то сорвалось с языка:

— А что, его нету? — Мне даже не хотелось осквернять губы этим именем.

— В школе заработался, они там к какому-то мероприятию готовятся. — Бо Шитали притворно зевнула, изображая безразличие.

— Понятно. — Я толкнула ногой дверь, впуская в комнату звуки раннего утра: пение птиц и куриное квохтанье, шум проезжающих машин, шипенье автобусных дверей и грохот тележек торговцев.

— Что стоишь? — прикрикнула на меня Бо Шитали. — Беги готовь кашу для Лимпо, а то скоро Бо Ндате Лимпо вернётся, будет не до каши.

Лимпо беспокойно заворочалась в постели.

Налив в кастрюльку воды, я отправилась раз-

жигать жаровню.

Проснулась и заплакала Лимпо, а каша не готова. Вернувшись в дом, я взяла ее на закорки, обмотавшись *читенге*. Когда угли раскалились, я поставила кастрюльку на жаровню, насыпав в неё кукурузную муку.

И тут заявился Бо Хамфри. Помня про правило номер три, я сразу же опустила голову, но успела заметить его красные от пьянки глаза и дрожащие руки.

— Чимука! — рявкнул он на лозийском, и мне пришлось нарушить правило и посмотреть на него. — Свари-ка мне *ншиму*.

На пороге дома возникла Бо Шитали.

— Но сначала надо покормить маленькую, — робко возразила она.

— Покормишь её *ншимой*, — сказал Бо Хамфри, не отрывая от меня взгляда.

— Но ей нужно положить в кашу арахис, а его надо прежде разварить, — пролепетала Бо Шитали.

И тут он ударил её. По лицу, наотмашь. Лимпо испуганно вскрикнула и задрыгала ножками, ослабив узел *читенге*. Я затаила дыхание. Лимпо начала сползать вниз, мне нужно было поправить *читенге*, но я боялась пошевелиться. И тут

появился Али, пришёл меня навестить. Увидев, что происходит, но не смея вмешиваться, он зло пнул ногой камешек. По двору пронёсся порыв ветра, поднимая облако пыли, ветви деревьев беспокойно зашевелились. Бо Шитали стояла как громом поражённая, по её круглому лицу стекала струйка крови.

На нас словно опустился купол тишины, отсекая все посторонние звуки — и перебранку соседок, и детский смех, и стрёкот мопедов. И посреди этого сгустившегося кисельного безмолвия я вдруг заплакала, а следом за мной заплакал и Али. А потом словно кто-то опять включил рубильник, возвращая все звуки и жизнь вокруг. Сосед алкаш всё так же курил на лавочке, врубив на полную переносное радио. В углу двора переговаривались дети. Женщина несла на голове тазик с водой, распевая гимн: «Сколько Господь мне всего даровал — видно, мои желания знал…»

По круглому лицу Бо Шитали стекала струйка крови, а мы словно приросли к месту. Ни слова не говоря, Бо Хамфри зашёл в дом. Стерев ладонью кровь, Бо Шитали составила с огня кастрюльку с кипящей водой, повернулась ко мне и процедила сквозь зубы:

— Что уставилась?

— Ничего. — Я подошла к стопке газет у дверей, взяла парочку и начала медленно разрывать их, и этот звук ужасно царапал слух.

Газеты Бо Ндате Лимпо приносил из школы, складывая их возле двери и прижимая сверху камнем. Сам Бо Ндате Лимпо читать не умел, использовал бумагу в хозяйских целях. Но я-то умела, и газеты были моей отдушиной. Например, в «Дейли мейл» печатали кроссворды, и я с лёгкостью разгадывала их. «Сильный оглушающий звук» — грохот. «Самый короткий месяц в году» — февраль. «Ребёнок женского рода» — дочь. «Одна из книг Ветхого Завета» — Левит. Тайком я вписывала ответы в клеточки, и это занятие оживляло мои воспоминания о Тате.

Читать вслух мне, конечно, не разрешали. Бо Шитали повторяла — мол, нечего бахвалиться, тем более что тут все говорят на лозийском. Так что если меня заставали за этим занятием, я получала подзатыльник. Но меня было не остановить. Вот и сейчас я развернула газету и стала читать.

«Гуманитарная еда попала в плохие руки», — гласил заголовок. Рядом — фотография плотно сбитого темнокожего чиновника с серьёзным выражением лица. От долгого пребывания на воздухе бумага покоробилась и белая рубашка

чиновника приобрела желтушный оттенок. Я резко опустила газету, пропуская Бо Шитали, которой что-то нужно было взять в доме, а потом продолжила чтение.

«Все усилия по борьбе с голодом, вызванным наводнениями и засухой в разных районах страны, натолкнулись на неожиданное препятствие. Часть гуманитарной продовольственной помощи, за распределение которой отвечает правительство, оказалась на прилавках магазинов. Вице-президент Кристон Тембо, курирующий эту программу, пригрозил суровым наказанием махинаторам. „Какой позор, — сказал он. — Ведь основная часть продуктов поступает от иностранных доноров“».

«Северные районы Замбии захлестнули наводнения, а на юге бушует засуха. В результате в одной части страны урожаи смыло водой, а в другой они зачахли от её недостатка. Стихия затронула сначала двадцать девять, а теперь уже и тридцать четыре округа, и вопрос продовольственной помощи встаёт особенно остро.

Этим вопросам и были посвящены недавние парламентские слушания…»

— Поди и сделай, что тебе велели! — Бо Шитали вырвала у меня из рук газету. Я нахмурилась,

вспомнив, что мама никогда с ней так не разговаривала. — Хватит строить рожи. Иди и свари *ншиму*.

Сонно зевнув, Бо Шитали вернулась в дом. Я взяла газету, машинально посмотрела на дату (двадцать пятое марта 1998 года) и порвала её на клочки. Положила в жаровню, чиркнула спичкой и стала раздувать потухшие угли, пока их не объяло оранжевое пламя. Бо Шитали снова вышла во двор: она уже смыла кровь с лица, теперь ранка на лице будет долго заживать. Оттолкнув меня от жаровни, она сама приготовила *ншиму* для мужа и покормила его. И весь день ходила обиженной на весь мир.

Бетонные полы в наших местах принято регулярно натирать красной мастикой и отполировывать до блеска. Это было свидетельством чистоты и порядка, и соседки ревниво присматривали друг за дружкой, соревнуясь в трудолюбии. Я хорошо помню большие жестяные банки с мастикой «Санбим рэд ступ полиш», которыми мама затоваривалась по пять штук за раз. Картинка на банке была похожа на детский рисунок: рыжее улыбающееся солнышко встаёт из-за забора. Когда мама занималась полами, по дому разносился сладковатый запах воска, и нужно было

обязательно обождать, когда мастика высохнет. Для этого мама распахивала все двери, и по дому гулял тёплый сквознячок. Покупная мастика лучше самодельной, но первое время ноги всё равно немного прилипают к полу, пачкая ступни. Вот таким я и запомнила наш дом: раскрытые настежь двери, красные блестящие полы, а из-за забора восходит солнышко.

Бо Шитали не покупала дорогую мастику, а готовила её сама, смешивая ингредиенты в оригинальной банке от мастики. Этой премудрости я не знала, и Бо Шитали принялась меня учить в тот же день, когда получила по уху. Только она принесла необходимые для варки мастики свечи, как о себе напомнила бедненькая Лимпо.

— Мамочка, *нанвела ньяла*[76], — заныла она. — А ведь такие прекрасные ямочки на щёчках даны девочке, чтобы смеяться, а не плакать.

— Лимпо, *ни утвиле ахулу тала*[77], — мягко поправила дочь Бо Шитали.

— Мамочка, *нанвела ньяла.* — Лимпо уже ревела во весь голос.

На пороге показался Бо Ндате Лимпо. Он был

---

[76] Сноски: 76
Я проголодалась *(ньянджа).*

[77] Сноски: 77
Я проголодалась *(лози).*

довольно высокого роста, и, чтобы не удариться головой о притолоку, всякий раз ему приходилось нагибаться. Бо Хамфри подслеповато сощурился на солнце и вытер рукавом рот.

— В чём дело? — спросил он, сонно зевая.

– *Ни утвиле ахулу тала, Бо Ндате,* — пролепетала девочка. — Я кушать хочу.

Бо Хамфри пошарил в карманах и вручил дочке мятую зелёную банкноту в двадцать тысяч квач. Что-то Бо Шитали совсем раззевалась сегодня. На нервной почве, что ли? Вот она кладёт в банку с солнышком парафин и ставит её на жаровню. Движения её вялые, как у сомнамбулы. Да что это с ней такое? Затем Бо Шитали вскрывает пачку со свечами и начинает мелко строгать их над жёлтой миской, не забывая вытаскивать червячки фитилей. После этого она высыпает содержимое миски в банку с парафином, который уже успел расплавиться. Бо Ндате всё ещё стоит в дверях, пожирая меня глазами. Я нервно переминаюсь с ноги на ногу, очень надеясь, что Бо Шитали никуда не засобирается.

— Тётушка, давайте помогу, — поспешно говорю я, стараясь не смотреть на Бо Хамфри. Тот расплывается в улыбке, и на щеках его проявляются две идеальные ямочки.

— Теперь, — объясняет Бо Шитали, — нужно добавить в горячую смесь красный оксидный порошок, и тогда получится хорошая жирная мастика. — Бо Шитали молча передала мне деревянную ложку, и я стала мешать мастику, склонившись над жаровней, чтобы только не видеть никого. Но я всё время чувствовала на себе сверлящий взгляд Бо Ндате Лимпо. На моём лбу выступили капельки пота, я нервно вздохнула, и в нос мне шибанул химический запах мастики. Увидев моё искажённое лицо, Бо Шитали воскликнула:

— Что, опять работать неохота?

— Да нет, я не поэтому, — пробормотала я.

— А что тогда нос воротишь? — В её голосе послышались истеричные ноты. Я осторожно взглянула на тётушку, вспоминая, как до свадьбы она всё время спала под манговым деревом, а мама понять не могла, что с ней такое. На этот раз мне и без животика было ясно, что Бо Шитали опять ждёт ребенка.

— Разве я не говорила тебе, что в нашем доме положено трудиться? — Поскольку этот вопрос являлся утверждением, я промолчала, продолжая помешивать мастику. Должно быть, я слишком низко держала деревянную мешалку, не знаю, но

всё произошло мгновенно. Горячая смесь начала плеваться, и одна жирная капля попала мне на руку. Вскрикнув от боли, я инстинктивно отпрыгнула, а банка с варевом перевернулась, и мастика начала медленно вытекать на землю. Бо Шитали даже дар речи потеряла от такой наглости (это она так считала). Столько добра псу под хвост! Подхватив Лимпо, она зашагала к дому соседки, чтобы излить ей душу.

Вот уж чего не хотелось, так это оказаться наедине с Бо Ндате Лимпо. Я зачерпнула немного воды и вылила её на обожжённую руку. В дверях снова появился Бо Ндате Лимпо.

— А ну зайди в дом, — велел он.

Я знала, что ему надо. Я окинула взором двор. Старушка соседка, как всегда, плела весёлые разноцветные коврики, а её муж курил на ступеньках, добродушно почёсывая бороду. С весёлыми криками по пыльной дороге носились ребятишки. У меня затряслись поджилки. С горьким вздохом я вошла в дом вслед за Бо Хамфри.

В тот день, когда он со мной это делал, болело даже сильнее, чем в первый раз, и я всё никак не могла подняться с постели. Вечером вернулась Бо Шитали, злая как собака. Сначала её муж побил, потом я пролила мастику, а теперь ещё и ужин не

приготовила? Уложив сонную Лимпо, Бо Шитали нависла надо мной, а я не знала, что мне делать. Я боялась, что, если поднимусь, Бо Шитали увидит, как из меня вытекает белая слизь, оставшаяся после Бо Хамфри.

— А ну вставай! — приказала она.

Я подчинилась и, к собственному удивлению, увидела на ногах кровь. Ужасно болел живот. Это были мои первые месячные.

— Что это такое? — сказала Бо Шитали, указывая на алое пятно, расплывшееся на синем покрывале. — Смотри, что ты натворила, глупая девчонка! — Казалось, её голос царапает мне все внутренности как наждак, отдаваясь болью в животе.

— Я же не знала, — пробормотала я страдальчески.

— Что значит не знала? В твоём возрасте уже пора бы знать. Поди немедленно застирай покрывало, а то мы все от тебя заразимся какой-нибудь гадостью. — Она стояла, уставив руки в боки, и горящая свеча отбрасывала на стену грозную тётушкину тень. С улицы доносились звуки вечерней жизни. Торговцы обменивались случившимися за день историями, шипели гидравлические двери микроавтобусов, разво-

зивших последних пассажиров. Грохотали басы музыкальных колонок в баре. Боль стучала во мне барабанной дробью без остановки. Я поморщилась.

– *Чибаба!*[78] — с трудом выдавила я.

— Глупая девчонка. Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься с моим мужем? Быстро иди и застирай покрывало!

Она говорила тихо, но слова её воспринимались как крик, отдаваясь звоном в ушах. За дверью послышалось шуршание — это Бо Хамфри перебирал газеты, подслушивая. Я смотрела, как шевелятся тётушкины губы, а перед глазами стояло лицо Бо Хамфри. Я чувствовала его отвратительный запах. Слышала его надсадное кряхтенье в момент кульминации. Тётушка всё говорила и говорила, а я видела слюну, собравшуюся в уголке его открытого рта, видела жёлтые от табака зубы. Лицо Бо Шитали белело в вечернем сумраке, а я видела, как вытекает из меня белая слизь и пачкает трусики. Этот запах не выветривался, сколько бы я ни мылась. Я застирывала бельё до дыр, а потом выбрасывала, а новое мне никто не купит. С чего-то он придумал, будто я

---

[78] Сноски: 78
Больно!

стараюсь угодить ему. Он хвалил меня, даже благодарил и называл хорошей девочкой. Бо Шитали всё не умолкала, комната закружилась перед глазами, и какая-то неведомая сила заставила мою руку подняться и ударить Бо Шитали по лицу.

— Что? — Тётушка аж задохнулась от возмущения. — Знаешь что… Уби-бирайся вон из моего дома. Ты хочешь отбить у ме-меня мужа, вот что! — Все эти слова она произнесла на английском — так велика была её ненависть ко мне.

Оставшись в комнате одна, я опустилась на стул, не зная, что делать.

Могу ли я вернуться в наш старый дом, где из-за забора восходит солнышко?

Но там уже наверняка живут другие люди.

Может, меня приютит Бана Муленга? Всё-таки мамина лучшая подруга, она всё поймёт.

Нет, это невозможно. Она даже не приехала на мамины похороны, ни разу не навестила нас в Матеро. Я ей не нужна.

Может, попросить помощи в школе? Но как я появлюсь в таком виде перед учителями? Моя форма пришла в полную негодность, и у меня даже нет приличной обуви.

Да меня просто на смех поднимут.

Куда ещё я могу податься? *Никуда.*

Напуганная до смерти, я вышла во двор и стояла там одна в полной темноте. И вот, когда отчаянье моё достигло крайней степени, появился мой брат Али. Он просто взял меня за руку и сказал: «Пойдём отсюда, сестрёнка».

То ли потому, что впервые за долгое время он был так добр со мной и сказал хоть что-то вразумительное, то ли у меня просто не было выбора, но я молча кивнула и пошла за братом. Когда мы вышли на трассу, полил дождь.

Али привёл меня на другой конец города. Насквозь промокшие, дрожа от холода, мы спустились под какой-то мост. Там горел костёр, а вокруг него сидели беспризорные дети. По мосту громыхал дождь, но тут было сухо и относительно тепло. Увидев нас, ребята сначала заулюлюкали, а потом кто-то из них крикнул:

— Да это ж Али!

— Народ, это моя *мфана ванга*, — сказал на ньянджа Али. То есть он представил меня как свою младшую сестру, соврал и глазом не моргнул. Мы стали знакомиться. Али назвал имя каждого, но у меня так стучали зубы от холода, что я мало что расслышала.

Али засунул руку в карман и вытащил бутылочку из-под глицерина. Потряс её, понял, что

там пусто, и бросил бутылочку на землю. И тогда высокая худая девочка протянула ему свою бутылочку из-под какого-то косметического средства. Кивком Али предложил мне сесть рядом с девочкой. Он поднял с земли щепку, отвинтил крышку с бутылочки и вылил на дощечку немного густой и маслянистой жидкости. Кто-то щёлкнул зажигалкой и поджёг дощечку. Али поднёс её к носу, глубоко вдохнул пары и передал дощечку мне. *Мой младший брат*. Я насмехалась над ним, опекала его, нерадивого, а он пришёл и спас меня. Я принюхалась, а потом сделала глубокий вдох. Резкий запах шибанул в нос, и закружилась голова. Но потом по телу разлилось убаюкивающее тепло, и мне резко захотелось спать.

— Ну вот, а ты не верила, сестрёнка, — улыбнулся Али. — Не такая уж и плохая дрянь. Просто приглушает чувство голода и согревает.

У Али заплетался язык, но он говорил на ньянджа и не сделал ни одной ошибки.

Я пришла сюда такой уставшей, и клей не просто согрел меня. На какое-то время он сжёг все мои воспоминания. Со счастливой улыбкой я прислонилась к брату и заснула глубоким сном без сновидений.

Глава 13

Прежде они для меня просто не существовали — группа подростков на Индепенденс-авеню, что возле церкви адвентистов, оборвыши, слонявшиеся вдоль Чачача-роуд, или ребята, живущие под мостом на Грейт-Ист-роуд, а также возле Каирской дороги. Они были повсюду, но я их не замечала, пока не стала такой же, как они. Мы не были похожи на персонажей с предупреждающих плакатов на тему «Не давайте милостыню бродяжкам». На подобных плакатах обычно изображали беременную женщину со стайкой детей. Женщина стоит с протянутой рукой в ожидании милостыни от какого-нибудь благополучного гражданина. Но дети эти совсем не были похожи на нас. Чистенькие, черноволосые дети в ярких одеждах. Джинсы у мальчиков разодраны на коленках ради моды. Глаза у таких детей — хитрющие, и в них нет грусти или чувства потерянности. Подошвы их босых ног — гладкие, едва покрытые пылью. «Не давайте милостыню бродяжкам». Но они не были бродяжками, потому что настоящих бродяжек на плакат не

поставишь. У бродяжек Лусаки — обветренные лица в прыщах, ловкие руки, потухшие глаза, потрескавшиеся губы, а волосы изъедены стригущим лишаём.

Я вовсе не похожа на них, я не такая, как они. Так думала я, когда в первый раз понюхала клей и заснула под мостом, заменившим мне крышу над головой.

Утром я проснулась от движения транспорта и обнаружила, что кто-то стянул с моих ног тенниски. Надо же было так вырубиться. Оказывается, пока я спала, меня к тому же одолели насекомые, и я расчесала кожу до крови.

– *Низабунгу аба*, — со смехом сказали ребята, указывая на меня. — У неё кожа как у белого человека — непривыкшая к насекомым.

А ещё у меня саднило горло и голова была как чугунная. Выбравшись на лужайку, я присела возле дерева, надеясь, что все неприятные ощущения пройдут. Подошёл Али и популярно объяснил, как это работает. Просто мой организм ещё не приспособился к воздействию клея, на адаптацию потребуется какое-то время.

— Это как? — не поняла я.

— А вот так, — рассмеялся Али и пошёл с остальными «на работу». «Работа» заключалась

в попрошайничестве на дороге. Когда загорается красный свет, нужно подбежать к машине, постучать в стекло, скорчить несчастную мину и ждать, что тебе подадут пару банкнот.

Горло моё немного прошло, в голове просветлело, но накатил ужасный голод, он просто пожирал меня изнутри. Стараясь не думать об этом, я побежала к остальным и тоже попыталась попрошайничать. Только ребята шарахались от меня и старались держаться подальше: хоть я и была сестрой Али, как бродяжка доверия не вызывала, а значит, отпугивала клиентов. «Тебе надо ещё немножко запаршиветь», — шутливо объяснил Али.

Одна из девочек, получив пару банкнот, тайком убежала и вернулась, облизываясь, как сытый котёнок. Только тут я увидела, что на ней мои тенниски. Я побоялась потребовать их обратно, так как не знала здешних правил.

— Не расстраивайся, сестрёнка, — сказал на ньянджа Али. — Вот появится другая новенькая, я стяну с неё тенниски и подарю тебе. — Он говорил с такой убеждённостью, словно всю жизнь был бродяжкой.

— Я есть хочу, — робко сказала я.

— Послушай, сестрёнка, — вдруг очень серьёзно

сказал Али. — Если будешь говорить на английском, тебя побьют. Так что воздержись.

Пока горел зелёный свет, мы дурачились возле дороги, но стоило зажечься красному, каждый нёсся к выбранной им машине и жалобно канючил: *Нипемпако тандизо*[79]. Я уже так проголодалась, что было не до гордости. Я быстро перенимала у ребят их повадки, но пока ничего не «заработала».

— Что ты тут отсвечиваешь? Только неудачу приносишь, — не выдержал один из мальчишек, когда я оказалась слишком близко от него.

Пришлось отойти подальше и ждать следующего красного света.

Когда в остановившейся возле меня красной «Тойоте Старлет» я увидела за рулём женщину, чем-то похожую на маму, рука сама потянулась к стеклу.

– *Нипемпако тандизо*, — отчеканила я только что выученную фразу. Женщина удивлённо повернулась ко мне, сдвинув на лоб солнечные очки, опустила стекло и просунула сквозь щёлочку новенькую хрустящую банкноту в пятьдесят тысяч квач. Я взяла деньги, радостно улыбаясь.

---

[79] Сноски: 79
Прошу вас, помогите.

Мой первый заработок.

— Спасибо большое, — выдохнула я, но женщина, похожая на маму, уже уехала. Издав радостный вопль, я зажала деньги в кулаке и побежала на рынок, где купила себе два фритгера. Я вспомнила про Али и остальных, лишь когда проглотила последний кусок. Когда я вернулась к ребятам, они так на меня посмотрели, что я сразу поняла, что сделала что-то не так.

С этого момента мне пришлось осваивать новые правила выживания на улице.

Правило первое: мы — одна семья. Вместе играем, вместе дерёмся, всё делим поровну, будь то еда, деньги или клей. Самой старшей из нас была Энала — высокая, стройная, с округлыми бёдрами и красивой грудью. Когда она улыбалась, а это случалось довольно часто, глаза её смотрели на собеседника с лукавым прищуром. Голос её был мягким и певучим, а когда она смеялась своим гортанным, низким смехом, запрокидывая голову, прохожие оглядывались на неё. По акценту Эналы было очевидно, что она прекрасно владеет английским, но при нас она пользовалась только ньянджа. И ещё: её кожа была довольно светлой, но это становилось заметно, лишь когда нам удавалось нелегально воспользоваться чужим

душем и смыть с себя грязь.

Мальчишки одаривали её подарками, а за это Энала позволяла мальчишкам потрогать себя за грудь или потереть причиндалы о свои округлости. За это я ненавидела её и одновременно восхищалась ею. Мне лично не хотелось, чтобы кто-то дотрагивался до моей намечающейся груди или моей плоской попы, но вот от подарков я бы не отказалась. Была среди нас ещё девочка Наташа, хотя по несколько раз на дню она напоминала: «Зовите меня просто Таша». Таша постоянно находилась под кайфом, обладала ломким мальчишеским голосом и грубыми чертами лица — низкий квадратный лоб и густые сросшиеся брови. Сколько бы она ни нанюхалась клея, взгляд её всегда оставался цепким и внимательным. Руки и ноги у неё были толстыми, как обрубки, а волосы короткими, и со спины её можно было принять за мальчишку. Да она и ладила с мальчишками лучше нашего. Они звали её *бой*[80].

Самым старшим среди мальчиков, но и самым низкорослым был Мапензи. Он бегал как стрела и считался самым крутым острословом. И ещё

---

[80] Сноски: 80
Друг *(ньянджа).*

он очень хорошо относился к Али. Мапензи вообще отвечал за всех нас. Все вырученные деньги отдавались ему, и уж он распоряжался, как их потратить. Именно он распределял ребят по участкам, где следует попрошайничать, и легко догадывался, кто именно заныкал деньги. И уж если он узнавал про такой проступок, то велел ребятам бить нарушителя, пока тот не признавался в обмане. И на день провинившийся оставался без еды.

Самым младшим был Джо. Мы звали его *мпунду*, потому что когда-то у него действительно был брат-близнец, только он умер. Джо никогда не рассказывал, как это произошло. Ещё один глаз у него был «ленивый»[81], а на лбу имелась большая родинка. Джо вечно смеялся над всем, кто бы что ни сказал, даже совсем не смешное. Иногда, перенюхав накануне клея, на следующий день Джо не мог попрошайничать. Оставшись один, он лепил всякие глиняные фигурки и разговаривал с ними. Кожа у него была терракотовой, а его тугие афрокосички смешно торчали в разные стороны.

---

[81] Сноски: 81

«Ленивый» глаз, или синдром «ленивого» глаза — заболевание амблиопия, которое сопровождается выключением одного из двух глаз (совсем или частично) из процесса зрения. Возникает оно из-за того, что от одного из глаз поток зрительной информации в головной мозг серьёзно ограничен.

Одним словом, он мне нравился.

Сэйвьо[82] был вторым по старшинству среди мальчиков. Худой, угловатый и необщительный, тем не менее он всегда делился со мной едой. Посмотрит в глаза, спросит: «Голодная?» — и отдаст часть своих припасов. Один из его передних зубов был отколот, голова кишела гнидами, и в жару Сэйвьо неистово чесался.

И ещё был Джуниор[83]. На улицу он попал в пять лет и не знал собственного имени, вот его все и звали Джуниором. Он был миленьким, как девочка, и из-за этого мальчишки потешались над ним. Джуниор всё время сипел, как простуженный — наверное, какой-то непорядок со связками. У кого-то это вызывало насмешки, а у кого-то симпатию — потому что Джуниор так и не потерял своей детской наивности. Как-то одна пожилая женщина взглянула в его огромные глазищи и сказала, что он очень похож на её покойного сына — тот умер примерно в том же возрасте. Взгляд её затуманился, как будто она вот-вот расплачется, но мимические морщинки говорили о другом — женщина улыбалась соб-

---

[82] Сноски: 82
Сэйвьо — от *англ.* Saviour — спаситель.

[83] Сноски: 83
Джуниор — от *англ.* Junior — младший.

ственным воспоминаниям. Она так растрогалась, что дала Джуниору щедрую милостыню. И тут я совершила то, чего и сама от себя не ожидала. Женщина та и уйти не успела, как я ударила по кулачку Джуниора, чтобы он отдал мне деньги. Тот раскрыл ладонь и даже спорить не стал, открыв рот в беззвучном плаче. В этот момент я сама себе была противна. Шёл второй месяц моего бродяжничества, и я ещё не научилась справляться с голодом, потому так и поступила.

Когда начался сезон дождей, мы переместились в туннель, там и собирались к вечеру.

Днём туннель был как проходной двор — через него срезали путь многие горожане. Шли, зажав носы, чтобы поскорее пройти это злачное место, пропахшее мочой и фекалиями. Даже младшеклассники осмеливались туда соваться, но для них это был просто как аттракцион ужасов, только бесплатный.

Каждое утро ко входу в туннель приходила старушка, чтобы просить милостыню. Она устраивалась на подстилке и весь день изображала из себя калеку. Уходила лишь под вечер, когда народ уже обходил это место стороной.

Нельзя сказать, что все горожане были такими уж воспитанными людьми — некоторые

дяденьки нагло мочились прямо возле табличек, воспрещающих это делать.

Ещё днём в туннеле появлялись два сумасшедших: один гонялся за людьми с палкой, а второй, в подвязанных верёвкой штанах и пиджаке поверх футболки, вставал посреди туннеля, воздев руки, и кричал: «Христос грядет! Христос — это я!» Однажды, когда он уходил, я услышала тихие слова Али: «Не покидай нас, Христос…»

А ночью туннель принадлежал безраздельно нам одним. Тут всё-всё было нашим. И вонючие стены с бумажными объявлениями («Доктор Мутото, африканский целитель. Возвращаю возлюбленных, излечиваю от СПИДа, помогаю привлечь хорошую работу и деньги», «Мвапе Чанда[84] баллотируется в муниципальный совет. Голосуй за перемены»), и сама земля, на которой мы спали, пока крысы и букашки кусали нас за голые пятки. Если повезёт, мы обзаводились картонными подстилками, разобрав коробки от азиатских торговцев. А если не повезёт, спали просто на голой земле. В жару я старалась ложиться поближе к краю, чтобы вдыхать не смрад, а хотя бы запах остывающего асфальта. Я гляде-

---

[84] Сноски: 84
Мвапе Чанда — известный замбийский футболист (род. в 1979 г.).

ла на созвездия, мысленно рисуя человеческие фигурки, танцующие в небе. Я прислушивалась к осторожным шагам на дороге: люди боялись нас, считая, что беспризорные дети — это дикари, особо опасные в ночное время. *Пита*[85], *пата*, — слушала я. Остановка, и снова шаги.

Правило второе: иногда, чтобы выжить, приходится красть, потому что так тебе ничего не отдадут.

Допустим, идёт прилично одетая женщина. Мальчишки начинают крутиться возле неё, специально задевая её надушенное шифоновое платье, вызывая страх и отвращение. Потом они протягивали руки и говорили наперебой: «Помогите, пожалуйста». Если женщина даст милостыню, от неё отстанут, но если нет, мальчишки продолжали канючить и кружиться вокруг неё. Как правило, жертва даже не догадывалась о том, что во время этой круговерти самый мелкий из мальчишек обворовывал её.

Вот примерная сценка.

Заносчивая тётка идёт, зажимая нос, и всё время повторяет:

— Да нет у меня ничего, отстаньте!

---

[85] Сноски: 85
Оба слова означают «ходить».

— Пожалуйста, подайте на еду, — ноет самый мелкий, а остальные окружают тётку. Крайне обеспокоенная, та оглядывается в поисках помощи и кричит:

— Да что ж это такое — помогите!

Мальчишки изображают страх и разбегаются, но дело уже сделано. Самый мелкий успел раскрыть сумочку и выкрасть кошелёк. Такой день считался для нас удачным — мы могли накупить много еды, клей и устроить себе перерыв.

Первый раз я совершила кражу, когда прослонялась весь день по центру и ничего не выпросила. Я уже вернулась к тоннелю, возле которого сидела старушка-попрошайка, и тут увидела дяденьку, разговаривающего по телефону. Он был такой длинный, смешной и так плотно прижимал сотовый к уху, что казалось, будто антенна растёт у него прямо из головы. Он требовал у кого-то возвращения долга, выслушивал объяснения, машинально теребя чехол от сотового, пристёгнутый к брючной шлёвке. Может, обождать и попросить милостыню?

Я не могу вернуться к своим без денег, а этот точно ничего не даст — вон как долг выбивает.

В животе уже урчало от голода. Я оглянулась, убедившись, что никого рядом нет, протянула ру-

ку к его заднему карману и вытащила банкноту.

Я перевела дух, лишь оказавшись возле рынка Камвала[86], где купила себе початок варёной кукурузы. Лишь утолив голод, я обеспокоилась тем, что Мапензи про всё догадается. Но он не догадался. Страшно украсть только в первый раз, а потом уже легче. Можно залезть человеку в карман, распотрошить женскую сумочку, проследить за отлучившимся хозяином машины, открыть незапертую дверцу, схватить что плохо лежит и убежать. Я даже стала воспринимать это как приключение. Бежишь и гадаешь про себя, что за сокровище тебе досталось. Это могли быть деньги, плитка шоколада, леденцы, а какая-нибудь банковская карточка или ненужные чеки шли на выброс.

Правило третье: полагайся на друзей.

— Тебе нужен друг, — сказал мне однажды Али, глядя за горизонт, где вставало солнце. Гремя рессорами, на свои маршруты выезжали первые автобусы. Один за другим просыпались наши ребята. В ту ночь нам не повезло с картонками, и мы спали на земле, отчего имели весьма помятый вид.

---

[86] Сноски: 86
Камвала — район Лусаки.

— Но разве мы все не друзья? — спросила я.

— Нет, — ответил Али, продолжая смотреть на солнце. — Тебе надо завести собственного друга. — Пока ребята нас не слышали, можно было говорить на английском. Поза брата и его покровительственный тон сейчас напомнили мне о Тате.

— Но ведь ты уж точно мой друг, — уточнила я, до сих пор не понимая, к чему он клонит.

— Естественно. — Али понизил голос, так как за спиной замаячил кто-то из ребят. — Но я могу не оказаться рядом, что тогда? Поэтому тебе и нужен друг.

— Ладно, — кивнула я и задумчиво оглянулась на наших девочек. Наташа или Энала? Конечно же, Энала. Вон она, кстати, уже начала «работать»: нагнулась к водителю, пытаясь раскрутить его на деньги. Проследив за моим взглядом, Али одобрительно кивнул. Итак, решено: моим другом станет Энала. Правда, я так и не поняла, кто же из нас выбрал мне друга — я сама или мой брат. На дороге зажёгся зелёный свет, и Энала вернулась к нам.

— Привет, «младшая» сестра Али.

— Зови меня просто Чичи.

Энала шутливо толкнула меня, но потом схва-

тила за руку и сказала:

— Пойдём, *иве*[87].

Как будто знала, что прямо сейчас она стала моим лучшим другом.

Али ушёл с ребятами, и мы с Эналой остались вдвоём. Даже её обращение *иве* воспринималось не обидно, а звучало как знак приятия. Итак, Энала взяла надо мной шефство: она показала мне те уголки Лусаки, в которых я прежде не бывала, — например, рынок в Торн-парк, где мы умудрились стырить фрукты у старой подслеповатой торговки. А когда на центральном рынке выгружали хлеб из машины, мы тоже украли немного, спрятав буханки под одежду. Энала была очень изобретательна и научила меня, как можно поживиться едой, собственно, даже не совершая кражи. Например, ресторанчики фастфуда. Главное тут — быть внимательной и проворной. Нужно действовать, пока официантка не сгребла в мусорный пакет остатки еды вместе с бумажными тарелками. Подумаешь, надкусили! Это ж не помойка.

Когда мальчишки за свои проделки одаривали Эналу продуктами, она всегда со мной делилась.

---

[87] Сноски: 87

Обращение, означающее «ты» или «эй, ты».

Как-то вечером она нюхнула клея, словила кайф и заулыбалась. Это случилось с ней так быстро, что у меня сердце сжалось. Неужели и у неё есть воспоминания, которые хочется сжечь? Наверное. Иначе почему она живёт на улице? И когда она сказала: «Не хочешь, *ире*?», руки сами потянулись к тюбику, хотя я знала, что после клея у меня будет першить в горле. Мне не нравилось это чувство сонливости, и к клею я прибегала, лишь когда доставал голод. Но Энала теперь была моим другом, поэтому я не смогла отказаться. Клей быстро подействовал, и я уснула.

Однажды вечером Али с Мапензи ушли на какую-то стройку за городом и первый раз отсутствовали всю ночь. А я не могла заснуть, переживая и вспоминая истории, которые про них рассказывают. Будто Али с Мапензи могли залезть в чужой дом и ограбить его. Я бы очень хотела, чтобы это было неправдой, но тогда откуда у них брались пачки денег? А ведь за такое могут арестовать и посадить в тюрьму. Я лежала и ждала брата, нервно грызя ногти. Как обычно, я выбрала место с краю, но свежий воздух не помогал. Сейчас меня нервировал любой звук — то грузовик проедет, то какой-нибудь пьянчужка заведёт громкую беседу со звёздами, то припозд-

нившаяся парочка начнёт выяснять отношения. В итоге, вконец измученная, я заснула. И опять повторился этот сон про муравьёв — как они ползают по моим пяткам, по щиколоткам, пробираясь к внутренней стороне бёдер. Чувствуя, что в реальности происходит что-то ужасное, я проснулась от собственного крика. Вроде бы клей не нюхала, но я всё никак не могла сфокусироваться на чьём-то лице в темноте. Я замахала руками, отбиваясь, и фигура тихо рассмеялась. Если кто-то из ребят и проснулся, то всё равно не вмешается, я знала. Я толкнула обидчика — он был худ, но очень силён. Он силой раздвинул мне ноги, и тут я вспомнила, что на мне даже нет трусиков. Я забыла их накануне, когда мы с Эналой пробрались в частный дом в Торн-парк и приняли там душ. Нас застукал хозяин, и нам пришлось спасаться бегством. Между тем человек, с которым я сейчас боролась, пытался сделать со мной то же, что и Бо Хамфри. Сжав ноги, я ударила его коленкой в живот, и он взвыл от боли.

Кто-то из ребят захихикал, и знакомый голос спросил:

— Чичи, это ты?

— «Чичи, это ты»? — передразнил человек. В темноте кто-то оттащил его от меня и чиркнул

зажигалкой. Её тусклый свет осветил лица, на стене туннеля заплясали причудливые тени. Меня пытался изнасиловать Сейвьо.

— Ах ты, подлец! — воскликнул мой брат. — Тощая дрянь! Я убью тебя!

— За что? — последовал ответ.

— Это ж моя сестра!

— Ну и что? Я ей подарки дарил. — Сейвьо хитро улыбнулся, обнажив рот с отколотым передним зубом. — Она разве тебе не говорила? — Снова косой взгляд в мою сторону и подленькая улыбка. — Она — мой цветочек. *Айи*, Чичи?

Я опустила голову, потянув коленки и обхватив их руками. От голоса Сейвьо у меня по телу бегали мурашки. В прыжке Али подскочил к нему и ударил в живот. Сейвьо взвыл от боли. Я закричала. Кто-то рядом рассмеялся. Мальчишки сцепились в драке, туннель огласился радостным улюлюканьем болельщиков. Сейвьо толкнул Али, и тот упал. Я хотела подбежать к ребятам, чтобы разнять их, но меня остановило выражение лица брата. Я замерла, затаив дыхание. Али медленно встал, подошел к Сейвьо и, улучив момент, саданул его в живот осколком бутылки. Луна вышла из-за облаков: кровь капала на землю, проводя красную черту между противниками.

Бросив осколок на землю, Али с кривой улыбкой вытер руку о футболку Сейвьо, подошёл ко мне и сел рядом. Достал из кармана тюбик с клеем, выдавил немного на дощечку и чиркнул зажигалкой. Стараясь ни о чём не думать, я взяла дощечку и поднесла её к носу. Обождав, когда немного отпустит, снова вдохнула. В горле засвербело, но пары уже проникли в желудок, приглушая голод и злость. Энала стояла рядом, с улыбкой наблюдая за происходящим. В свете луны глаза её блеснули чертовским огнём. Из того случая я вывела четвёртое правило: иногда не поможет даже друг, на которого ты во всём полагаешься.

Стояли пасмурные дни, и солнце пряталось за тучами. Мы просыпались под раскаты грома, слушая, как на улице бушует непогода. Мы лежали, ленясь пошевелиться, а потом, когда по земле застучали первые капли дождя, Джо затянул своим высоким пронзительным голоском: *Венфула иса-иса, твангале на маинса*… Услышав знакомую песню, я радостно подхватила: *Венфула иса-иса, твангале на маинса.* Джо выбежал под дождь, задрав кверху голову, и засмеялся, как совершенно счастливый ребёнок. Дождь лил на него, смывая всю накопившуюся грязь. Ох, как

же был заразителен этот смех. *Венфула иса-иса, твангале на маинса.* Я присоединялась к Джо, и мы запели вдвоём, растирая себя воображаемой мочалкой. Потом под дождь выбежали и остальные ребята, кроме Эналы. Она дулась, что кто-то украл у нас последний тюбик с клеем. Я подошла к подруге и сказала:

— Ты не виновата, и я не виновата.

— Но была твоя очередь сторожить.

— Да ладно тебе. Смотри, какой дождь! Пойдём. — Я наклонилась к ней и состроила рожицу.

— А зачем? — мрачно пробубнила Энала.

— Да потому что ты воняешь, — беззлобно заметила я.

— Как будто ты не воняешь, *иве.* — Её глаза уже смеялись.

И я бросилась её щекотать, пока она не расхохоталась в голос. Энала вскочила и выбежала под дождь, и мы пели все вместе: *Венфула иса-иса, твангале на маинса.*

Сезон дождей начался двадцать четвертого октября, в День независимости. Помню, как, буксуя в грязи, возле нас остановился белый фургончик и из него вышли мужчина с женщиной в одинаковых джинсах, ослепительно-белых кроссовках и оранжевых футболках. Сейвьо как самый стар-

ший вышел вперёд и спросил, что им надо. Мы и так знали, что это волонтёры, которые вспоминают о нас только по праздникам.

Они принесли нам фастфуд от «Тонтос». Тёплые куриные наггетсы, жареный картофель и фанту. Мы всё это, конечно, съели и выпили, но особо не обольщались.

На этот раз к нам приехали без киногруппы. Никто не совал нам под нос микрофон и не спрашивал на ньянджа: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Давно ли ты бродяжничаешь? А ты хотел бы уйти с улицы и жить в настоящем доме?» О, как они нравились себе, эти люди с фальшивыми улыбками. Они давали нам надежду, но обещаний не исполняли.

Мы так набили себе животы, что уже не могли танцевать под дождём. Но день всё-таки выдался удачным, что ни говори.

Глава 14

К середине октября водители переставали давать нам милостыню, не желая впускать холод в салон, и мы переходили на другой вид деятельности — собирали бутылки и сдавали их на рынке. На вырученные деньги мы покупали еду и клей.

А ещё я придумала одну хитрость. Мы отправлялись к развалам *салаула,* и я играла с детьми торговок, учила их песенке на английском:

Хороший выдался денёк, как поживаешь, паренёк? Давно пора нам подружиться, чтоб в танце закружиться!

Мамаши подозрительно косились на меня, но не гнали, потому что я как бы брала их детей под свой присмотр. А на самом деле это был отвлекающий трюк, чтобы остальные ребята могли что-нибудь стянуть, будь то старый *читенге*, бутылка прохладительного напитка, пяток апельсинов или что-то другое.

По своей наглости и изворотливости Али давал мне фору, хоть и был младшим братом. Он подговаривал меня на самые смелые авантюры, учил, как отвлекать водителей на автобусных

станциях, чтобы забраться в кабину водителя и обчистить её.

Мы ходили грязными и немытыми, но, как говаривал Али, «чем грязнее, тем теплее». По ночам мы жались друг к другу, чтобы защититься от кусачего холода. Мы спали вповалку на картонках, тёрлись друг об друга, разгоняя кровь и пуская сердце вскачь. Так мы вырабатывали необходимое тепло, сладко постанывая, и то были бесстыдные ночи. И никто не подсматривал за нами, не вызывал полицию, чтобы пресечь детский секс в общественном месте. Иногда мальчишки накидывались друг на друга, соревнуясь в силе. Слабака нагибали и совершали с ним непотребство, и тот плакал, пока всё не заканчивалось. Потом находили другого слабака. Али это не касалось, хотя некоторые утверждали обратное про него с Мапензи. Но я знаю, что они просто дружили.

Оба они всё реже возвращались в туннель, становясь как те дети-гастролёры. Отрывались, так сказать, от дома. Правда, у детей-гастролёров имелся настоящий дом, не то что у нас, но они, что называется, «косили» под нас. Утром они одевались в обноски и вели жизнь беспризорников, попрошайничали и воровали, чтобы

вечером вернуться домой к своим папам и мамам. Но дети-гастролёры не спали на улице, их не ели вши, а воровать и просить милостыню их заставляли бестолковые родители. У кого-то папа пил и был лентяем или мама бездумно нарожала кучу детей.

Иногда мы не видели Али с Мапензи по несколько дней, а потом они могли вернуться с партией клея на продажу или с пакетами наворованной одежды и обуви. Всё это доставалось мне бесплатно.

— Да они настоящие грабители, — сказал однажды Джуниор, глядя на кроссовки, подаренные мне братом.

— Заткнись, засранец! — вспылила я.

— Но это ж правда, — просипел Джуниор.

— С чего ты взял? Закрой свой поганый рот!

Я схватила Джуниора за грудки и начала трясти. Прохожие обходили нас, не смея вмешиваться. Я слегка придушила Джуниора, и он испуганно вскинул руки. Мне стало стыдно, я разомкнула пальцы и толкнула Джуниора так сильно, что он повалился на землю.

Девочки не должны драться, — вспомнила я наставления мамы. Джуниор поднялся на ноги, растерянный и испуганный. Его огромные глаза

наполнились слезами, смотреть на это было невозможно.

Девочки не должны драться. Да, мама, это так, но только ты не была бродяжкой, и сердце моё очерствело. А как ещё выжить?

Я сокрушённо пожала плечами, признавая свою вину перед Джуниором. Ведь, по сути, он был прав — Али действительно становился грабителем, пошёл по кривой дорожке. Теперь я могла полагаться только на Эналу, но разве она справится с Сейвьо?

Вот, например, недавний случай. К нам в тоннель ночью завалились чужие мальчишки, чтобы попользоваться нашими девчонками. Сейвьо разорался, заявил, что я только его: прижал меня к стенке и кончил прямо на мою одежду. С его маленьким *дружком* явно было что-то не так — «мальчик с пальчик», одним словом. Проследив за моим взглядом, Сейвьо ударил меня по лицу и прорычал: «*Низакупайя укакамба*»[88]. И я ни секунды не сомневалась, что он запросто меня прикончит, если что.

Уже через несколько месяцев беспризорной жизни мне перестали сниться сны. Укладыва-

---

[88] Сноски: 88
Скажешь кому — убью.

ясь спать, я надеялась увидеть какой-нибудь хороший сон, но он не приходил. Мечтать я тоже разучилась, даже в те дни, когда у нас было достаточно еды. Иногда, когда мы с ребятами собирались за костром, я рассказывала им сказки Тате, особенно мою любимую — про голодную гиену, что умерла под деревом манго, усеянным плодами. Глупое животное просто не догадалось посмотреть наверх. Впрочем, один раз мне всё-таки приснился сон, но странный какой-то. Как будто я бегу по знакомой улице, где знаю все дома, а улица всё не кончается и не кончается. И вот справа я вижу дом, самый маленький из всех, и захожу туда. Обстановка внутри мне незнакомая, мебель вся разномастная. Я понимаю, что это и есть мой родной дом, и я бы его не узнала, если б не выпускная фотография Тате в яркой мантии. И тут во сне мне захотелось по-маленькому. Я иду в туалет, но не могу закрыть дверь, и на пороге собираются Куфе, мама с папой, Бо Шитали и соседи. Почему-то болит живот, а я всё ищу глазами Али и кричу: «Где мой брат?» Все смеются, а потом вдруг толпа исчезает, и я вижу Али.

Я проснулась от боли в животе, это что-то новенькое. Обливаясь потом, я больно кусаю губы и начинаю пересчитывать спящих на земле

ребят. Один, два, три, четыре, пять, шесть… Металлический привкус крови во рту смешивается с вонючим запахом пота, заставляя мои ноздри нервно подрагивать.

— Энала, — шепчу я в темноте.

– *Никани, иве?*[89] — сонно бормочет подруга.

Сегодня понедельник, и мы сможем раздобыть немного еды только днём. В воскресенье мы, как правило, остаёмся голодными. Но я понимаю, что дело не в голоде.

— Энала!

— Ммм… — мычит Энала, приподнимаясь на локтях.

— Иди сюда, — яростно шепчу я.

Энала испуганно поднимается и зависает надо мной.

— Кажется, у меня месячные начались.

Мне стыдно, но обратиться больше не к кому. Энала озадаченно хмурится. За её спиной брезжит рассвет, лица её я почти не вижу.

— У тебя это первый раз? — спрашивает она.

— Нет, один раз уже было, но давно.

— Ясно, — спокойно говорит подруга, отрывает лоскут от своего *читенге* и протягивает мне.

---

[89] Сноски: 89
Что с тобой?

Читенге, конечно, красивый, в ярких жёлтых подсолнухах, но очень грязный. Я брезгливо морщусь, а Энала говорит: — Бери пока что есть, потом найдём что-нибудь ещё.

Я отрицательно мотаю головой, поднимаюсь на ноги и с ужасом пялюсь на окровавленную картонку.

Энала берёт картонку и отбрасывает её в сторону.

— Тихо, — шепчет она. — Сейчас.

Все ребята спят как убитые. Энала подходит к Таше и стаскивает с неё более или менее чистый *читенге*. Таша в полном отрубе и лежит теперь в одних красных шортах. Энала рвет *читенге* на лоскуты, один протягивает мне, остальные кладёт в пакет. Пока я засовываю лоскут между ног (чёрт, я же осталась без трусиков), Энала шепчет, что придумала заработок, при котором нам не придётся красть и попрошайничать. Я вопросительно смотрю на подругу, но она говорит:

— Потом объясню. На, тебе надо подкрепиться.

И она протягивает мне три фриттера, завёрнутые в бумагу. Я жадно поедаю их и чувствую, как мне полегчало.

Вечером Энала говорит, что нам надо сходить кое-куда на разведку. Через Грейт-Ист-роуд мы

следуем в сторону Нортмида. Яркое освещение некоторых улиц заставляет луну устыдиться, ибо это светило больше годится для тех, кто ночует в туннеле. Под фонарями разгуливают вульгарно одетые девицы, призывно покачивая бёдрами и беззлобно отшивая толстопузых пьяных мужиков. Основная развязка происходит в тёмных концах улиц, откуда клиенты на машинах забирают продажных девиц. Я мысленно радуюсь, что на нас, одетых в лохмотья, никто не обращает внимания.

Мы сворачиваем на плохо освещённую Омело-Мумба-роуд. Единственным источником света тут служат фонари возле кирпичной ограды, за которой расположен частный дом. Но и здесь продажных девиц предостаточно: их можно и не заметить в темноте, если б не яркие юбки, едва прикрывающие ягодицы. Сбившись в кучку, девицы мило беседуют, поправляя короткие кофточки, туго обтягивающие их пышные груди. Но стоит какой-нибудь машине притормозить в конце улицы, они дружно бегут к ней, с трудом балансируя на высоченных каблуках. Женщины облепляют машину и кокетничают, что-то обсуждая, пока одна из них не забирается на пассажирское сиденье, чтобы уехать. Мы зача-

рованно наблюдаем за ночной жизнью Лусаки, пока я не напоминаю Энале, что пора возвращаться домой.

— Домой? — переспрашивает подруга и хмыкает.

Мне трудно передвигаться, зажав меж ног набухшую кровью прокладку из *читенге*. Мышцы мои расслабляются, и прокладка плюхается на землю.

— Да что ж это такое! — восклицает Энала, брезгливо глядя под ноги. Она кидает взгляд на проституток, и я вижу, что в голове её уже созрел какой-то план. — Послушай, *иве*, так больше не может продолжаться, надо заканчивать с бродяжничеством. Мы можем сделать так, чтобы у нас появилась крыша над головой. Сколько можно трястись по ночам от страха, что нас кто-то изнасилует?

Я стою как громом поражённая. Не потому, что услышала то, что услышала, а потому, что Энала заговорила на идеальном английском. Мы общались уже три года, и только на языке ньянджа. Энала не переходила на английский, даже когда к нам приезжали белые волонтёры, чтобы «спасти» нас. А сейчас она сыплет английскими словечками не хуже аристократов из зарубежно-

го кино. Увидев моё ошарашенное лицо, Энала хохочет — искренне, от души. Это не тот вымученный смех, который она выдавливала из себя ради мальчишеских подарков или когда водители в машинах пялились на её роскошную грудь. Ради милостыни она могла задрать кофточку и продемонстрировать им свои торчащие тёмные соски. Но сейчас она смеялась так, как если бы мы танцевали под январским дождём, смывающим с нас многодневную грязь. Или как если бы мы убежали от торговца, лишившегося по нашей вине нескольких апельсинов (мы потом прятались за сараем, чистили один апельсин на двоих и хохотали). Именно так смеялась Энала, когда однажды, в процессе плетения косичек, в руках её оказался клок моих волос. Хотя на самом деле это была искусственная прядь, которую она украла для меня в парикмахерской, просто к тому моменту она об этом забыла. Энала всегда заражала меня своим смехом. А ещё однажды погожим октябрьским днём мы столкнулись в городе с Али, и он купил нам по мороженому. Мы болтали втроём, шутили и смеялись.

Я и не заметила, что давно смеюсь вместе с Эналой, смеюсь счастливым смехом.

— Крыша над головой? И откуда ж она у нас

возьмётся? — спросила я, когда обе мы немного успокоились.

— Наконец-то ты задала правильный вопрос! — воскликнула Энала, драматично закатив глаза. — Ты что, не догадываешься, о чём речь, *ка*? — На английском её слова звучали очень убедительно, но я всё-таки попросила объяснить, откуда у нас возьмётся крыша над головой. Разве мы не накушались обещаний от волонтёров? Они проводили всякие дурацкие кампании вроде «Помоги бездомному ребёнку», привозили упаковки с питьевой водой, молоко, фрукты, печенье. Снимали нас на камеру, задавали вопросы, качали головами и засыпали обещаниями под Рождество или на День молодёжи. Но мы так и оставались без крыши над головой и в остальные дни сами добывали себе пропитание. На следующий год приезжали уже другие волонтёры с таким же праведным огнём в глазах. Они пели вместе с нами молитвы, аккуратно обнимались, чтоб не запачкаться. Да, то были хорошие дни, но их можно было пересчитать по пальцам. И тут я поняла, о чём именно пыталась мне сказать Энала.

— Но они же проститутки, — прошептала я.

Подруга моя издала короткий возмущённый смешок.

— Ну и что? По крайней мере, они так не нищенствуют, Чимука, и не просят милостыню на улицах, — яростно зашептала Энала, размахивая руками.

Она называла меня Чимукой, только если надо было донести до меня что-то очень важное. Как, например: «Я научу тебя, как экономить клей, тогда хватит надолго, Чимука». «Чтобы никто нас не заметил, Чимука, пройдём тут». «Гляди им прямо в глаза, гипнотизируй их своим взглядом, Чимука. А я между тем стырю то, что нам надо».

Я упрямо замотала головой, не желая соглашаться с доводами подруги.

— Послушай, Чимука, проституткам платят за то, что некоторые парни в обычной жизни творят с нами задарма, — сказала она. Я внутренне сжалась, стараясь отогнать воспоминания. Поздними вечерами, когда дети-гастролёры спокойненько расходились по домам, к нам в туннель на Грейт-Ист-роуд заявлялись парни постарше. Все они находились в привычном для бродяжек состоянии, что представляло из себя гремучую смесь сонливости, опьянения и безумия. И тогда тишина оглашалась их горячечным дыханием и рыками. Обычно они проделывали это с нами стоя, боясь насекомых и не желая на-

сажать себе синяков от камушков на земле. И вот так в темноте какой-нибудь уже почти взрослый парень засаживал несовершеннолетней девчонке, неважно какой, пока из неё не вытекала его белая густая слизь. Сделав своё дело, эти ребята растворялись в темноте, расходились по своим вонючим закоулкам или ложились спать рядом с нами на картонках, неважно, в общем. Я крепко закрыла глаза, стараясь развидеть всё это.

— Ты сказала, что у них есть где спать, есть крыша над головой. С чего ты взяла? — спросила я. Энала смотрела на меня такими серьёзными глазами, что я поняла: она ничего не выдумывает.

— Просто знаю, и всё. Послушай, Чимука, я хочу помочь тебе. И даже если ты не согласишься, я всё равно уйду.

— Ну ладно, — неохотно уступила я. — И как всё это осуществить?

— Я потом объясню. А сейчас нам нужно подождать до конца.

— До конца чего?

— Пока всех не разберут.

Через какое-то время мы остановились возле высокой худощавой проститутки в чёрном бархатном платьишке и красных лаковых туфлях на толстых платформах. Как и у большинства

ночных бабочек, у неё был короткий боб с начёсом, придерживаемый эластичной лентой. Не переставая жевать жвачку, она оживилась, увидев подъезжающий жёлтый «пежо», но водитель остановился прямо возле нас. Тут подбежали остальные женщины и оттеснили нас в сторону. Но я успела узнать эту лысую голову и знакомый профиль. Баши Муленга, наш сосед с улицы Манчинчи. Высунувшись из машины, он начал разглядывать женщин. Словно почувствовав на себе мой взгляд, Баши Муленга повернулся и посмотрел прямо на меня. Спрятавшись за спину одной из девушек, я слышала, как хлопнула дверца, принимая пассажирку, и «пежо» уехал.

После этого мы вернулись в туннель. Поспать пришлось совсем немного, потому что скоро меня разбудила Энала.

– *Иве*, просыпайся, нам пора.

Мы шли по пустынным улицам. Ни единого прохожего, если не считать охранников: одни заступали на смену, а другие её сдавали. Дойдя до перекрёстка, Энала остановилась и выжидающе оглянулась. Она подтянула живот, выпрямилась, приняв непринуждённую позу. Я пыталась всё делать как она, но не очень-то получалось. Мимо проехали несколько машин, и наконец появилась

невысокая женщина, она была немного навеселе. Энала взяла меня за руку и подтолкнула вперёд.

— Здравствуй, Руда. Это моя подруга Чимука, — замурлыкала Энала на самом прекрасном английском, какой только можно было себе представить. Женщина с сомнением оглядела меня и нахмурилась.

— Больно на мальчишку похожа.

Кровь прилила к моим щекам. Энала задрала мою зелёную балахонистую футболку. На утренней прохладе мои соски сразу же встали торчком.

— Хм… — пробормотала женщина, как будто даже это её не убедило. Вблизи она оказалась гораздо старше, и ещё у неё был неправильный прикус, из-за чего она немного шепелявила.

— Ладно, сойдёт, — сказала она наконец.

Энала улыбнулась и потащила меня за собой. Мы перешли улицу, едва поспевая за женщиной.

— Энала, надеюсь, что ты всё объяснила своей подруге, мне не нужны глупые и неразумные.

— Да-да, я всё объяснила, — соврала Энала.

— Хм… — промычала женщина, не замедляя шаг.

Восходящее солнце дохнуло на нас теплом. Мы пришли в район, которого я избегала с тех самых

пор, как покинула его. Гарден Компаунд. Тут всё здорово изменилось, но атмосфера осталась прежней. Я впитывала в себя знакомые звуки пробуждения людей, у кого имелся свой дом: звон расставляемых тарелок, скрип открываемых дверей, голоса мам, будящих своих детей. По узким улочкам грохотали автобусы: свесившись с подножек, кричали кондукторы, собирая пассажиров. Торговцы несли на головах товар, обсуждая, где можно найти место подешевле. Сверкая голыми пятками, высыпали на улицу детишки, которые ещё не доросли до школы. Земля была прохладной после ночи, обещая хороший день.

Женщина по имени Рудо привела нас в дом в самом центре района. Там было четыре комнаты с низенькими окнами, над которыми болтались тёмные замызганные занавески. В доме пахло табаком и дешёвой косметикой. Рудо провела нас в дальнюю комнату и сказала находившейся там девушке: «Энала с Чимукой переезжают к нам, приготовь для них место».

Смущённо прикрыв ладонью сыпь на локте, я представилась:

— Здравствуйте. Чимука — это я. — Девушка только мельком взглянула на меня и рассеянно

кивнула.

Но всё равно я была счастлива. Теперь у меня будет крыша над головой. *Дом*! Сердце пустилось в пляс. Улыбнувшись, я обняла Эналу — так была ей благодарна за всё.

Это случилось шестнадцатого мая 2000 года. В мой пятнадцатый день рождения.

Глава 15

Энала обещала, что всё будет просто. И что лучше попасть в бордель, чем жить на улице, становясь жертвой насилия мальчишек, которых мы называли своими друзьями. Лучше так, чем плакать каждое утро. И хотя я поверила ей, мне всё время слышался басовитый голос Тате, рассказывающий про свою работу и про свои надежды относительно моего будущего. То, что обещала мне Энала, шло вразрез с планами Тате.

Сейчас Энала готовилась к выходу на улицу и накрасилась до неузнаваемости. Заглянула Рудо и одобрительно кивнула, глядя, как Энала рисует жирные чёрные дуги взамен своих сбритых бровей. На секунду замерев, Энала улыбнулась моему отражению в зеркале.

— Энала, я не смогу, — сказала я, даже не побоявшись присутствия в комнате ещё двух девушек. Я бы всё отдала, чтобы вернуть сейчас своё детство. Задержки зарплаты и мамины побои такой пустяк по сравнению с сегодняшними трудностями.

— Но почему, Чимука? — спросила Энала, не

оборачиваясь и по-прежнему глядя на меня через зеркало. Сейчас она походила одновременно и на удивлённую взрослую женщину, и на обиженного ребёнка.

— А что, если кто-то узнает? — Я зябко повела плечами.

— В смысле кто-то из тех, кто видел, как ты попрошайничаешь? — Энала неприятно рассмеялась. Ничего не ответив, я вышла из комнаты. Немного постояла в коридоре, задумчиво поглаживая пальцем красивые цветастые обои. Мне хотелось задать Энале массу вопросов.

Когда ты познакомилась с Рудо?

Откуда ты узнала про этот дом?

Как ты можешь оставаться такой спокойной?

Откуда ты знаешь, как следует себя вести?

Неужели тебе не страшно?

Но я не вернулась к Энале, а вышла на улицу и зашагала к своим. Ясно, что без Эналы мне будет худо, особенно по ночам. Сердце колотилось как сумасшедшее. Засунув руку под *читенге*, я на ощупь пересчитала свою заначку. На первое время хватит.

От пригорка возле тоннеля отделилась мальчишечья фигурка и двинулась навстречу мне. Это

был Сейвьо. Узнав меня, он многозначительно хмыкнул.

— Ну и где твоя подружка? — спросил он.

— Где-то здесь.

— Да что ты говоришь?

— Ладно, она на центральном рынке, помогает одной торговке прибраться, — сказала я и в упор уставилась на Сейвьо, именно так, как учила меня Энала.

Сейвьо попятился под моим взглядом, но я знала, что эта маленькая победа меня не спасёт. Я знала, что если останусь жить в тоннеле, то повернусь головой и закончу, как Таша.

Все наши были уже на месте.

Таша харкала кровью. Даже во сне она сторожила свой клей, сжимая тюбик в костлявой руке. Сейвьо нагнулся и ущипнул её за грудь, Таша засмеялась скрипучим старушечьим смехом. Меня окатила волна ужаса. Энала была права: проституткам по крайней мере платят. И, кроме неё, у меня больше никого не осталось. Попятившись назад, я развернулась и побежала.

Я перевела дух только на перекрёстке Омело-Мумба и Грейт-Ист-роуд — там, где мы познакомились с Рудо. Наступало время ночных бабочек. К горлу подступил знакомый страх. А вдруг Энала

не придёт? На горизонте догорало солнце, звуки ночной жизни уже вырывались из преисподней. Наконец появилась Рудо со своими «девочками», среди них была и Энала. Проезжающие мимо машины издевательски бибикали, но девушки шли с гордо поднятыми головами.

На Энале было красное бархатное платье, до такой степени тесное, что её пышная грудь едва не вываливалась наружу. Из-за вздёрнутых кверху нарисованных бровей лицо её казалось удивлённым, и она еле перебирала ногами на высоченных серебристых шпильках. Энала всё время глядела под ноги, боясь упасть, и едва не прошла мимо меня.

— Энала, как ты? — окликнула я её. *Идиотский вопрос.*

— Хм… — промычала она.

— Я не могу там больше оставаться.

— М-м-м? — она подняла на меня глаза.

В наш разговор вклинилась Рудо.

— Энала, ты же сказала, что всё объяснила ей. Я не хочу проблем.

— Она всё знает, Рудо. Потому и вернулась. Просто ей надо было попрощаться со своим братом и всё такое. — Энала многозначительно взглянула на меня и прошептала: — *Иве…*

— Да, всё так и есть, — неуверенно пробормотала я.

— Тогда ты должна была вернуться раньше, Чилеше, — с упрёком сказала Рудо.

Мне хотелось поправить её, сказать, что никакая я не Чилеше, а Чимука, но Энала поспешно вставила:

— Зови её просто Чичи.

— Хорошо. Чичи, у тебя нетоварный вид. Пойдём, я отведу тебя домой — ты примешь душ и переоденешься.

Мы с подругой радостно закивали.

Машины проезжали мимо, но никто не забирал проституток, и это показалось мне странным. Только позднее я поняла, как всё устроено. Если кто-то хочет снять проститутку, он несколько раз проезжает туда-сюда, а потом останавливается в отдалении. Первыми к машине бегут новенькие, а бывалые никуда не спешат, зная, что переговоры всё равно ведут именно они. Вот примерная сценка:

— Сколько за час? — спрашивает водитель. Иногда он интересуется не для себя, а для пассажира.

— С тебя — всего сотня, — говорит бывалая, наклонившись к водителю и стараясь задеть его

руку грудью. — Сто тысяч квач.

— Ну ты загнула! — возмущается водитель, беспокойно ёрзая на сиденье, если рядом проходят посторонние.

— А сколько у тебя есть? — спрашивает другая бывалая, протискиваясь вперёд и призывно улыбаясь.

— Двадцать штук.

— Ладно, можем скостить до семидесяти, но только за твои красивые глаза.

Сзади из ворот выезжает машина и начинает сигналить, требуя проезда. Водитель поспешно заводит мотор.

— Да хватит торговаться, поехали уже, — выпаливает третья девушка. — Тридцать пять штук за полчаса, годится?

Водитель и пассажир смеются и открывают дверь. Кстати, двери в машинах всегда заблокированы. Вот такая процедура. Разговор может происходить другими словами, на любом языке, но всё равно клиент чаще всего выбирает ту, что подешевле. Рудо заранее объяснила, ниже какого порога нельзя опускать цену, сколько ни торгуйся. Не меньше двадцати тысяч квач за полчаса.

Но пока ещё я ничего этого не знаю. Рудо ведёт меня в дом, чтобы придать мне товарный вид.

Она поддерживает со мной малозначительный разговор, акцент у неё зимбабвийский.

При виде моей счастливой улыбки в глазах её вспыхивает огонёк сочувствия, но она не выказывает его вслух.

А я думаю о том, что сто лет не принимала душ. Господи, душ. Это словно из какой-то давно забытой сказки. Для уличной бродяжки большое счастье просто постоять под промышленным кондиционером-вентилятором супермаркета «Шопрайт», из которого капает достаточно влаги, чтобы умыть лицо и руки. А так, если хочешь помыться целиком, жди сезона дождей.

— Душ… — протяжно и с улыбкой говорю я.

— Поторопись, мала́я.

Душ представляет собой обычную кабинку, наспех смонтированную из жестяных листов, а если встать на цыпочки, то можно увидеть улицу. Я стою под водяной струёй и тру себя намыленной мочалкой. Заслышав какой-то шум, я выглядываю наружу и вижу бродячую собаку, что лакает воду из образовавшейся лужи.

Готово. Обмотавшись *читенге*, я возвращаюсь в дом. Рудо в дальней комнате подбирает для меня одежду, роясь в высоком комоде и горе пакетов на нём. Рядом на полу располагается её постель,

а вместо замка на двери болтаются две завязки. Рудо кидает мне мягкий узелок:

— Давай, прихорашивайся. Сейчас обувь тебе подберу.

Я развязываю узелок и обнаруживаю там почти новое фиолетовое платье, только непонятно, как я в него влезу.

Сквозь трещину в оконном стекле задувает сквозняк, где-то неподалёку играет музыка регги[90]. Платье очень странно себя ведёт: задираешь руки, чтобы застегнуть сзади молнию, и подол платья оказывается на уровне пупка. Наконец, кое-как справившись с этим тесным нарядом, я поправляю подол, но он едва закрывает мою попу. Я надеваю красные туфли с открытым мысом и вопросительно гляжу на Рудо. Та одобрительно кивает. На ней короткая джинсовая юбка и красная блузка выше пупка. На животе её белеют растяжки — так бывает, когда женщина сильно худеет.

— Готова? — спрашивает Рудо, глядя на собственное отражение.

---

[90] Сноски: 90

Регги — направление музыки, сформировавшееся на Ямайке и получившее широкое распространение с начала 1970-х гг. Для регги характерны рваный синкопический ритм (от *англ.* raggied — рваный), как правило неспешный.

Я тоже подхожу к зеркалу и вижу рядом с Рудо незнакомую пухленькую девушку в вызывающем платье. Кто это вообще? Я совсем её не знаю. На сквознячке волосы мои разметались в разные стороны, и Рудо приглаживает их, случайно сделав мне больно. Я непроизвольно ойкаю.

— Да ладно тебе, я просто пытаюсь помочь, — говорит Рудо. — Жаль, что такие юные девочки отправляются на панель.

Мы выходим на улицу. Со стороны нас можно принять за старых подружек. В вечернем воздухе разносится музыка регги. Я иду, стараясь не сковырнуться на высоких каблуках, перенося вес на мыски. Меня преследует ощущение, будто все на меня пялятся. Я иду как на ходулях, и из груди моей вырывается:

— Твою мать.

Я даже не знаю значение этого слова, просто где-то слышала. Возле мойки машин три мужика посасывают пивко. Завидев нас, они начинают призывно свистеть.

— Твою мать, — снова говорю я, кажется, уже взяв эту фразу на вооружение.

— Не реагируй на них, — успокаивает меня Рудо, а сама вскидывает средний палец и кричит мужикам: — *Фусеки*!

Мужики ржут, я начинаю нервно потеть, а Рудо говорит с улыбкой:

— У таких лишних денег не бывает. «Наши» приедут на машинах.

Уже стемнело, разноцветные огоньки ночных клубов подсвечивают нам путь до нужного места. Где-то снова играет музыка регги, и я вдруг понимаю, почему она так берёт за душу. Ее любил слушать Тате. Сердце ёкнуло, заставив меня остановиться.

– *Эндеса, иве!*[91] — торопит меня Рудо.

— Привет, Рудо, — приветствует её одна из ночных бабочек.

— Привет, Сандра, — кивает та.

Сандра худая и выше меня ростом, с острыми холмиками грудей и упругими ягодицами. Кожа у нее тёмная, гладкая, губки бантиком подкрашены красной помадой. Сандра оглядывает меня с головы до ног, скрещивает руки на груди и говорит:

— Привет, крошка.

Она не нравится мне уже хотя бы из-за своего имени.

— Привет, — говорю я на идеальном англий-

---

[91] Сноски: 91
Пойдём.

ском. Сандра приподнимает бровь, расплетает руки и хохочет, отчего на её переносице образуются три морщинки. Я вымученно улыбаюсь. Рудо подходит к девушкам, чтобы провести каждодневный инструктаж. Очень скоро я выучу его наизусть.

Стой прямо и не сутулься. Демонстрируй грудь, но никогда не оголяй соски. Припудривай носик. Вот так. Улыбайся проезжающим машинам.

Я неловко пытаюсь изобразить требуемое.

— Ну вот, *иве*. Не так это и сложно, правда? — смеётся Энала.

Меня бьёт озноб, но не от холода, а от волнения. Какая-то машина уже третий раз проехала туда-сюда и остановилась на перекрёстке. Все девушки бегут к ней, я ковыляю вслед за ними. Завязывается сумбурный разговор, все говорят наперебой.

— Привет, красавчик.

— Доброго вечерочка, сэр.

— Готова хоть сейчас.

— Я брал тебя в прошлый раз.

— Может, поедем?

— Опять этот гадский мужик.

— Что за новенькая?

— Меня Эналой зовут.

— Нет, я не тебе.

Жирный палец указывает на меня, и девушки расступаются.

— Иди-ка сюда.

С бьющимся сердцем я делаю два шага вперёд.

– *Шинга уйу?*[92]

Я стою, как язык проглотила, не знаю, что сказать. В машине тихо мурлычет радио, а Рудо начинает торг.

— Совсем свеженькая, босс. Сто тысяч.

— Э, нет, мне же не на целую ночь. — Ветер треплет обвислые щёки толстяка.

— Тридцать, — не сдаётся Рудо.

— Ладно, согласен.

Мужчина открывает дверь и хлопает по сиденью рядом с собой.

— Давай.

Я аккуратно обхожу машину, даже считаю шаги, и неохотно забираюсь внутрь. Мы уезжаем. Мигают огоньки радио, настроенного на частоту 89,5 FM, — это любимый папин канал. Мы едем где-то с полчаса, а потом застреваем в глубокой луже прямо возле дома, куда он меня привёз. Толстяк давит на акселератор, но мотор заглох.

---

[92] Сноски: 92
Сколько за эту?

— Твою мать, — бормочет толстяк.

«Твою мать», — думаю я. После нескольких безуспешных попыток завестись, мужчина открывает дверь и выходит. Мы застряли возле открытых ворот гостевого дома в глубине двора. На низеньком белом заборе висит табличка: «Гостевой дом. Одна Замбия. Одна нация. Один мужчина. Одна женщина». Свет из окон веранды освещает площадку с кладбищем машин. В здании слева грохочет музыка, перемежающаяся с гулом грузовиков, проносящихся неподалёку по Лумумба-роуд.

— Выходи из машины, — приказывает толстяк. Он ведёт себя сдержанно, но на лбу его натужно выступили вены.

— М-м-м? — не понимаю я. *Он что, меня прогоняет?*

Я дёргаю за ручку, но её заклинило. Толстяк, довольно проворно для своей комплекции, обходит по грязи машину и пытается открыть дверь со стороны улицы. Сзади нетерпеливо сигналит другая машина. Толстяк показывает им средний палец и рывком открывает дверь.

— Вылезай, — говорит он на бембийском. Я выхожу на негнущихся ногах и вступаю в лужу. Через открытые мыски в туфли заливается вода.

В нос бьёт запах мочи. Двое мужчин в машине сзади глядят на меня и тоже выходят.

– *Никани, бвана?*[93] — спрашивают они толстяка. Один из мужчин с таким интересом смотрит на меня, что кровь приливает к щекам. Толстяк обречённо машет в сторону своей машины, мужчины понимающе кивают и идут к нам, не выключая двигателя. На заднем сиденье у них осталась девушка, такая же испуганная, как и я. У неё заплаканное лицо, тушь размазана по щекам. Мы понимающе смотрим друг на друга.

– *Иве*! — зовёт толстяк, стараясь перекричать гул шоссе. — Помоги толкнуть машину. — При этом он даже не поворачивает ко мне головы. Я плетусь куда сказано, но один из посторонних мужчин говорит:

— Мы сами справимся, мадам.

До меня не сразу доходит, что это он ко мне обращается. Я неуверенно останавливаюсь, не зная, кого слушаться. Толстяк глядит на меня и кивает — мол, ладно, обойдёмся без тебя. Толстяк руководит, а двое незнакомцев выталкивают машину из лужи, после чего все трое закатывают её во двор. Я иду следом, чувствуя затылком, что

---

[93] Сноски: 93
Что случилось, сэр?

зарёванная девушка глядит мне вслед. Мужчина, назвавший меня «мадам», — невысокий, темнолицый, улыбчивый, со смешным прикусом — как у мультяшного кролика. В лунном свете я вижу, как на щеках у него обозначились ямки, глаза сияют. Я неуверенно улыбаюсь в ответ.

— Привет, — говорит он, рассматривая меня безо всякого стеснения. Улыбка его до того оценивающая, что я краснею и отворачиваюсь. Пытаюсь одёрнуть платье, но длиннее оно от этого не становится.

Толстяк нетерпеливо поджидает меня под световой вывеской «ВХД». Буква О оторвалась и висит на проводках, словно нимб над его головой. Я иду, с трудом выдёргивая ноги из грязи. Иду, превозмогая панику и жаркий страх.

Седьмой номер расположен в конце узкого коридора. Во всём здании почему-то пахнет сырой рыбой. В углу комнаты — узкая деревянная кровать, на окне — пара серых унылых занавесок. Сквозь щель между ними луна светит прямо на зелёное постельное бельё в цветочек. За окном мелькают людские тени, из комнаты напротив слышатся сдавленные крики. Толстяк поспешно стягивает обувь и вельветовые штаны, бросая их прямо под ноги. По его ботинкам пробегает

жирный таракан. Вздёрнутый под красными «боксёрками» член толстяка указывает прямо на меня.

— Снимай платье, — приказывает он и стягивает «боксёрки», оставшись только в сером лонгсливе. В комнате прохладно, и у меня твердеют соски. Толстяк улыбается, заходит сзади и тыкается в волосатый холмик у меня меж ногами. Я так надеялась, что «дружок» у него будет как у Сейвьо — сморщенный и никакой, но он оказался длинным и твёрдым. Он трётся им о меня и начинает постанывать.

– *Фулама!*[94] — требует он, разрывая жёлтую упаковку с презервативом. Он входит медленно, обливаясь потом и тяжело дыша, пока его член не оказывается во мне весь целиком. Он начинает толкательные движения, жарко сопя. Я мысленно считаю тычки, надеясь на скорейший конец. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Несмотря на толстый живот, мужчина дотягивается до моих сосков и начинает пощипывать их. Тихонько вскрикнув от неожиданности, я закрываю рот рукой, едва не рухнув на кровать.

— Ещё! — в нетерпении стонет он, чуть ли

---

[94] Сноски: 94
Нагнись.

не умоляет. — Ещё! Покричи ещё, *иве*. — Его горячечное дыхание переходит в кашель. С каждым его толчком я издаю тихий вскрик, а он продолжает стискивать мои соски. И вдруг по мне прокатывается нежданная жаркая волна, коленки едва не подкашиваются. Боль в сосках превратилась в наслаждение, и это наслаждение мурашками пробегает по бёдрам, оседая внизу живота, заглушая все звуки, забивая все запахи, царящие вокруг. У меня едва не помутнело сознание. Вдруг, испугавшись желания помочиться, я сжала промежность, в которой находился его член. Потолок и стены поплыли перед глазами. Я закрыла глаза, когда меня сотрясло сладкой судорогой, а потом тело моё расслабилось. Кажется, с ним произошло то же самое, хотя мне не было видно. Отпустив мои груди, он зашёлся в кашле и сплюнул на пол кровью. Когда комната перестала кружиться перед моими глазами, снова запахло рыбой и вернулись все звуки реальности — мужские голоса, пение сверчков, шум шагов, но ни мужчина, ни я не произнесли ни слова. Он медленно вышел из меня, и тут меня накрыл стыд. С отвращением я глядела, как он вытирает свой потный лоб. В этот момент я ненавидела себя за то, что тело моё так предательски поступило. Не

в силах сдерживаться, я разрыдалась. Он снова вытер пот рукавом лонгслива и мягко спросил:

— Что плачешь-то? Твой первый день?

Уставившись на кровавую мокроту на полу, я выдавила из себя:

— Да.

— На что уставилась?

Плаксиво скривив лицо, я отвернулась. Слёзы застилали глаза. Я сидела на кровати, горестно раскачиваясь, а когда пришла в себя, толстяка уже не было в комнате. Дверь осталась немного приоткрытой, а на кровати лежали три бумажки по десять тысяч. Взяв деньги, я побрела домой, вспоминая слова пастора, пару раз услышанные мной в церкви. Казалось, это было целую вечность назад. «Ваше тело — это храм Господень» — эхом отдавались во мне слова пастора.

Глава 16

2001-й был годом выборов. По радио и телевидению крутили выступления двух главных кандидатов — Леви Патрика Мваманазу и Андерсона Мазоку[95]. Они оппонировали друг другу, но никогда не оказывались вдвоём в одной студии. Город превратился в мозаику из их лиц: один был суровым и властным, второй — спокойным, располагающим к себе. Плакаты висели на каждом столбе, призывая «голосовать с умом». По улицам, в том числе и по нашей, разъезжали агитгрузовики с громкоговорителями, из которых неслось: «Скоро выборы! Не забудьте зарегистрироваться на избирательном участке!»

Отдыхая от ночных трудов, мы с девчонками выбирались на лужайку, расстилали циновку и валялись на ней, попивая пиво и поплёвывая на выборы. Рудо частенько устраивала нам шмон, прямо как настоящий надсмотрщик. Ведь основную часть выручки мы должны были отдавать

---

[95] Сноски: 95

Леви Патрик Мваманаза (1948–2008) — президент Замбии с 2002 по 2008 г. Андерсон Мазока (1943–2006) — замбийский государственный и политический деятель. Основатель Объединённой партии национального развития, ведущей оппозиционной партии.

ей, а она уже рассчитывалась с «крышей». Самой хитрой из нас была Энала — прятала деньги в деликатное место, предварительно завернув в целлофановый пакетик.

По воскресеньям мы ходили в салон-парикмахерскую «Фломваз», используя любую возможность поизображать из себя добропорядочных девиц. Гремела музыка в баре, орал громкоговоритель, призывая на выборы, но местные парикмахерши могли перекричать хоть кого.

Они, наверное, как-то распределяли обязанности, эти агитаторы, чтобы достать всех, — ходили даже по домам. К нам тоже одна такая припёрлась — в чистеньких джинсах и белой футболке с логотипом НИК[96].

— У вас есть идентификационные карточки? — спросила девушка, и мы чуть со смеху не попадали.

— Нет у меня никакой карточки, и вообще — не ваше собачье дело.

— И у меня нет, да я и голосовать-то не собираюсь. Эти подонки плевать на нас хотели.

— Может, лучше уйдёте? Только время на вас тратить.

---

[96] Сноски: 96
НИК — национальная избирательная комиссия.

Но девушка была такая вся из себя старательная, ей искренне хотелось уговорить на голосование хоть кого-то. На планшете под зажимом у неё имелась небольшая стопка бумажек. Подняв глаза на меня, девушка сказала:

— Здравствуйте, мадам. У вас имеется идентификационная карточка? — Что-то в её облике показалось мне знакомым.

— Нет у меня никакой карточки. А как её получить?

— О! Сейчас. — Девушка задумчиво прикрыла рот пухлой ладошкой, и этот жест вызвал у меня шок узнавания. Девушка зашуршала бумажками, разбираясь в своих памятках.

Девчонки рассмеялись:

— Чимука, ты издеваешься?

— Зачем тебе идентификационная карточка? В какое место ты её засунешь?

— А знаете что, — сказала агитаторша, заглядывая в какую-то памятку, — на самом деле это совсем несложно. Вы просто должны прийти всей семьёй в регистрационное отделение. Кстати, вы знаете, что это такое?

— Да, — ответила я, нахмурившись.

— В каждом районе регистрационное отделение находится напротив полицейского участка. — Де-

вушка говорила на смеси ньянджа и бемба.

— Полицейский участок? Только этого ей не хватало, — с сухим смешком заметила Сандра. — Она бы, может, и пришла всей семьёй, только где та семья? — Все девчонки расхохотались, даже Энала. Для меня это было равносильно предательству, но Энала и бровью не повела.

И тут агитаторша узнала меня. Вытаращив на меня глаза, она испуганно закрыла рот пухлой ладошкой. Это была Луиза, моя подружка из детства.

— Спасибо, мадам, я обязательно туда схожу, — сказала я, чтобы только не молчать.

Поняв моё смятение, Луиза отдала мне памятку и поспешила уйти.

Памятка гласила: «Вы зарегистрировались, чтобы проголосовать? Шаг первый: обзаведитесь идентификационной карточкой».

Луиза ушла, обдав меня жаром сочувствия, а мне только оставалось сгорать от стыда.

Проснувшись утром, я приняла душ, повязала поверх короткой юбки *читенге* и сказала Энале, что иду в парикмахерскую. На самом деле меня ждала встреча с прошлым, встреча с Бо Шитали. Я вовсе не была к этому готова, но твердила себе, что обязательно нужно получить идентифика-

ционную карточку и проголосовать. Я не была уверена, что государственные службы работают по воскресеньям, да ещё перед Рождеством. Успею ли я? Ведь до выборов оставалось четыре дня. Но какая-то неведомая сила гнала меня в дом, откуда я сбежала, даже не попрощавшись. В этом доме муж Бо Шитали столько раз насиловал меня, что я уже молила судьбу сделаться калекой, только бы он больше ко мне не прикасался. Бо Хамфри оправдывался тем, что, якобы, у меня кожа светлее, чем у его жены. Но я знала: сколько бы тётушка ни высветляла свою, это всё равно ничего бы не поменяло. И ещё: Бо Шитали — это всё, что у меня осталось, семья всё равно остается семьёй — так говорила Энала. Мы, проститутки, проживающие под одной крышей, тоже были семьёй, пусть даже в извращённом смысле этого слова. Но ведь у каждой имелась и настоящая семья, какие-то родственники, которых они навещали по несколько раз в году. В гостях они не говорили, чем занимаются. Для своей семьи они были горничными в Кабулонге или барменшами в Чаваме[97]. У всех была семья, только не у меня. Я так давно не видела Али, что он превратился

[97] Сноски: 97
Чаваме — район на юго-западе Лусаки.

в призрака, и я почти забыла его лицо. Поэтому мне очень хотелось повидать Бо Шитали.

Для конспирации я сделала крюк до салона «Фломваз», откуда доносились голоса парикмахерш, гудение фенов и плач девочки, которой оттягивали волосы, заплетая их в афрокосички. Возле салона я свернула налево и по обдуваемой ветрами дороге дошла до района Гарден Компаунд, отыскивая нужный дом. Вот они, те самые старые ржавые ворота, они до сих пор качаются на ветру, не закрываясь до конца. Я вспомнила, как много лет назад тут мелькнул девичий силуэт в жёлтой кофте и скрылся во дворе. Немного поколебавшись, я вошла.

Казалось, время тут остановилось, ничего не поменяв. Слева всё тот же нечищеный туалет, облепленный жирными зелёными мухами. Четыре сараюшки в ряд, а дальше — дом Бо Шитали. Я подошла к знакомой двери за антивандальной решёткой. Вдруг у меня кончился весь запал, и я замялась на пороге. *А что я ей скажу?* Просунув руку, я постучалась в дверь и неуверенно отступила назад. Дверь открыла старая женщина с грубым обветренным лицом. Она подозрительно глянула на меня и сердито сказала:

— Мы никого не нанимаем.

Женщина хотела уйти, но я просунула руку сквозь прутья решётки и удержала её за плечо. Женщина тут же стряхнула мою руку, проявив не такую уж старческую силу.

— Я же сказала — мы никого не нанимаем, — сказала женщина на корявом ньянджа и с интересом посмотрела на меня.

Не зная, как продолжить разговор, я оглянулась и увидела малыша, катающего по земле игрушечную машинку. «Др-р-р», — приговаривал он, и на его щёчках проступили милые ямочки. Проследив мой взгляд, женщина грустно улыбнулась. Сама не знаю почему, но у меня ёкнуло сердце.

— Нет, мадам, я не ищу подработку, — сказала я миролюбиво. — Я ищу свою тётушку Бо Шитали, Бо Ма Лимпо. — Почему-то я машинально перешла на лозийский и очень разволновалась. Лицо женщины смягчилось ещё больше.

— Так ты знаешь лозийский… — Она улыбнулась беззубым ртом.

— Ага.

— Ты вообще как? — как-то невпопад спросила женщина.

— Спасибо, хорошо, — ответила я. — Так вы не знаете, где моя тётушка?

Женщина молчала.

— У неё ещё была дочка, звали Лимпо, как вы уже поняли, — продолжила я.

— Ну да, точно. — Женщина задумалась, а потом грустно сказала: — Они давно отсюда переехали, уж и не знаю, где их искать. — Она выжидательно посмотрела на меня, словно надеясь на продолжение разговора. Но я не знала, что сказать, попрощалась и ушла. Я оглянулась один только раз: женщина смотрела мне вслед каким-то отрешённым взглядом, в котором навеки погасла искорка надежды.

Вечером мы с девчонками вышли на работу. Обычно с нами всегда была Рудо: это она проводила инструктаж, запоминала номера машин, в которые мы садимся, и удалялась, лишь когда все девушки были разобраны. При таком подходе непросто было делать заначки, но мы всё равно умудрялись что-нибудь да прикарманить. Иногда мне казалось, что на самом деле Рудо была рада, что у нас имеются накопления, и многое она делала для проформы, поскольку подчинялась Ба Артуру, который и являлся нашей «крышей».

Как бы то ни было, в тот день Рудо приболела. Мы допытывались, чем помочь, но она отвернулась к стене и отказывалась говорить.

Похоже, Рудо всё-таки была нашим счастли-

вым талисманом, потому что без неё ничего не ладилось. Энала назвала эту ночь «ночью тупых подростков», потому что именно они решили над нами поиздеваться. Гоняли туда-сюда на своих машинах, останавливались, поджидая нас, а потом с гоготом уносились прочь. В конце концов мы вообще перестали реагировать на какие-либо машины, выходя в полный минус.

Первой не выдержала Сандра.

— Да она ведьма, вот что я вам скажу.

Энала посмеялась для порядка, а Сандра процедила сквозь зубы:

— А что? Иначе как объяснить, что все клиенты как испарились?

Мы немного ещё поотсвечивали, а потом отправились домой. В небе плыла луна, гремела музыка в барах, вслед нам свистели мужики, у которых либо не было лишних денег, либо они вообще были против подобной экзотики, — а мы ковыляли домой на своих высоченных каблуках, проклиная всё и вся.

* * *

Мы нашли Рудо в дождевой канаве возле дома, и она была мертва. Кто-то раздел её до пояса и избил до смерти. Скрюченными руками она при-

крывала грудь, на лице застыла гримаса ужаса. Мы боялись подойти к ней ближе, зная, что кто сообщит о её гибели, тот и станет главной подозреваемой, ведь полиция нас не жалует. Поэтому мы прошли мимо, но Сандра не выдержала и вернулась: сняла жакет и опустилась на корточки, прикрыв Рудо. Побыла возле неё немного, помолилась и побежала нас догонять. Эта картина так и стоит перед моими глазами — как проститутка сидит на корточках возле тела своей мадам и молится о её упокоении.

Ходили слухи, что Рудо задолжала Ба Артуру, вот он её и кокнул. Я искренне оплакивала Рудо. Ведь в каком-то смысле мы были её детьми. Если кто-то из девчонок заболевал или у неё начинались «дела», Рудо отпаивала её горячим снадобьем и пичкала обезболивающим.

После убийства Рудо мы два дня безвылазно сидели дома. Дождь лил не переставая, вода грязным потоком переливалась через канавы. Наступал канун Нового года. Еда кончилась, и пришлось выбираться на улицу, а канаву было не обойти. Как и стоило ожидать, тело Рудо уже убрали. Потрясённые, мы молча сходили за продуктами, что-то приготовили и уселись в гостиной перед телевизором, стараясь не думать

о страшном. А вечером к нам заявился Ба Артур. Когда Рудо была жива, она никого не боялась, даже полицейских, а вот перед Артуром тряслась, как былинка. Босса я видела один раз издалека, поэтому сейчас с интересом разглядывала его. Невысокий человек с длинными, как у гориллы, руками и с несоразмерно крупными чертами лица — прямой длинный нос, пухлые тёмные губы, козлиная бородка. Ба Артур решил устроить нам перекличку, и мы по очереди поднимали руки, как в школе.

— Что ж, все на месте, — сказал наконец Ба Артур, изъяснявшийся на бембийском. Он остановил свой взгляд на мне, и сидевшая рядом Энала тихонько пнула меня, велев подняться. Ба Артур едва доставал мне до плеч, но от него веяло огромной силой.

— Ты новенькая? — спросил он.

— Да.

Ба Артур взял меня за подбородок, словно собираясь впиться в меня губами, и рассмеялся. Его худые грубые руки были исполосованы шрамами, впалые щёки украшены татуировками в виде двух чёрточек, свидетельствующих о принадлежности к какому-то определённому племени. Глаза с красными прожилками, густые брови с

проседью. Ба Артур широко улыбнулся, обнажив ровный ряд белоснежных зубов. Пожалуй, он был красив, но какой-то дикой, неуёмной красотой. Хлопнув меня по попе, небрежным взмахом руки босс велел мне сесть.

Когда он ушёл, мы так и не поняли, что же с нами будет дальше. Мы просто тупо уселись перед телевизором и стали смотреть всё подряд. На экране мелькали кадры этнических танцев, потом крупным планом — лицо верховного судьи в красной мантии и белом парике, а затем все передачи прервались прямым эфиром. Вот ликующая толпа приветствует избранного президента. Он стоит на трибуне, сам в тёмном костюме и синем галстуке в мелкий горошек, на заднем плане — его свита со скучающими лицами. Откашлявшись, президент заговорил, немного в нос и заикаясь от волнения:

«Я, Леви Патрик Мванаваса, законно избранный президент Республики Замбия, торжественно клянусь верой и правдой исполнять свои обязанности на этом высоком посту». Толпа ликует и радуется, но у нас, ночных бабочек, совсем другое настроение по этому поводу.

Мне надоело сидеть в четырёх стенах, и я решаю немного прогуляться. Возле супермаркета

покупаю у мальчишки газеты и просматриваю заголовки. «Леви призывает к порядку и народному единству», «Протестные выступления оппозиции».

Захожу в магазин, в голове мелькает подленькая мыслишка: *не украсть ли мне бутылочку фанты? Суну под одежду и быстренько смоюсь*. Холодильник с прохладительными напитками расположен в дальнем конце зала, я направляюсь туда, и вдруг меня окликает мужской голос:

— Что-то мне ваше лицо знакомо. Мы нигде раньше не встречались?

Мужчина обращается ко мне на английском, он явно уверен, что я его понимаю.

В его глазах горит дружеский огонёк, мужчина кажется мне знакомым, но на всякий случай я предпочитаю соврать:

— Нет, не думаю.

Не может быть, что это мой клиент. Мои клиенты обычно подвыпившие и даже не смотрят на меня. А если кто и смотрит и запоминает, то при встрече отворачивается, особенно если рядом находятся жена с детьми. Клиенты не особо со мной разговаривают, ночью у них другие желания. Это при свете дня каждый из них имеет свою индивидуальность, а ночью они все одинаковые, хоть

с бородой, хоть без. Так и я для них. Впрочем, бывает и так, что мужчина встретит меня днём и не может вспомнить, где же он меня видел. Можешь не вспоминать, дяденька, потому что в обычной жизни я одеваюсь в балахонистые футболки, купленные на развале. Я специально выбираю такие, чтобы никто не пялился на мою грудь, а поверх юбки повязываю *читенге*. На запястье и на ладони у меня остались характерные шрамы от ожога, но кто смотрит на руки проститутки? Они видят мою грудь и попу. Никто не всматривается в моё лицо. Они пользуются мной в полутёмных комнатах дешёвых гостиниц, на задних сиденьях машин или за забором стройки — где придётся. И почти всегда я остаюсь девушкой-невидимкой.

Извинившись, мужчина так улыбнулся мне, уходя, что мне почему-то расхотелось красть фанту. Зажав под мышкой газеты, я иду домой. Всё-таки Энала просчиталась. Крыша над головой и возможность купить пропитание не сделали мою жизнь счастливей. Я не только не перестала нюхать клей, но ещё больше пристрастилась к нему. Тот, кого даже во сне донимает поросячье хрюканье клиентов, поймёт меня.

Встретив Новый год, на следующий день мы вернулись на улицу. Первый клиент появился

сразу же после полуночи, пришёл он на своих двоих. Остановился возле нас с Сандрой и уставился на наши груди. При этом еле стоял на ногах.

— Вали отсюда! — сказала Сандра на бембийском.

— А вы что, заработать не хотите? — спросил мужчина заплетающимся языком, но его английский был идеален. Меня это больно резануло по сердцу, потому что я сразу вспомнила про Али. Я стыдливо отвернулась, но мужчина обошёл меня и заглянул в разрез платья.

— Вали отсюда, англичашка, — сказала Сандра. — Мы тех, кто без машины, не обслуживаем. — Словно протрезвев, мужчина выпрямился и зашагал прочь.

Не все в нашей стране остались довольны результатами выборов, оппозиция выводила народ на демонстрации, и беспорядки плохо отражались на нашем бизнесе. Находиться на улице стало небезопасно, и на пару дней мы опять засели дома. На третий день Энала сказала:

— Нет, девчонки, так не годится. Пошли-ка работать.

Ну вот мы и пошли — на улицу Париженьятва. Там всё как вымерло, лишь туда-сюда несколько раз проехал синий автомобиль, а потом остано-

вился прямо посреди улицы. Девчонки ринулись к нему, а я сразу почувствовала неладное. Музыка в машине не играла, затенённые окна никто не опустил. И вдруг двери открылись, и из машины выскочили трое полицейских. Каждый схватил по две девушки, включая меня. Я в ужасе пыталась вырваться, но тщетно. *Да они нас убьют*, — подумала я и начала кричать и брыкаться. В ответ получила удар в живот. Взвыв от боли, я согнулась пополам, всё происходило как в страшном сне.

Соблазнительно выгнувшись, Сандра сказала своему пленителю:

— Может, поедем к тебе, *бвана*?

Сандра кинула игривый взгляд на полицейского, что держал меня, и тот грязненько загоготал. Оказалось, за деревьями прятался синий полицейский фургончик, вот в него-то нас и затолкали. Там было холодно, и жутко воняло потом. Фургончик тронулся с места. Какое-то время все молчали, а потом один из полицейских прикололся:

— Вы что, тоже протестуете против новоизбранного президента?

— Ага, они уличные, только не оппозиционерки, — сказал второй полицейский, и оба заржали.

Нас привезли в дежурную часть Нортмида, это рядом с автобусной станцией. Завидев нас, мужчины в обезьяннике начали улюлюкать, отпуская шуточки. Нас посадили в отдельный обезьянник, время тянулось до бесконечного долго. Дежурные тоже оживились и поедали нас глазами.

— Вот эта — чур моя, — сказал один, уставившись на меня своими круглыми зенками. — У неё ангельское личико такое.

Сцепив руки на коленях, я опустила голову и начала молиться. Сейчас казалось гораздо безопаснее отдаться в руки незнакомцу, но за деньги. Там всё просто: ты мне, я тебе. А тут…

Девчонок по одной уводили из клетки, пока я не осталась в одиночестве на жёсткой деревянной скамье. Я подняла голову и тяжело сглотнула: ко мне направлялся офицер, его толстые ляжки в брюках цвета хаки шумно обтирались друг о друга, на поясе болталась дубинка.

— Встать! — рявкнул он. Я подчинилась. Он вытолкал меня на улицу и посадил в полицейский автомобиль, забравшись следом.

— Так на что ты готова ради свободы?

Я не удержалась от ехидной усмешки.

— Поулыбайся у меня тут, — сказал он и расстегнул ширинку. Я и опомниться не успела, как

он опустил мою голову и заставил расплатиться за свободу.

…Дома я напилась до чёртиков, потом меня разобрала икота, а потом — истерический смех. Я всё смеялась и смеялась, пока не уснула.

Глава 17

Мы не знали, когда придёт Ба Артур и кого поставит вместо Рудо. Сандра была уверена, что Рудо убили его же люди и что вместо неё он поставит мадам, которая не станет с нами нянчиться. Мы все ужасно нервничали от такой неопределённости. С Рудо было спокойно: она возилась с нами, как наседка с цыплятами, учила, как преподнести себя — стойте прямо, улыбайтесь, грудь повыше, ходите от бедра, и всё это с шутками да прибаутками.

Прошла неделя, мы по-прежнему оставались предоставлены сами себе и начали строить предположения о будущем. Однажды, когда мы оказались вдвоём, Энала сказала:

— Чимука, пора делать отсюда ноги.

Я почему-то решила, что Энала предлагает вернуться к бродяжнической жизни, и испугалась. Бордель, конечно, так себе дом, но всё лучше, чем снова оказаться на улице.

— Ты предлагаешь, чтобы мы снова… — попыталась сказать я.

— Конечно нет, Чимука, — прошипела Энала,

закатив глаза. — Можно и в другом месте обустроиться, почему обязательно здесь?

Мне даже говорить об этом было страшно, но, с другой стороны, Энала оставалась моим другом и плохого не предложит. Если у неё есть какой-то план, то надо его выслушать.

— Послушай, *иве*, — мягко сказала Энала, плотнее прикрыв дверь. — Во-первых, не надо рассказывать остальным, мало ли что. Давай сделаем так. К вечеру я скажусь больной, а ты немного задержишься, якобы чтобы помочь мне. Главное, чтобы все ушли.

— Но почему?

Энала снова закатила глаза и яростно прошептала:

— Да потому.

— А если Ба Артур узнает? Окажемся в канаве, как Рудо.

— Нашла чего бояться. Да кто его отпустит из тюрьмы-то? Против него — железобетонные улики.

— А ты откуда знаешь? — удивилась я.

— Оттуда. Констебль Нжобву становится болтлив, когда выпьет. — Она многозначительно посмотрела на меня. — Да ты сама посуди. Уже неделя прошла, а мы как беспризорные. Разве

такое бывало прежде?

— Нет, конечно, — согласно закивала я.

— Ну вот. У нас больше нет «крыши», смекаешь?

Пожалуй, Энала была права. Одно только непонятно: если она так во всём уверена, то почему берёт меня с собой?

— И куда мы отправимся? — осторожно спросила я.

— Один из моих клиентов работает риелтором. Он подобрал для нас симпатичный домик в Чиленье[98], причём на первое время — совершенно бесплатно.

— Ха, разве не ты говорила, что ничего не бывает задаром?

— Бывает, — сказала она и многозначительно потрясла грудями.

— А кто же аренду платить будет? — не поняла я.

— Ты что, *иве*, глупенькая? — расхохоталась Энала. — Одна аренда в обмен на другую, сечёшь?

И тут до меня наконец дошло.

Энала деловито пошарила в трусиках и выта-

---

[98] Сноски: 98
Чиленье — район Лусаки.

щила оттуда пакетик с деньгами.

— Ну, а где твоя заначка?

— Чёрт! — Я вскочила на ноги и полезла в шкаф, где висел мужской пиджак из искусственной кожи, — деньги я прятала в нём. Отдельная история, как мне достался этот пиджак. Один из моих клиентов отлучился из гостиницы и не вернулся. Воспользовавшись таким обстоятельством, я прихватила из номера его пиджак, полотенца и смылась через окно. Сейчас я осмотрела все карманы, но денег не обнаружила.

— Это и есть твой тайник? — ехидно рассмеялась Энала. — Эх, *иве,* разве я не говорила тебе, что никому нельзя верить? Наша Чимука Грейс Мвия так ничему и не научилась.

Первый раз в жизни Энала назвала моё полное имя — точно так же делали мои родители, когда я проявляла вопиющую нерадивость.

— Ладно, успокойся, я просто их перепрятала, — сказала Энала. — Я кисло улыбнулась. — Ну так что, *иве*, идёшь со мной или нет?

И я согласилась.

Съёмный домик, сосватанный клиентом Эналы, располагался на Бурма-роуд, и по утрам нас будили гудки машин и крики кондукторов. Из плюсов были наличие целых трёх комнат, новая

шиферная крыша и близость автобусной остановки. Выходишь — и вот он, салатовый домик с немного покосившейся дверью.

Как и все в Лусаке, полы мы натирали красной мастикой, которая быстро въедалась в наши голые стопы. Жаль, что в жаркую погоду два окна было не открыть, так как хозяин заколотил рамы гвоздями. Очень долго пришлось отдраивать кухню, и особенно раковину, от тараканьих какашек. Когда мы затоварились едой, в доме появились две крысы. Одна из них нагло смотрела в глаза и не убегала. Но Энала купила крысиного яду, и от этой напасти мы избавились.

«Аренду» за первый месяц заплатила Энала, ублажив сначала риелтора, а потом хозяина дома. Мы решили, что если недостаточно заработаем, то следующую «аренду» буду отрабатывать я. Из своих вещей у нас были циновка, клетчатое одеяло и матрас, из хозяйских — жаровня, немного угля, пара кастрюль, сковородка, что-то из кухонной посуды, утюг и зеркало. Это уже кое-что, остальное мы собирались докупить позднее.

Постепенно наш домик на границе районов Чиленье и Вудлендс заполнялся новыми вещами, приобретая уют. У нас появились маленький цветной телевизор, цифровое радио, красный па-

лас и весёленькие занавески. Теперь мы с Эналой работали только на себя, и нас это устраивало. Так что сама не знаю, почему я так заартачилась, когда Энала посоветовала мне купить новые туфли вместо старых красных. Действительно, почему бы и не купить? Денег хватало, а старые туфли уже были чиненые-перечиненые.

Работали мы недалеко от прежнего места, на параллельной улице, но никого из знакомых девчонок так и не встретили. Должно быть, после ареста Ба Артура бордель попал под другую «крышу» в другом районе.

Иногда мне было стыдно быть проституткой. Успокаивала мысль, что не одна я такая. У меня, как и у других, тоже возникал порыв найти другой источник дохода — например, поработать домашней прислугой. Готовить, убираться, подтирать попы детям, терпеть дурной характер хозяйки и приставания хозяина за жалкие гроши? Я однажды попробовала, но сбежала через три дня — девчонки даже соскучиться по мне не успели.

Поэтому, как и прежде, я дефилировала ночью по улице, уезжала с клиентом, обслуживала его, а днём отсыпалась. Клей я заменила на пиво — оно не так ударяло в голову и не вызывало кошмаров.

Горьковато, конечно, на вкус, зато от него хочется танцевать и настроение становится смешливое.

Итак, мне нужно было купить туфли. Дойдя до автобусной остановки, я поехала в центр. Там долго бродила по Каирской дороге и приглядела в витрине очень симпатичные туфли. Постеснявшись зайти в магазин, я решила всё же поискать на развалах с *салаулой*.

Я не сразу узнала его. Он выглядел так, словно прошло лет десять. Он здорово отощал (правда, по сравнению со мной все кажутся худыми) и давно меня перерос, мой младший брат. Я отступила в тень, давая себе время повнимательней разглядеть его. Порыв ветра поднял столб пыли и швырнул её мне в лицо. Я протёрла глаза — прямо наваждение какое-то.

— Алисинда, — позвала я. — Али! — Он не сразу услышал меня, но потом улыбнулся, обнажив ряд жёлтых прокуренных зубов, и подошёл ко мне.

— Привет, как дела? — Он уже басил, я пропустила то время, когда у него ломался голос.

Мне хотелось кричать от радости, но из горла вырвался лишь жалкий клёкот. «Алисинда», — прошептала я, вытерев ладонью рот.

— У меня всё хорошо, — сказал он, предваряя мой вопрос.

— Господи, пять лет прошло. Я думала, ты умер, — надтреснутым голосом произнесла я и взяла его за руку. Мимо неслись машины, водители бибикали замешкавшимся пешеходам, громко переругивались торговки.

— С чего бы мне умереть? — хохотнул Али. — Тебе что, сова наухала?

Я грустно улыбнулась детским воспоминаниям.

— Нет, я её не слышала. Но ты пропал и не давал о себе знать.

— Город же большой, сестрёнка. Я деньги зарабатывал.

Я оценивающе оглядела его. Такая же балахонистая футболка и рваные джинсы — правда, довольно чистые.

— Значит, говоришь, зарабатывал? — с сомнением переспросила я.

Он нахмурился.

— Ну да. Так же, как и ты, разве нет? — Он понял, что сказал что-то бестактное, но не стал извиняться.

Я было вспыхнула, но обижаться не хотелось.

— Али. — Я примирительно погладила его по плечу. — Ну расскажи, как ты жил без меня.

Черты лица его смягчились, и на какое-то мгно-

вение я увидела в нём прежнего Али, которого так любила наша мама.

— У меня всё хорошо. Не плачь, — пробубнил он.

— Не буду.

— Я тогда искал тебя, вернулся в наш туннель. Но ребята сказали, что ты поселилась в борделе Чилулу. Это правда? — В голосе его снова прозвучал упрёк.

— Я просто там жила, — соврала я. — А потом мы с Эналой переехали в Чиленье, на Бурма-роуд. — Я отвела глаза, очень надеясь, что Али ни о чём не догадается.

— Понятно, — только и сказал он.

Мы замяли тему и пошли дальше по Каирский дороге. Сначала он рассказывал что-то малозначительное, а я была благодарна, что он не расспрашивает, чем именно я занималась после нашего расставания. Сама я тоже не решалась поинтересоваться, почему он так неожиданно исчез. Али снял рюкзак, вытащил оттуда несколько вакуумных упаковок с сосисками и начал предлагать их прохожим. О, мой брат здорово поднаторел в этом деле: научился заговаривать людям зубы, чтобы урвать лишнюю денежку. К тому же он стал обаяшкой благодаря бархатному

голосу, как у Тате, правда, ещё не до конца сформировавшемуся.

Потом Али разоткровенничался и всю дорогу болтал не переставая, перескакивал с одной темы на другую. Но я многое о нём узнала. Как вместе с друзьями он грабил магазинчики в Камвале[99]. Как какое-то время пожил в приюте в Мтендере[100] и даже походил там в школу. Посещал службы в адвентистской церкви ради бесплатной еды. Попадал в полицию, откуда всякий раз сбегал. Однажды он видел в обезьяннике Бо Хамфри. Стал свидетелем ночного убийства на автобусной станции. Спал на скамейках междугороднего терминала. Упомянув, что торговля сосисками — это просто ради приработка, Али улыбнулся, и в этот момент я ему даже поверила. Оказывается, он ещё устроился кондуктором при автобусной станции «Башня Кулима»[101], подменял некоего Ба Ньямбе (да, именно Ба, как Ба Артур. Хотя в детстве мы чаще использовали обращение Бо).

---

[99] Сноски: 99

Камвале — расположенный на возвышенности южный пригород Лусаки.

[100] Сноски: 100

Мтендере — восточный пригород Лусаки.

[101] Сноски: 101

«Башня Кулима» — многоэтажное здание с магазинами и офисами, было снесено военными в 2017 г.

Платили Али мало, потому что это же неполная ставка. Жил он с друзьями в районе Матеро. Муса, Даниэль, Кристофер, Джуниор… Он так долго перечислял их имена, что, казалось, даже забыл о моём существовании. Я снова взглянула на брата. Серо-коричневый цвет его лица был в точности как у нашей мамы. *Цвет муравейника.* У меня ёкнуло сердце. В последнее время я редко её вспоминала. И тут, как специально, мимо прошла сухощавая женщина с муравейниковым цветом кожи. *Мамин призрак?* Да нет, просто какая-то чужая женщина несёт на продажу кассаву и арахис. В мой внутренний монолог ворвался голос брата:

— Так где ты живёшь, если поточнее? — Али глядел прямо на меня и улыбался, явив моему взору такую знакомую щербинку меж зубов.

— В Чиленье. Выйдешь на остановке «Маина Соко», перейдёшь дорогу и сразу же увидишь зелёный домик с коричневой дверью, не ошибёшься.

Мне и правда хотелось, чтобы он пришёл.

— Понял. Как-нибудь загляну.

Перехватив мой взгляд, он смущённо почесал подбородок. Пройдя вдоль Каирской дороги, мы свернули на людную улицу Катуньила-роуд, где

располагалась автобусная станция. Господи, я совсем забыла, что собиралась купить новые туфли.

Побродив между автобусами, Али окликнул тощего низкорослого кондуктора:

— Дабвисо!

На Давбисо была белая безрукавка прямо на голое тело и зелёные шорты размера на три больше, что ничуть его не смущало — он просто их всё время подтягивал.

— Пусти мою сестру, ей до Чиленье доехать надо. — Али подтолкнул меня, и я, поздоровавшись, заняла место возле окна.

Забитый под завязку автобус ехал из центра через район Камвала, и воспоминания нахлынули. Я глядела на беспризорных детей под мостом, выискивая среди них знакомые лица, но ведь прошло пять лет, и наши ребята давно выросли. Как сложилась их судьба? Из задумчивости меня вывела соседка, толкнувшая меня в бок. Оказывается, Дабвисо захотел получить с меня плату за проезд. Мне это, конечно, не понравилось — ведь Али попросил его провезти меня по дружбе. Но делать нечего, я пошарила по карманам юбки, с нарастающей паникой понимая, что денег-то и нет. Оказывается, пока Али рассказывал мне

сказки про свою счастливую жизнь, он успел меня обчистить. Я растерянно подняла глаза на Дабвисо, рассчитывая на его понимание. Тот разочарованно сложил губы в трубочку и отстал.

На следующей остановке пассажиров вошло больше, чем вышло, и Дабвисо попросил меня освободить место. Я устроилась в уголке, села на металлический поручень. Он так раскалился от жары, что я всё время ёрзала, как рыба на сковородке. Сидящая напротив женщина с фигурой «бочонок» взялась поедать банан: она аккуратно опускала лепестки кожуры, отламывая банан мелкими кусочками и отправляя себе в рот. Автобус покачивался на рессорах, пахло бананом, и меня начало подташнивать. Я стала глядеть в окно, чтобы как-то отвлечься на окружающие виды, но надо мной навис Дабвисо — от его подмышек исходил противный кислый запах. Единственным выходом было — делать вдох и как можно дольше не дышать, в чём я и упражнялась на протяжении оставшегося пути. Потом Дабвисо напомнил: «Сейчас будет *„Маина Соко“*, твоя остановка». Я кивнула — мол, спасибо, хотя и так знала. Когда я вышла из автобуса, меня несколько раз вырвало, причём на пустой желудок. Не почувствовав никакого облегчения,

я еле добралась до дома. Эналы дома не было, она куда-то ушла. Меня вдруг замутило от запаха свеженатёртой мастики, хотя прежде я спокойно её воспринимала. Я выбежала на двор, и меня снова вырвало. Потом я вернулась в дом и заснула.

Вечером Энала оставила меня дома. Когда я проснулась на следующий день, она ещё не вернулась, и тут кто-то постучал в дверь. Превозмогая подступившую тошноту, я пошла открывать. На пороге стоял Али. Он выглядел ещё более измождённым, чем накануне: щёки ввалились, глаза как у загнанного зверя. Я сразу же перестала злиться на него и снова подумала: *Господи, как он вытянулся*. Но вслух сказала:

— Что ты тут делаешь?

Глаза брата шныряли по комнате. Остановив на мне взгляд, он сказал:

— Прости за вчерашнее, сестрёнка, но мне нужно было срочно вернуть долг. Припёрло, понимаешь? — Он горько усмехнулся.

Я никак не ожидала извинений, думала, что Али станет огрызаться, но он лишь озадаченно почесал болячку на голове. Сейчас он так походил на Тате, что у меня сердце сжалось. Ну как я его выгоню? Так что я впустила его, накормила. Он умял всё в одно мгновение и даже сказал спасибо,

а потом завалился на диван и уснул. *Мой бедный младший брат*. Я даже забыла про собственное недомогание. Плевать, что он меня обокрал, плевать на то, что я осталась без туфель, главное — мой брат рядом. Меня, конечно, грыз червячок сомнения, а вечером я отправилась на работу, надев чёрные балетки за неимением другой обуви.

Мне достался прежде незнакомый клиент в новенькой синей «прадо» представительского класса. Ублажив его дряблый пенис и получив банкноту в 100 тысяч квач, я посчитала день удачным.

Домой я вернулась в два ночи. Али исчез, а вместе с ним исчезли наш телевизор, радио и электроутюг.

Глава 18

Я изошлась желчью в прямом и переносном смысле этого слова. Я была зла на брата, и меня всё время рвало. Стоя за домом, я обдумывала случившееся. Али забрал у нас самое ценное, а мы с Эналой столько работали, чтобы купить всё это. Эта мысль вызвала новый приступ тошноты.

— Твою мать, — пробормотала я, глядя на копошащихся под ногами мух. На заборе кто-то сделал надпись красным спреем: «Мэри — босс отсос». Мог ли кто-то из моих клиентов утрудить себя такой выходкой в результате десятиминутного общения со мной на заднем сиденье машины? Что-то не очень верилось. Расстёгивая ширинки и вытаскивая свои набухшие вонючие члены, они для проформы, конечно, спрашивали моё имя. Но я всегда называлась Мэри, прекрасно зная, что уже через десять минут они забудут про меня.

— Никогда не говори им своего настоящего имени, — учили меня девчонки. Я уже столько раз называлась Мэри, что вполне могла бы откликнуться на это имя. Но днём меня не узнавали ни на рынке, ни в магазине, ни в автобусе. Разве

что на Аддис-Абеба-роуд имелись клиенты, повторно требующие девушку с томными глазами. Высунувшись из окна машины, они говорили: «*Нифуна* Мэри!»[102]

Одним словом, мне было плевать, кто оставил эту надпись. Меня и без того выворачивало наизнанку.

Из дома вышла соседка, старая мегера. У неё целая орава внуков, а ещё она редко когда здоровается с нами. И вот она стоит, смотрит на меня, отвращение на её лице сменяется жалостью.

— Ох, девка, сходила бы ты к врачу, — тихо сказала она.

Вытерев рот и поправив задники на балетках, я подняла на неё глаза. Сколько ж ей на самом деле лет?..

– *Нили бвино. Зикомо*[103], — слабым голосом проговорила я. Женщина сочувственно улыбнулась, и я не заметила особых морщин на её лице. С чего я взяла, что она старая? Должно быть, дело в её хромоте и в том, что она ходит в обносках, что болтаются на ней, как на чучеле. *Но на самом деле ей и пятидесяти нет.*

---

[102] Сноски: 102
Хочу Мэри.

[103] Сноски: 103
Со мной всё в порядке. Спасибо.

– *Энда ку клиники*, — повторила женщина мягким голосом. Кивнув, я вернулась дом, подошла к зеркалу, чтобы посмотреть, на кого я стала похожа. Бледная как смерть, глаза ввалились, ужас. Моргнув, я провела ладонью по лицу, надеясь увидеть в зеркале что-то более обнадёживающее. Ходячий мертвец, не иначе. Вздохнув, я обвязалась *читенге* и потащилась в больницу Чиленье.

Уродливое здание за старым забором нагоняло тоску, в нос ударил запах хлорки. Я вошла в больницу. Очередь из мамаш с детьми всколыхнула давние, не очень радостные воспоминания. Я замерла на пороге, снова превратившись в девочку, у которой умирал брат. По той же детской привычке я начала пересчитывать медсестёр — бесстрастных, со строго поджатыми губами. В своих ослепительно-белых халатах они были похожи на ангелов смерти. Так окрестил их один телерепортёр, когда какой-то отчаявшийся родственник подстрелил одну такую за неоказание помощи. Мимо меня проплыли три ангела. Если очень постараться, то из гула голосов можно вычленить отдельные реплики:

— Обратитесь в поликлинику.

— Я уже пятый раз к вам прихожу.

— Пожалуйста, помогите.

— Обезболивающее не действует.

— Ой, больно.

— Мамочка!..

— Ретровирусное отделение — вход через заднюю дверь.

— Сэр, по одной пачке презервативов в руки. Сэр, прошу вас!

— Мадам, соблюдайте очередь, пожалуйста.

— Сколько можно ждать!

Запах хлорки смешивался с душком туалета — хороша стерильность.

Я присела на стул.

Санитарки в зелёных халатах стараются успокоить заполошных мамаш, постовая медсестра заполняет медицинские карты. Плакаты на стенах призывают сдать анализ на ВИЧ. Результат — в день обращения. Какое-то дежавю прямо.

Вдруг женщина в очереди начинает голосить: *Азафа мвана имве. Азафа мвана ванга*![104] Она держит на руках безжизненного младенца в розовом комбинезончике. К ней подбегает врач и срочно утаскивает её в кабинет. *Где же они были, когда умирал наш Куфе*? — вдруг подумала я. Мне стало так погано на душе, что я подскочила со

---

[104] Сноски: 104
Мой ребёнок умер.

стула, почувствовав сильное головокружение. Присев на полминутки, я немного отдышалась и пошла домой.

Увидев моё зарёванное лицо, соседка молча посмотрела на меня, но не стала ни о чём расспрашивать. Я же оплакивала брата — в первый раз с тех пор, как мы его потеряли. Господи, он же был такой маленький. *Ведь они могли спасти его. Но даже не попытались*.

Совершенно измученная, я наконец заснула. И снилось мне, что я играю с маленьким Куфе, а он так заливисто смеётся, всё смеётся и смеётся, но вот уже, просыпаясь, я слышу низкий саркастический смех Эналы, обнаружившей исчезновение телевизора, утюга и радио. Я рассказываю ей про Али, а она говорит, что ничего удивительного, даже смешно. Потом, уставившись на меня, она язвительно спрашивает:

— А сама-то ты что думаешь — зачем он к тебе наведался?

— Просто соскучился.

Энала снова хохочет. Запрокинув голову.

— Да что ж ты такая наивная, *иве*! — с нажимом говорит она. — Прямо невинное дитя.

Ничего себе невинное.

— Я, между прочим, беременна, — вдруг выпа-

ливаю я, и сама удивившись этому открытию.

— Я знаю, — спокойно говорит Энала.

— С чего бы это?

— А с того, что шея у тебя стала темнее, чем лицо. И тебя рвёт постоянно. И на запахи реагируешь. Что собираешься делать?

Где-то у соседей бормочет радио, по телику в нашей гостиной начинаются утренние новости, предваряемые музыкальной заставкой со свистом орла. Сразу же вспомнился Тате, к горлу подкатил ком.

Что бы он сказал мне сейчас? Я знаю, что он бы мне посочувствовал. Но ничего, когда-нибудь я завяжу с такой жизнью, пойду учиться, как он мечтал. Выучусь на медсестру. И снова буду ходить в церковь.

Слух резанули слова диктора: «Новости Лусаки: в одной из выгребных ям Чаисы сегодня обнаружено тело мёртвого младенца. За месяц это уже третий подобный случай. Предлагаем вашему вниманию репортаж Анастасии Нчимуньи».

«Это ж кем надо быть, чтобы убить собственного ребёнка? Этим вопросом задаются нынче многие жители Лусаки. Сегодня один из жителей наткнулся на лужу крови возле уличного туалета. Оказалось, кто-то выбросил в выгребную

яму новорождённого. Граждане требуют, чтобы полиция нашла виновницу этого ужасного преступления». Журналистка в синей кофточке и ладных тёмно-зелёных брючках в обтяжку стоит посреди размытой дождями площадки, её красные кроссовки заляпаны грязью. Почувствовав позыв к рвоте, я придвигаю к кровати ведро и наклоняюсь над ним. Потом откидываюсь на подушки и перевожу дух. Репортаж продолжается. Анастасия Нчимунья — красивая, высокая, со светло-кремовой кожей и тёплым проникновенным взглядом. Её карие глаза глядят с экрана прямо на меня. Мелькают кадры возмущённых соседок.

«А сейчас мы покажем вам очень тяжёлый материал, так что будьте осторожны, — говорит коллега Анастасии, довольно симпатичный парень. — Людей восприимчивых просим воздержаться от просмотра». Анастасия стоит рядом, перелистывая страницы на планшете. На заднем плане причитают женщины:

— Какой ужас…

— Найти бы эту негодяйку…

— И куда только смотрит правительство…

— Уж лучше бы аборт сделала. Зачем было убивать живого ребёнка?

— Вот именно!

Слова выстреливают в меня, словно картечь. Камера делает наезд: мужчина в чёрной робе вытаскивает из выгребной ямы пакет, измазанный в крови и фекалиях. Он разводит палочкой края пакета: внутри лежит серое тельце младенца — это мальчик. Конец репортажа.

«С вами была Анастасия Нчимунья из Чаисы, город Лусака», — говорит диктор в студии.

Из ступора меня выводят слова Эналы:

– *Иве*, ты как, всё ещё неважно себя чувствуешь? — Подруга смотрит на меня, сочувственно наморщив лоб.

Я киваю.

— А ты знаешь… — Она мнётся, не зная, как сказать.

Кто отец моего ребёнка? Конечно, я не знала.

— У тебя есть какие-то родственники? — *Опять вопросы про семью*.

— Только брат.

— Этот воришка? — недовольно спрашивает она.

Я молча киваю.

Энала подсаживается ко мне, и какое-то время мы обе молчим.

— Ты оставишь ребёнка? — наконец спраши-

вает она.

Не поворачиваясь к подруге, я грустно мотаю головой. Я и сама не знала, что решение уже принято. Откашлявшись, твёрдо говорю:

— Нет.

— Ладно, тогда одевайся и пошли работать. Завтра нам понадобятся деньги.

Я даже радуюсь возможности развеяться. Сегодня я достаюсь моему постоянному клиенту, которого про себя называла вонючкой. Когда в самый первый раз я выдержала его «амбре», он назвал меня лапочкой и пообещал попользоваться мной и на следующий день. Вонючка платит мне по 150 тысяч и даже вызывает для меня такси до дома — вот сколько стоит быть лапочкой. Помню, в самый первый раз меня вёз домой лысый таксист, который, прекрасно понимая, кто я такая, всю дорогу слушал госпелы[105].

Ночью мне снился Куфе: я играла с ним в прятки, а он обижался и всё время повторял: «Нет, не надо. Не прячься от меня». Хотя в жизни Куфе так и не научился толком говорить.

Наступило утро. Мы с Эналой молча собрались и отправились в китайскую частную клинику.

---

[105] Сноски: 105

Госпелы — жанр духовной христианской музыки у африканцев.

Оказались вторыми в очереди. В приёмной на деревянной банкетке уже сидели, взявшись за руки, два школьника: она — в клетчатом красно-белом платье с красной оторочкой и он — в чёрных брюках и перекошенной бордовой рубашке. После нас пришла женщина лет двадцати пяти, сильно накрашенная. Алая помада и точно такого же цвета маникюр, туфли и сумочка. Женщина молча села рядом с нами, закинув ногу на ногу. Посидела так немного, а потом наклонилась за упавшим кошельком. Её свесившиеся вниз синие бусы из необычного камня загадочно переливались под лампами дневного света. Через несколько минут женщина лет сорока привела девочку-подростка, наверное, дочь. Женщина дёрнула её за руку, велев садиться, и первой опустилась на банкетку, водрузив на колени чёрную кожаную сумку. Дочка примостилась рядом, нервно теребя свой розовый девчачий рюкзачок. Все мы, собравшиеся в этой комнате и объединённые одинаковой проблемой, старались не смотреть в глаза друг другу. В воздухе стоял тошнотворно сладкий запах духов, исходящий от женщины с синими бусами. Мы все молчали, не произнося ни слова. Я взялась было грызть ногти, но Энала успокаивающе похлопала меня по коленке. Я уже

пересчитала почти все плитки на полу, когда в приёмной снова появился врач-азиат в зелёной робе и позвал нас в кабинет. Энала схватила меня за руку и уверенно повела за собой. *Неужели она уже была тут прежде?* Да нет, вряд ли. Просто у неё всегда так: нахальство — второе счастье.

Из кабинета врача вышла парочка школьников. Девочка горько плакала, отталкивая мальчика, который пытался обнять её и как-то успокоить. Мы вошли в тесную комнату, и я испуганно прислонилась к стенке, уставившись на банкетку под белой простынёй, рядом с которой стоял монитор. Развернувшись на офисном кресле, миниатюрная китаянка вскинула на меня глаза и улыбнулась. У неё была чёрная с проседью короткая стрижка и кожа молочного цвета.

— Вы на УЗИ? — спросила китаянка.

— Нет, — ответила Энала, на этот раз обойдясь без своего привычного хохотка. Кажется, она тоже оробела в этой стерильной обстановке.

— Хорошо, присядьте пока, — сказала китаянка, указав на кушетку, и скрылась в смежной комнате.

Я присела и стала глядеть в окно, за которым кто-то устроил небольшой огородик. Чтобы немного успокоиться, я взялась пересчитывать

проросшие из земли зелёные стрелки лука.

Вернулась китаянка в сопровождении доктора Иня, если верить бейджику на робе. Казалось, этот человек вообще не умел улыбаться. И он, и медсестра, такие миниатюрные и непонятные, казались мне инопланетянами. Доктор Инь протянул мне конвалютку с тремя большими таблетками.

— Одну примете, запив водой, когда вернётесь домой, — сказал он. — Через час примете две остальные, но их нужно положить под язык, чтобы они рассосались. Всё понятно?

— Да, — хором ответили мы.

Дома Энала сварила картошку, заставила меня поесть, заварила крепкий чай и проследила, чтобы я выпила первую таблетку.

Через час у меня начались боли в животе, а через четыре из меня начали вываливаться кровавые сгустки. Это можно было бы назвать месячными, если б не размер сгустков. Так я и бегала в туалет до самой ночи, пока не освободилась от всего, что зарождалось внутри меня. Собрав грязные прокладки в пакет, я сожгла его за домом. Где-то вдали гудело шоссе, а рядом на дереве ухала сова.

Да какая женщина осмелится убить собствен-

ного ребёнка? — вопрошал внутренний голос.

Я проснулась среди ночи от боли в животе и вся в поту. *Да какая женщина осмелится убить собственного ребёнка?* — снова спросил меня голос, похожий на голос Куфе.

— Такая женщина, как я, — прошептали мои иссохшие губы.

Глава 19

После аборта мне всюду мерещилось моё нерождённое дитя — за спиной у юной мамочки, на руках у мужчины в автобусе, на плакатах про детское питание. Все эти дети взирали на меня с молчаливым упрёком, словно знали про совершённый мною грех. Даже соседка отворачивалась от меня, разделив со мной позорную тайну. Один день сменялся другим, и шесть долгих месяцев слились в невнятную череду дней и ночей.

Работая без выходных, через какое-то время мы уже имели достаточно денег, чтобы сбавить обороты. За продуктами мы стали ходить не на рынок, а в супермаркет «Мелисса». Больше не приходилось торговаться о цене за растительное масло, а вместо фриттеров мы покупали хлеб. Ещё Энала побаловала себя, купила зеркало в полный рост. Любовно поглаживая раму, покрытую золотой краской, она приговаривала: «Это ж чистое золото, *иве*» — и со счастливым смехом вглядывалась в своё отражение. Мы купили круглые колонки и подсоединили их к новому радио марки «Самсан» (старый ливанец, продав-

ший его, уверил нас в его высочайшем качестве). Мы обратились к портнихе, и она пошила нам новые занавески из ткани цвета фуксии с ярким фиолетовым орнаментом. Возле окна в гостиной мы повесили картинку африканской Мадонны с младенцем.

Элишу я повстречала через полгода после аборта.

Мы с Эналой так осмелели, что перестали бояться полицейских сирен. Если к нам подкатывала белая патрульная машина, мы просто пытались угадать, кто пожаловал к нам на этот раз. Будет ли это немного стеснительный констебль Фири, старающийся обставить ситуацию поприличнее — рассказом или скромным поцелуем в щёчку. Или нам достанется инспектор Калинда — толстый и вечно потеющий коротышка. Был ещё констебль Мусонда, большой болтун, а также инспектор Исвамо, у которого не вставал, и мне полночи приходилось возбуждать его, так что немели пальцы. Был ещё типчик, изображающий возмущение, когда по дороге в участок я предлагала расплатиться своим телом. Он считал себя большой шишкой и ездил с персональным водителем. Сидя на заднем сиденье и накручивая на палец локон парика, я говорила: *Бвана, тий-*

ени тинвелане...[106] Развернувшись ко мне, он изображал на лице гневное изумление.

— Вы о чём это, девушка? — А сам так гнусненько улыбался. — *Атантауза чани уйу мусикана*?[107] — спрашивал он своего водителя, и тот начинал ржать.

— Я вас очень прошу, просто умоляю. *Тийени тинвелане.*

— Ого, так ты ещё и в английском шаришь? — хохотал инспектор, хлопнув себя по животу. — Ну что, договоримся, пожалуй. А ты как считаешь? — спрашивал он, подмигивая водителю.

— Ага, — соглашался тот, на секунду отрывая глаза от дороги и пялясь через зеркало на мою полуоткрытую грудь. В салоне играла музыка, и мы, можно считать, не разговаривали, а перекрикивались.

В итоге мы всегда приходили к соглашению, и нас не сажали в обезьянник. Мы расплачивались на парковках, за домами, за заборами. Я сосала их пенисы, позволяла войти в себя с резинкой или без, не важно. Главное, чтобы нас не арестовали. Всё было предсказуемо — несколько минут в ма-

---

[106] Сноски: 106
Сэр, давайте договоримся.

[107] Сноски: 107
О чём это она?

шине, или час в задрипанной гостинице, или, для разнообразия, на столе прямо в кабинете. После этого мы были свободны и отправлялись домой.

Июнь — самый тяжёлый месяц, если ты работаешь на улице. В июне я всегда вспоминала про свою беспризорную жизнь. Раньше мы могли спрятаться под мостом или в туннеле, разжечь костёр, придвинувшись друг к другу поближе. Но с проститутками не наобнимаешься, это даже как-то странно. Проститутка дефилирует туда-сюда, не только чтобы продемонстрировать свои ножки, но и чтобы не замёрзнуть. В такие ночи хотелось понюхать клей, но он приводил меня в нерабочее состояние. Поэтому мы баловались пивом, пускали бутылку по кругу, хмелея и согреваясь в своих сатиновых юбчонках и топах с длинной бахромой.

Поскольку теперь мы работали довольно далеко от дома, приходилось пользоваться транспортом. Сначала мы доезжали на автобусе до университетской больницы, а уж оттуда шли пешком до Аддис-Абеба-драйв. Чтобы не привлекать внимания, мы обвязывались *читенге,* а на ноги надевали тенниски, но все вокруг всё равно знали, кто мы такие.

Ночь стояла холодная: Эналу уже подобрал кли-

ент, а я осталась с незнакомой девчонкой. Ходить туда-сюда надоело, и мы стояли, притопывая и потирая руки. Меня так и подмывало отправиться домой, но в последнее время мы сделали много покупок, так что взваливать всё на Эналу было бы несправедливо. Мимо проехала белая «Тойота-Королла» с чёрными тонированными стёклами, потом вернулась обратно и остановилась в сторонке. Мы с девушкой побежали к машине. Водитель опустил окно, и я нагнулась, демонстрируя грудь, чтобы клиент выбрал меня. Холодно же.

— Привет. Я Мэри, — сказала я на чистейшем английском и расплылась в улыбке.

— Здравствуйте, мадам, — улыбнулся мужчина. — А я вас знаю. Садитесь, пожалуйста.

Радуясь своему счастью, я забралась на заднее сиденье, мысленно отметив необычную вежливость клиента. Машина тронулась с места и взяла курс на Индепенденс-авеню. *Именно от таких вежливых и жди больше всего сюрпризов,* — подумала я. Именно такие и заявляют что-то вроде «а давай обойдёмся без резинки». Как будто не знают, какие очереди из инфицированных выстраиваются в поликлиниках, чтобы получить бесплатное лекарство. Они говорят: «Давай я

войду в другую дырочку», и делают это, даже не дождавшись утвердительного ответа. Поэтому с вежливыми клиентами нужно держать ушки на макушке. Я пытаюсь оценить обстановку, ища пути для отхода на тот случай, если этот человек начнёт себя вести совсем странно. Безопаснее всего будет, если рядом окажется бензозаправка.

И тут мой клиент свернул на объездной путь в сторону Каирской дороги.

— Куда это мы? — насторожилась я.

— Просто покатаемся немного. — Он испытующе глядит на меня через зеркало заднего вида, и я напрягаюсь ещё больше, потому что, как правило, клиенты не смотрят тебе в лицо.

— М-м-м… — неуверенно промямлила я, надеясь, что он как-то объяснит, что значит «покатаемся». Но мужчина молчит, с улыбкой глядит на дорогу. Он повёз меня совсем в другой конец города через Чёрч-роуд — тихую улочку с ворохами листвы и мусора на обочине.

— Итак, Мэри, как тебя зовут на самом деле?

— Ха? — Я изображаю полное непонимание.

Он улыбается белоснежной улыбкой. У него неправильный прикус, верхний ряд зубов заходит за нижний, как у кролика из мультика. Впереди — заправка «Лонгакрес», мы с Эналой

иногда работаем неподалёку. Припарковавшись, мужчина включает свет в салоне. Вокруг ни души, если не считать одной-единственной машины возле дальней колонки и обслуживающего персонала.

Свет в салоне падает на мои оголившиеся ляжки, и я ёрзаю на сиденье, пытаясь одёрнуть юбку. Мимо проходит рабочий заправки и бросает любопытный взгляд на тонированные стёкла.

— Откуда это у тебя? — спрашивает незнакомец, кивая в сторону моих шрамов. Он слегка дотрагивается до одного и быстро убирает руку.

— Не помню уже.

— Ты голодная?

— Да не очень, — говорю я, но в животе предательски урчит.

— Ладно, Мэри, пойду куплю нам что-нибудь поесть.

Я молча киваю.

Рабочие заправки собрались в кружок и весело что-то обсуждают, поглядывая в нашу сторону. Мужчина открыл водительскую дверь и вышел. Воспользовавшись его отсутствием, я лезу в бардачок и нахожу там какие-то документы, визитку и несколько мятых банкнот. Не пересчитывая, я быстро сую деньги вместе с визиткой в

лифчик. Скоро возвращается хозяин машины и вручает мне пакет с двумя пирожками и бутылку кока-колы. Я откусываю пирожок, он с мясом. Я начинаю жевать, время от времени запивая пирожок колой. Мужчина вежливо молчит и не торопит меня. *Чёрт, а вдруг он что-то подсыпал в питьё?* Закашлявшись, я выплёвываю в салфетку остатки пирожка.

— Ещё не хотите? — спрашивает он.

— Нет, спасибо.

Он снова улыбается, как добрый мультяшный кролик, и тихо смеётся, сморщив нос.

— А говорили, что не голодны.

Я тянусь к дверной ручке, намереваясь выйти, но дверь не поддаётся.

— Простите, эта дверь открывается только снаружи, — вежливо говорит он. Его тон должен бы меня успокоить, но я слишком много в жизни повидала и снова дергаю дверь. Мужчина спокойно жуёт свой пирожок, мелко и по-кроличьи работая челюстями. Мне становится смешно и страшно одновременно, я уже чувствую едкий запах собственного пота. Я случайно нажимаю какую-то кнопку на двери, и стекло опускается, предоставив отличную видимость снаружи. Я снова нажимаю кнопку, стекло поднимается.

— Так ты Мэри или как? — Он поспешно доедает свой пирожок, вытирает руки салфеткой. У него большие ладони с длинными, почти женственными пальцами.

— Я — Чичи, — сбивчиво говорю я.

— Ну ты же не маленькая девочка. А полное имя какое? Чилеше?

— Нет, Чимука.

— И сколько же тебе лет, Чимука?

— Двадцать один. — Лучше приврать. *Потому что а вдруг он полицейский?* Я кошусь на заднее сиденье: полицейской дубинки вроде нет. Этот человек говорит на хорошем английском, не перемежая свою речь словечками на ньянджа. Он не давит, не угрожает. Нет, не полицейский. Слишком обаятельный. И даже добрый. Мягкая манера общения, тёплый взгляд, открытая улыбка.

— Вы полицейский? — всё равно спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он, старательно дожёвывая второй пирожок, отчего на шее его выступают вены. Наконец, вытерев рот платком, он поворачивается ко мне. — А почему ты спрашиваешь?

— Тогда кто вы? — Он накормил меня, ничего не прося взамен, что ему надо? Мне не терпится понять.

Сделав несколько глотков колы, он говорит:

— Меня зовут Элиша Банда, и я социальный работник, помогаю беспризорным девочкам Замбии.

О, сейчас бы Эналу на моё место, она бы ему ответила. Закатила бы глаза и сказала: «Ага, социальный работник, мать вашу». Я вежливо улыбаюсь, а про себя думаю: знаю я таких. Ходят по городу, мутят воду. Строят из себя душек, изображают заботу, но ничем не помогают. Ну, могут подарить тёплую куртку, обувь, шапку, угостить горячей едой, как сейчас. А потом, втёршись в доверие, приводят съёмочную группу, потому что им нужно снять материал или тиснуть статью в газете. Самые мерзкие изображают влюблённость. «Я бы на тебе женился, ты красивая, — говорят они. — Я хочу, чтобы ты доучилась». Скажут что хочешь, лишь бы забраться тебе под юбку. Такие очень предусмотрительны и используют резинки самого высшего качества.

— Если позволишь, я бы хотел познакомиться с тобой поближе, — говорит Элиша.

Это что-то новенькое. Я сжимаю кулаки и недоумённо переспрашиваю:

— Узнать меня поближе?

— Ну да. — Он с интересом глядит на меня.

— Это ещё зачем?

— Хочу понять, как ты оказалась на улице. Когда ты бросила школу?

— Школу? С чего вы взяли, что я ходила в школу? — Я насмешливо сплетаю руки на груди.

Мы сидим, задраенные в этой машине, словно в другом измерении, наши голоса отскакивают от стен салона и плавают в невесомости.

— Я догадался по тому, как ты разговариваешь.

— А как я разговариваю? — Я нервно расплетаю руки, не зная, куда их деть. Я кидаю на него гневный взгляд, опускаю стекло и тянусь к ручке снаружи. На меня дохнуло бензиновыми парами и гулом шоссе. Он даже не пытается остановить меня. Когда я вылезаю из машины, работники заправки молча смотрят на меня. Я пытаюсь одёрнуть юбку на своих пышных формах, и юбка едва не трещит по швам. Зябко обхватив себя руками, я шагаю в сторону бульвара Лос-Анджелес, ходу до него минут десять. Ох уж эти общественники, все одним миром мазаны. Обещают кинуть к твоим ногам весь мир. *Мы поможем тебе вернуться в школу. Найдём для тебя новый дом. Поможем исправиться*. Все говорят как по одному сценарию, улыбаются заученными улыбками, но ведь ни во что не вникают. Шутят и смеются над веща-

ми, о которых не имеют ни малейшего понятия. За семь лет я узнала их как облупленных. Они вспоминали про таких, как мы, несколько раз в месяц, и обязательно двенадцатого марта, в День молодёжи, потому что «надо помогать беспризорным реинтегрироваться в общество».

«Дети — наше будущее».

«Это наши общие дети».

Они улыбались на камеру, мелких брали на руки, по-свойски обнимали за плечи тех, что постарше. Дарили футболки на вырост, синие *читенге*. Забирали у нас клей в обмен на мыло и бумажные салфетки. Правда, забывая уточнить, где же нам использовать это чёртово мыло. Мы улыбались, хитрили и обчищали их карманы.

Белые волонтёры рассказывали нам о Христе исключительно на бембийском языке и исключительно в День молодёжи, как будто в другие дни Христос не существует.

На их белых футболках сияли принты с надписью «*Имити Икула Эмпанга*»[108]. И все они были

[108] Сноски: 108

Бембийская пословица, которая гласит: «Деревья, посаженные сегодня, завтра становятся лесом».

буквально помешаны на стиле *читенге*[109]. Юбки *читенге*, рубашки *читенге*, шорты *читенге*, головные уборы *читенге* и даже рюкзаки.

«Господь любит детей».

«Да приидут дети ко мне».

«Если б все были такими, как вы…»

Они обнимали нас как родных, называли по именам, стараясь не перепутать. Они сидели с нами, вели многочасовые беседы, а потом уходили, даже не догадываясь, что мы успели их обворовать.

Многие из них возвращались через год, и всё повторялось снова.

Под Рождество и на Новый год они приносили нам подарки. Некоторых ребят увозили в приют или распределитель. Такие места точно были не для меня, и я упиралась, как могла. Все эти заведения были похожи на переполненные тюрьмы, где ребят заставляли заниматься уборкой, стиркой и частенько поколачивали безо всякой на то причины. Лично я попадала туда два раза и оба раза сбегала. Как бы ни называлось это место, будь то Христианский центр надежды или

---

[109] Сноски: 109

В данном случае используется более расширенный смысл слова «читенге». Читенге («завязывать») — это кусок ткани с африканским принтом, традиционными этническими орнаментами.

распределитель «Надежда на будущее», подход к детям был чудовищный.

Когда мы с Эналой переехали в бордель в Чилулу, активисты от нас отстали. Сто лет бы их не видела, и вдруг появляется этот Элиша, Элиша Банда. Он не был похож на других общественников. Он вышел на связь один, не устраивал никаких шоу, не впаривал мне листовки. Он общался лично со мной, глядел только на меня, понимал меня. Но я всё равно не верила, знала, что он ничем не лучше остальных. Ну да, он выслушал меня, покормил, запомнил моё имя. Но он всё равно его забудет, выполнив свою работу. Пройдёт мимо и даже не узнает в этой полненькой девушке в тесной сатиновой юбке Чимуку, что имела наглость обокрасть его.

Я иду в сторону бульвара Лос-Анджелес и чувствую за спиной шаги. Иногда тут ошивается сумасшедший Буба, цепляется ко мне с Эналой за вызывающий вид. Может, это он, а может, ещё кто-то. Я ускоряю шаг. В такой узкой юбке особо не побегаешь, а каблуки у новых босоножек с леопардовым рисунком ещё выше, чем у выброшенных на помойку красных туфель с блёстками. Ноги увязают в грязи, и я чувствую, что преследователь настигает меня. Развернув-

шись, я выкрикиваю:

– *Уфуна чани канси*?[110]

Передо мной стоит Элиша.

— Успокойся, — говорит он и делает шаг вперёд, чтобы обнять меня, как отец собственного ребёнка. Но я отворачиваюсь и гляжу в стылую темноту.

— Видишь ли, Чимука, есть у нас один проект, называется Тикондане[111], и я хотел бы…

Я презрительно фыркаю:

— Тикондане?

— Да. Кстати, а ты не помнишь меня? Ведь мы уже прежде виделись, и не раз.

Я резко оборачиваюсь:

— Виделись? Это где же?

Вокруг нас сплошная тьма, но мы стоим в небольшом островке света возле автобусной остановки. На белом заборе неподалёку я вижу красную табличку: «Лусакская школа для мальчиков — только вперёд!»

— Первый раз мы виделись в Эммасдейле, —

---

[110] Сноски: 110

Что тебе надо?

[111] Сноски: 111

Тикондане (переводится как «Мы все любим друг друга») — благотворительный проект, созданный в 1998 г. миссионерским обществом «Белые сёстры». Проект занимается беспризорными детьми и подростками.

говорит Элиша.

— А… — Я заинтригована и пытаюсь вспомнить, когда же это было. Точно! Гостиница в районе Эммасдейл… Мой первый в жизни клиент привёз меня туда, и его машина застряла в грязи. Там ещё была вторая машина, и двое мужчин вышли оттуда и помогали толкать машину. А один сказал: «Мы сами справимся, мадам». Это и был Элиша. Тот же смешной прикус и ямочка на подбородке. Я нахмурилась. *Так вот почему он ко мне прицепился — хочет, чтобы я расплатилась за его давнюю любезность? «Мы сами справимся, мадам…»*

— Да, именно так, мадам, в Эммасдейле, — говорит сегодняшний Элиша, снова перейдя на «вы». — Так я хотел рассказать вам о проекте Тикондане. Я веду разъяснительную работу среди молодёжи, предоставляющей сексуальные услуги. Очень важно, чтобы такие, как вы, не заразились ВИЧ или СПИДом, для этого я раздаю бесплатные презервативы — как мужские, так и женские. Кроме Эммасдейла, мы потом пересекались ещё пару раз, помните? Так вот, я очень хотел бы, чтобы вы рассказали своим друзьям о нашем проекте, это очень важно.

Он вытаскивает из кармана маленькую фио-

летово-жёлтую упаковку с надписью: «Высокий уровень защиты».

— Это презервативы, — смущённо говорит Элиша.

Чёрт, уж лучше б клей подарил, так сильно я замёрзла.

— Чимука, вы спрашивайте. Я отвечу на все ваши вопросы.

Мне определённо нравится такое уважительное отношение, нравится, как он смотрит на меня.

— Даже не знаю, — я пожимаю плечами.

— Ладно, не будем торопить события, — говорит он и прибавляет со всей серьёзностью: — Чимука, очень прошу вас — требуйте от мужчин пользоваться презервативами.

Молча кивнув, я сую упаковку в лифчик, и, о ужас, оттуда высыпаются его деньги и его визитка с эмблемой из двух синих сердечек, обвитых красной лентой. Элиша поднимает всё это и возвращает мне с улыбкой:

— Там как раз мои контакты и адрес нашего офиса. Как-нибудь приходите, договорились?

Я пристыженно киваю.

— Давайте я провожу вас до места, иначе буду волноваться.

От этих слов у меня начинает ныть сердце.

Мы идём, а Элиша рассказывает, как важно предохраняться. Что мы, девушки, должны настаивать на этом, потому что в силу своей работы находимся в группе риска. Элиша говорит тихо, мягко, время от времени поглядывая на меня, ему важно, чтобы я его услышала. Когда мы доходим до лусакской школы для девочек, Элиша вручает мне белую коробочку с забавной эмблемой: кривой красный кружок, под ним крестик, изображающий руки-ноги, и надпись василькового цвета: «Женские презервативы FC2»[112].

— Спасибо, — говорю я. За всё время нашего общения я старательно слежу за своей речью. Мне важно донести до Элиши Банды, что я прекрасно владею английским и не всегда была той, кем стала. Меня так и подмывает указать на школьное здание за деревьями и похвалиться, что в этой школе я училась, а если пройти дальше по улице, там дом, в котором я жила. Мне хочется поведать ему, что мои родители умерли, как и мой младший брат. А старший подсел на клей и ещё какую-то дурь. Кроме того, он промышляет

[112] Сноски: 112

FC (female condoms) — женские презервативы, выпускаемые английской компанией Female Health Company («Компания по охране женского здоровья»), основанной в 1896 г.

воровством. Но я не такая, как он, я не воровка. И что моё полное имя — Чимука Грейс Мвия.

И мне вдруг становится стыдно за фривольную кофточку, выставляющую напоказ мою грудь. Стыдно за себя, пухлую африканскую девушку в тесной сатиновой юбке, едва прикрывающей ляжки. На моей африканской головке — убогий парик, имитирующий короткую прямую стрижку, лицо густо накрашено. Красные губы, нарумяненные щёки. Поверх сбритых бровей чёрным карандашом прорисованы чужие брови. В моих ушных раковинах — по три пирсинга, в мочках — золотые кольца. «Золото — это круто, *иве»,* — любит повторять Энала. Мои длинные ногти покрыты алым лаком.

Элиша доводит меня до Аддис-Абеба-драйв и возвращается к своей машине. Несмотря на холод, я вся вспотела — до того мне стыдно перед Элишей. Я смотрю на пустынную улицу и думаю, что неплохо бы ещё поработать.

Знакомство с Элишей возродило во мне прежнюю мечтательность, и я частенько представляла себе его спокойное лицо, как он разговаривает со мной, провожает на Аддис-Абеба-драйв… Мне очень хотелось поделиться своими переживаниями с Эналой, но я заранее знала её реакцию.

Мол, глупость какая — запасть на человека, который просто купил тебе пирожки. А если он тобой не попользовался, то значит, импотент или принципиально не связывается с девочками, которые говорят на английском. Идею включить меня в какой-то там проект Энала тоже поднимет на смех — скажет, что просто Элиша меня пока что подмасливает, чтобы написать какую-нибудь очередную пустую статью. Вот поэтому я ей ничего и не рассказывала, продолжая мечтать. Как Элиша целует мой шрам на руке, улыбается смешной улыбкой мультяшного кролика. Элиша каким-то чудесным образом вытеснил все мои страхи, и мне даже перестали сниться кошмары про убитого мной ребёнка.

Через неделю я встретила его опять, причём днём. Я направлялась на рынок Чиленье за едой и бутылочкой пива «Моси». Думала, он пройдёт мимо, но он остановился и поздоровался со мной: «Здравствуйте, мадам». И снова эта смущённая улыбка. Я была в шлёпках, балахонистой футболке и застиранном *читенге,* но Элиша всё равно узнал меня. Между нами проехал велосипедист с полным багажником продуктов, я отступила и споткнулась. Элиша схватил меня за руку, чтобы я не упала, так и не отпустив её. Ему было всё рав-

но, что кто-то увидит его с проституткой. Вдвоём мы представляли то ещё зрелище: ведь даже без каблуков я была гораздо выше его.

Уж не знаю почему, но я развернулась и побежала, наталкиваясь на прохожих, которые осыпали меня ругательствами.

Сегодня Энала была не в лучшем расположении духа. Накануне она вусмерть переругалась с таксистом, который едва не сбил её, и совсем осипла.

— А где еда? — спросила меня подруга.

Я опустилась на табурет, переводя дух.

— Ты от кого бежала-то? *Иве*, что вообще происходит?

Энала хоть и большая скандалистка, но эмоции людей считывает мгновенно, особенно мои.

— Ты помнишь того чудика в белой «тойоте»? — сказала я.

— Это англичашка-то? — Энала издала презрительный смешок.

— Ну да, типа того. Я всё никак не пойму, почему он меня не тронул, а просто разговаривал.

— Бывает. А чего грустишь-то?

— Я его обокрала.

— Ну и что? Одно другому не мешает.

Странно, что Энала так реагирует. Потому что

Элиша действительно был из ряда вон выходящим случаем. Наши клиенты совсем другие, а если и попадаются любители «задушевных бесед», то они самые непредсказуемые и опасные. А Элиша ничего плохого мне не сделал и не был пустобрёхом.

— Энала, он дал мне презервативы.

— Что? — фыркнула подруга. — С какой это стати?

— Представляешь, есть не только мужские, но и женские презервативы. — И я показала ей белую коробочку и визитку Элиши. — Представляешь, он занимается просветительством среди таких, как мы, и очень серьёзно к этому относится.

— Господи, да когда ж ты поумнеешь, *иве* Чимука? — бесцеремонно перебила меня Энала. — Мы таких благотворителей видели-перевидели. Как ты могла купиться на такое? — На лбу её пульсировала гневная жилка. — Можешь, конечно, общаться с ним сколько хочешь, Чимука, но только зря время теряешь. Лично у меня есть дела поважнее.

Обидевшись, я ушла и вернулась на рынок, чтобы все-таки купить продуктов.

Он стоял возле входа и разговаривал с двумя обычными женщинами. *Неужели меня поджи-*

дает? Когда я вышла с рынка, Элиша окликнул меня:

— Чимука!

— Вы что, выслеживаете меня? — не выдержала я.

Он рассмеялся, отчего ямочка на его подбородке обозначилась ещё сильнее.

— Мадам, я просто живу в этом районе. Меня тут многие знают.

— Правда, что ли?

— Ну да. А что тут удивительного?

— Понятно. — Всё-таки Энала здорово накрутила меня, и теперь мне казалось, будто все вокруг таращатся на нас. *Так, Чимука, спокойно*.

— Кстати, вы сказали своей подруге насчёт проекта Тикондане?

— Это какой такой подруге?

— Ну, той, с которой вы работаете.

Надо же, он и это успел просечь.

— Да, — соврала я, не считая это большим грехом, а потом вдруг ни с того ни с сего прибавила: — Вы уж простите, что я вас обокрала.

— О чём это вы? — Он так искренне удивился, что я даже растерялась. — Ничего страшного, вы, главное, не расстраивайтесь. Вы можете стать другим человеком, Чимука. И ваша жизнь обяза-

тельно переменится.

Я грустно улыбнулась и покачала головой, прекрасно понимая, что вернулась сюда ради него. Я начинала нуждаться в этом человеке.

— Послушайте, наш офис расположен возле поликлиники Чиленье. Напротив ресторанчика Бома и полицейского участка. Вы знаете, где это? — сказал Элиша.

— Да, знаю.

Мимо прошли две женщины, и Элиша поздоровался с ними.

Мне вдруг стало стыдно, а когда Элиша обернулся, чтобы продолжить со мной разговор, я убежала.

Глава 20

Энала давно стала для меня близким человеком, ещё со времён бродяжничества. Мы понимали друг друга с полуслова, вместе нюхали клей под мостом, спали на одной картонке и смеялись по поводам, которые были понятны только нам двоим. Так между нами возникал некий момент приватности, хотя в том мире, где мы жили, приватность была невозможна, но мы всё равно выдумывали её для себя. На улицах Лусаки, где мы никому не были нужны, всё оказалось перевёрнутым с ног на голову: мы прилюдно испражнялись, выбешивая чистеньких и благополучных, но если мы шептались в сторонке, то это уже личное.

Энала меня многому научила. Она знала, как правильно воровать и выбирать жертву. Например, Энала отвела меня однажды в северную часть Лусаки и показала здание из тёмного кирпича, в котором располагался банк «Барклайс»[113].

— Надо обращать внимание на тех, кто выдаёт

---

[113] Сноски: 113

«Барклайс» (Barclays, или Банк Замбии) — крупнейший банк в стране, существует около ста лет.

себя странным поведением, — объясняла Энала. — Например, идёт дяденька, шевелит губами, хмурится, что-то подсчитывает, бормочет под нос. Значит, он точно несёт в банк свои денежки. Или про женщин: если женщина прижимает к себе сумочку, значит, в этой сумочке явно есть чем поживиться.

Энала знала, как спрятать заначку так, чтобы Рудо не нашла её, даже раздев нас донага. Она искусно врала в глаза и не краснела, а ведь это тоже талант. Если у меня начинались месячные и сильно кровило, Энала оставалась со мной и играла в *чиято*.

Я училась всё делать как она: воровать и защищаться от обидчиков. Если она велела убегать, то я убегала, и Энала всегда следила за тем, чтобы я была в безопасности. Да, она была моим защитником и другом, заменив Али.

Я делилась с ней самым сокровенным, заводила разговоры про моих умерших родителей и Куфе. Рассказывала про лусакскую школу для девочек, про свою жизнь в Нортмиде. И, даже нанюхавшись клея и еле ворочая языком, Энала всё равно слушала меня. Лежала, прикрыв глаза, слушала в сотый раз мои семейные истории и задавала вопросы, ответы на которые ей были

давно известны.

— А что значит «Тате»? — спросила она однажды.

— Это сокращённое от Бо Ндате, что на лозийском означает «отец».

— Но ведь тебя зовут Чимука — разве это не на языке тонга?

— Да. Потому что моя мама — из народности тонга.

— Но ты же первенец. Почему тебе дали имя на тонга, если отец — представитель лози?

Вспомнив мамин рассказ, я и этому нашла объяснение.

— Да потому, что, когда я родилась, папа был далеко и мы жили отдельно. Его родня совсем заклевала маму, потому что перед этим у неё было много выкидышей. Уж никто и не надеялся, что я появлюсь на свет, потому-то меня и назвали Чимукой, что означает «поздняя».

— А откуда ты всё это знаешь?

— У нас была соседка Бана Муленга, мама с ней дружила и всем делилась, как я с тобой. Я просто подслушивала их разговоры.

Одна за другой в моей памяти оживали картинки раннего детства, и я описывала их Энале.

— Ну да, ну да, — кивала она, деликатно умал-

чивая, что я давно повторяюсь.

В дни, когда нам не удавалось выклянчить или украсть денег, мы рылись в мусорке, надеясь найти остатки варёной курицы или хотя бы корочку хлеба. В такие моменты мне было важно вспомнить, что есть и нормальная жизнь, и я рассказывала подруге про мамину стряпню.

— Мама очень вкусно готовила, — хвалилась я, набивая рот хлебом недельной давности. — Подняв глаза на красную неоновую вывеску «Просто курица»[114], я прибавляла: — И особенно курочку. Прямо пальчики оближешь, со специями, и всё такое.

А когда заканчивался клей и мы до крови расчёсывали ранки от комариных укусов, я вспоминала вслух про комнату, что делила с Бо Шитали. В ярких красках описывала кровать под цветастым покрывалом и как скрипели пружины, когда мы начинали ворочаться. Я описывала Энале луну, что светила сквозь наши синие занавески, и пыталась представить, что вот прямо сейчас у меня перед глазами и те самые занавески, и луна.

Все эти разговоры поддерживали во мне на-

---

[114] Сноски: 114

«Просто курица» (Just Chicken) — сеть ресторанов фастфуда в Замбии.

дежду, будто всё ещё можно вернуться в ту, нормальную жизнь. В такие минуты и одежда моя казалась чище, а кожа — гладкой как атлас. В тех мечтах я пахла туалетным мылом, а Бо Шитали крепко обнимала меня, чтобы я поскорее уснула. И тогда я действительно засыпала, но действие клея кончалось, и в мою кожу впивались насекомые, напоминая о жестокой реальности.

Потом мы с Эналой переехали в бордель, а позднее сняли домик, став более самостоятельными.

Но ближе к 2003 году в наших отношениях произошли резкие перемены. Энала шла напролом, никогда ни в чём не сомневаясь, а я всё ещё впадала в моральные рассуждения. Энале надоели мои истории, и она всё чаще засыпала под них. Если я продолжала грызть ногти, то она давно перестала это делать — отрастила длинные и красила их красным лаком.

Однажды ночью Энала заполучила себе богатого покровителя. Он появился как-то на синем «паджеро» в компании друзей. Вытащив толстый кошелёк, он принялся выбирать себе девушку и указал на Эналу:

— Беру тебя.

Томно улыбнувшись, Энала забралась к нему в машину и уехала.

Он дал ей столько денег, что и не пересчитать. Энала решила устроить небольшой праздник и привела меня на рынок Читенье, где мы отоварились целым ящиком пива. Ох, ну и тяжело же было его тащить по жаре. Мы тогда так напились, что у меня развязался язык и меня понесло:

— Эх, видела бы ты моего Тате. Он был такой умный, такой красивый.

— Знаю-знаю, уже слышала. Тебе самой-то не надоело?

— В смысле?

— Ты так расписываешь своего отца, как будто он был весь из себя идеальный.

— Но ты же его не видела, зачем так говоришь?

— А мне и видеть не надо, Чимука. Ты же сама рассказывала про Сандру. Может, потому он и умер таким молодым, а потом твоя мама свела счёты с жизнью?

Эти слова ужалили меня прямо в сердце. Я подняла глаза на Эналу. На её лице было написано полное безразличие — возможно, она была слишком пьяна, чтобы считаться сейчас с моими чувствами.

— Ты его не видела и не знаешь, — упрямо повторила я.

— Послушай, *иве*, не у одной тебя было счастливое детство.

— А что ж ты столько лет молчала? — с вызовом сказала я, отвернувшись. — Давай, расскажи про своё счастливое детство.

Наступила минутная пауза, когда я не могла понять — то ли Энала заснула, то ли вспоминает, но тут она заговорила:

— У меня тоже была отличная семья. Я была единственным ребёнком у идеальных родителей. — Эти слова она произнесла не без доли ехидства. — Жили мы в Калулуши[115], я училась в дорогой частной школе. У меня было всё — дорогие игрушки, самая лучшая одежда. Родители работали в компании «Замбийские авиалинии» и летали по всему миру, иногда брали меня с собой. — Поставив бутылку на журнальный столик, Энала начала перечислять, загибая пальцы: — Я побывала в Мумбаи, во Франкфурте, Йоханнесбурге, Белграде, Риме, Порт-Луи[116], в Ларнаке, Лондоне, Нью-Йорке. На мой день рождения родители звали своих друзей вместе с детьми, избалованными донельзя. Меня задаривали

---

[115] Сноски: 115
Калулуши — город в провинции Коппербелт, Центральная Замбия.

[116] Сноски: 116
Порт-Луи — столица Маврикия.

игрушками, которых и так было полно, и все распинались, какая я красивая и смышлёная девочка.

Вот это да! Я и представить не могла, в каком шикарном мире вращалась моя подруга.

— А потом, — продолжила она, — в 1994 году, когда мне исполнилось одиннадцать, авиакомпания обанкротилась, и многие потеряли работу, включая моих родителей. Пришлось продать дом, распродать всё и переехать в другой район. Родители уже не могли оплачивать мою частную школу, и меня перевели в государственную, где надо мной смеялись, потому что мой английский был идеальным. Смеялись не в лицо, конечно, но я же понимала. Дома всё было ужасно. Папа с утра отправлялся на поиски работы и возвращался вечером совершенно раздавленным. У него началась депрессия, и он стал прикладываться к бутылке.

Энала приподняла коричневую бутылку «Моси», чокнулась с воздухом и горько рассмеялась.

— Он пил и пил каждый день, а потом взял и умер. Мама к тому времени уже была на грани безумия. — Вдруг Энала заплакала. — Мамочка, моя бедная мамочка… Она так горевала, что здоровье её просто не выдержало. Вот почему я

теперь никогда не плачу.

И это было чистой правдой: Энала действительно никогда не плакала, сегодня — в первый раз.

— Вот почему я не могу пойти к богатым домработницей. Потому что там живут люди, которые когда-то лебезили перед моим отцом. Подтирать попы детям их детей? Уж нет.

Горько вздохнув, она заключила:

— Так что и мне есть что вспомнить, Чимука, и есть по чему печалиться… Когда маму похоронили, я точно знала, что сбегу из Калулуши. Не хотела, чтобы родственники забрали меня в такую дыру, как Петауке[117]. Я переоделась в мамину форму стюардессы, поймала машину и уехала. Водитель грузовичка, что согласился подвезти меня, лапал меня за грудь, от чего и кончил. — Энала издала горький смешок. — Вот так я оказалась в Лусаке.

Где-то на улице залаяла собака, Энала молчала, больше не сказав ни слова. Тему детства она закрыла навсегда.

Это и был тот самый день, когда в наших отношениях всё переменилось. Энала не желала больше заниматься воспоминаниями, а я про-

---

[117] Сноски: 117

Петауке — небольшой городок в Восточной провинции Замбии.

должала держаться за своё детство, и по этой причине она считала меня слабачкой. Можно, конечно, свалить всё именно на это, но была ещё и другая причина. Основы нашей дружбы пошатнулись и потому, что в нашей жизни появилась третья девушка, которая встряла между нами. И вот у них как раз было гораздо больше общего: обе — смелые и бесшабашные, напористые и громкие в выражении своих эмоций. Они даже смеялись одинаково — с неким презрением ко всему миру, откинув голову назад. Даже когда они сидели вдвоём и просто молчали, я всё равно чувствовала себя третьей лишней. С самого первого дня, как появилась та, третья, они вели себя так, словно знали друг друга всю жизнь. Их дружба была более естественной, что ли. И я с тоской наблюдала, как Энала постепенно отдаляется от меня.

Всё началось с полицейской облавы. Мы-то думали, что уже со всеми договорились и всегда можем расплатиться телом. В первый раз, конечно, было страшно, страшно попасть в тюрьму. Это уж потом мы поняли про их пустые угрозы и что они всегда порешают между собой, кто кому достанется. Полицейские уже давно приезжали на одной и той же штатской «Тойоте-Королла»

с тонированными стёклами и брали кого хотели.

Но в этот раз всё оказалось очень страшно, хоть я и не сразу поняла.

Мы с Эналой слонялись возле пятизвёздочной гостинцы, надеясь перейти в категорию люксовых проституток, и тут послышался вой сирены. Я сначала подумала, что это скорая, но подъехал полицейский фургончик, и оттуда повыскакивали полицейские. Все девушки бросились врассыпную, но всё равно многих похватали. Я успела прыгнуть в кусты и до утра дрожала там, как загнанный заяц. Мой *читенге* и все наличные деньги куда-то пропали, и домой пришлось возвращаться на своих двоих, в неприлично коротком платье.

Я чуть с ума не сошла от неведения. Куда подевалась Энала? Я даже не удосужилась запомнить номер машины, на которой её увезли, а это главное правило в таких случаях. Её запросто могли убить и сбросить в канаву, и никто ничего не узнает. О таких вещах не пишут в новостях, но я знала, как это бывает. Приезжает якобы полицейская машина, а в ней чернокожие люди из другой страны… И всё, человек пропал с концами.

По глупой наивности я купила *«Замбия дейли мейл»* и *«Замбия таймс»*, выискивая послед-

ние новости. Правительственный визит из дружественного государства, перетасовка в кабинете министров, отставка вице-президента, но никаких фото девушек, вырвавшихся из лап каких-нибудь конголезских бандитов.

Я уговаривала себя, что с Эналой всё хорошо, она просто устроилась прислугой в доме богатеньких. Ей выдали одежду, пошитую соответственно прихотям хозяйки, и назначили жалованье. Просто Энала раздумала быть проституткой: теперь она будет кашеварить, убираться в доме, водить избалованных детишек в частную школу с красивым мощёным двориком, а после занятий забирать их. Она будет смеяться над их историями и рассказывать свои, по большей части выдуманные. Будет вытирать их слёзы, став другом на многие годы. Но эти мои рассуждения вытеснялись страшными, более правдоподобными картинами: трупы девушек, брошенные в трущобах Лусаки, и среди них мёртвая, окровавленная Энала с распахнутыми от ужаса глазами. В её открытый рот безбоязненно залетают мухи, потому что сама хозяйка уже не способна его захлопнуть.

Но разве кто-нибудь напишет о таком? Никогда. Репортёры обходили наши проблемы

стороной. Они придумывали броские заголовки о процветающей замбийской экономике, про невиданный урожай, про неутомимое строительство дорог, открытие новых школ и больниц в самых удалённых уголках страны. Они восхваляли власти, которые якобы несут прогресс в народные массы. Написать про парламентские сессии — пожалуйста, про дополнительные выборы — с удовольствием. А уж сколько высоких слов про наш счастливый замбийский народ. Мы оставались один на один с кошмарами ночной жизни, а первые полосы газет пестрели образцово-показательными фото довольных всем граждан. И где они их только отыскивали.

Энала вернулась через три дня — отрешённая, исхудавшая, вся в синяках и ссадинах. И она привела с собой ту третью девушку. Я пыталась расспросить подругу, что случилось, но Энала только отводила глаза и молчала. Когда я рассказала о собственных страхах, пока сидела в колючих кустах, Энала вскинула на меня глаза и сказала, что она и эта девушка пережили нечто гораздо более ужасное, чем колючки или пенис, засунутый не в ту дырку.

Этот чудовищный трёхдневный опыт, о подробностях которого я ничего не знала, перевесил все

наши годы попрошайничества на улицах Лусаки, мелких краж и общего кайфа над тюбиком клея. Третья девушка стала главной в жизни Эналы. Звали её Джемима. Не в пример мне, Джемима обладала лёгким нравом, умела рассмешить Эналу до коликов, вызывая мою зависть. Джемима была высокой и обладала кожей золотистого оттенка — именно золотистого, а не желтушного, как у меня в холодную погоду. Алые пухлые губы Джемимы не нуждались ни в какой помаде, достаточно было контурного карандаша. А её аппетитные округлости создавали поразительный контраст на фоне тонкой кости и осиной талии.

Я больше была не нужна Энале. Ей было хорошо и весело с Джемимой, поэтому мне срочно требовалась какая-то отдушина. Тут я и вспомнила о проекте Тикондане.

Взяв немного денег, я отправилась на почту возле торгового центра «Вудлендс», купила жетоны и набрала номер с визитки Элиши. Трубку сняла женщина, и я сначала растерялась, но потом сказала:

— Здравствуйте, я хотела бы переговорить с мистером Бандой.

— Здравствуйте, вам нужен Элиша Банда?

— Да.

Я кинула взгляд на визитку: «Помощь замбийским девочкам. Проект Тикондане. Элиша Банда, сотрудник по работе с местным населением. Лусака, район Чиленье, Мурамба-роуд, дом 2. Телефон 262100».

— Минуточку, пожалуйста. — И женщина куда-то отошла. Скоро в трубке послышался голос Элиши, и у меня сладко заныло в животе.

— Алло? — Меня окатило тёплой волной.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, мадам. Чем могу быть вам полезен?

Он ко всем так обращается или только ко мне?

— Я тут подумала… — начала я.

— А это вы, Чимука? Привет.

— Привет. Я могла бы к вам зайти и послушать про ваш проект?

— Конечно, Чимука.

Я крепко сжимала карточку в потной ладони. Я и так знала, как до них добраться, но не стала перебивать Элишу.

— Мы находимся за больницей Чиленье. Для ориентира: там поблизости полицейский участок и ресторанчик «Бома».

— Хорошо, я скоро буду.

Я направилась по указанному адресу, в голове роился беспорядочный ворох мыслей. Про Куфе. Про маму. Про свадьбу Бо Шитали, про Лимпо и Тате. Почему-то вспомнилось, как мы пели национальный гимн на школьной линейке. А ещё я представляла себе гладковыбритое лицо Элиши, ямочку на подбородке. Как он улыбается уголком рта. Его смешной прикус, как у мультяшного кролика. Тёплый взгляд. И вот я на месте.

Я вижу небольшое приземистое здание с куполообразной крышей, оно чем-то похоже на слоновник в национальном парке. На ветру полощется флаг Замбии. Встав в тень, я вижу, как ко мне идёт Элиша. Мне хочется подбежать к нему и броситься на шею, но ноги словно приросли к земле. До меня доносятся такие домашние запахи жареной курочки, приправленной паприкой, что я вспоминаю маму.

Глава 21

Когда умерла наша с Эналой соседка на Бурмароуд, ей дети даже похорон не устроили. Просто вызвали перевозку, раздолбанный фургончик, и погрузили в него тело, завёрнутое в новый *читенге.* Никаких пророчеств от совы накануне я не слышала.

Я осталась жить там, где жила, ночью работала, днём отдыхала. Однажды к нам заглянул покровитель Эналы и сказал, что ей не помешает барный холодильник. И он его купил и привёз, и мы стали хранить в нём дешёвую выпивку. Теперь, проснувшись часов в двенадцать, я топала на кухню и делала пару глотков холодного пива.

Я и не помню, как в один прекрасный день ноги сами принесли меня на Мумбамба-роуд, в городок Тикондане. Оглядевшись вокруг, я тихо рассмеялась. Прямо наваждение какое-то, что я тут делаю? В городок Тикондане приходили и взрослые, и дети, а некоторые тут даже жили. Вот, пыля сандалиями, двадцать ясноглазых детишек в коричневых формах идут на линейку. Десять лет назад я тоже носила форму, только зе-

лёную. Дети выстраиваются на площадке и поют гимн, коверкая слова: *Ананене отят наны*…[118] С улыбкой я вспоминаю, что и у нас было так же. Мне ужасно хотелось рассказать Элише про свою школу, но гордость не позволяла.

Элиша оказался женат. Это его жена тогда в первый раз сняла трубку, и звали её Грейс. Только в Тикондане я заприметила на левом безымянном пальце Элиши тонкое серебряное кольцо, хотя в начале знакомства его не видела. Вряд ли он его снимал, да это и неважно, — убеждала я саму себя.

Действительно, для меня как для проститутки было неважно, женат клиент или нет, но по большей части они были женатики. Холостые предпочитали растянуть удовольствие и даже приплачивали за целую ночь приключений. Женатиков ублажать было проще, и меня всегда удивляло, как эти господа с золотыми часами, упакованные в костюмы-тройки и надушенные дорогим одеколоном, радуются виду обнажённой девушки, лежащей на кровати в задрипанном мотеле на задворках Лусаки. Какое они тут искали райское наслаждение? Они всегда были при ре-

[118] Сноски: 118
Страна, где не хотят войны.

зинках и надевали их, стыдливо отворачиваясь.

…Мучимая похмельем и чувством собственной неполноценности, я присела на скамейку и дослушала гимн до конца. Я рассчитывала совсем на другое с Элишей, а потому была глубоко разочарована.

Он оказался женат.

И просто имел намерение помочь мне.

Объяснить.

Чтобы я перестала заниматься проституцией…

И тут появился Элиша и отвёл меня в офис. Вместе со своей женой они начали капать мне на мозги, ничем не отличаясь от остальных миссионеров. Элиша больше не был для меня обаяшкой, похожим на мультяшного кролика. Сейчас я злилась и ненавидела и его, и Грейс.

«Чимука, у человека всегда есть выбор», — говорили они.

«Наш проект существует ради таких, как ты».

«У нас бесплатные консультации по профилактике ВИЧ, а также бесплатные анализы и медицинские обследования».

«По понедельникам, средам и пятницам».

«Да-да, а по воскресеньям — общение участников проекта».

«Ты слышала что-нибудь про Иисуса Христа?»

Я была готова разреветься от обиды, но не уходила. То ли из-за жары, то ли из-за ностальгии по детству и потому, что тут пахло маминой готовкой.

— Конечно, я знаю про Иисуса Христа.

— Ты воспринимаешь его как своего личного спасителя и Бога?

— Нет.

— Мы поможем тебе принять в свою душу Господа нашего, помолиться Ему, чтобы начать жизнь с нового листа.

— Ладно, — говорила я, радуясь хоть какому-то его вниманию к своей персоне, когда он для убедительности клал мне руку на плечо.

— Давай помолимся, — предложили мне Грейс с Элишей и склонили головы. С улицы доносился весёлый детский смех.

Помолившись, мы хором сказали: «Аминь».

— Спасибо вам, — сказала я, присев в издевательском реверансе, и ушла прочь из городка Тикондане, где мне предлагали новый выбор, общение, Иисуса Христа и бесплатное медицинское обследование по понедельникам, средам и пятницам. Путь обратно казался мне бесконечно долгим. Я шла мимо больницы, развалов с *салаулой*, мимо складов и мастерских. Мимо заправки.

Мимо рыбного магазинчика и лавки со специями. Мимо футбольного поля и забора с надписью «Мэри — босс отсос», где ожидала увидеть свою соседку, совсем забыв, что она умерла. Меня накрыла волна такого сокрушительного разочарования, что из груди моей вырвался сдавленный всхлип, перешедший в громкое рыдание.

Я остановилась, глядя на постройку под шатровой крышей, ставшую моим домом. Здание с грубо оштукатуренными стенами, покосившейся дверью — сколько уже с ним связано воспоминаний, плохих и хороших. Бывало, что мы приводили сюда мужчин, и они, понимая, что это наша территория, платили нам больше обычного. На праздники мы покупали курицу и забивали её во дворике. Я старалась готовить её, как моя мама. Курица у нас хорошо шла под пиво, так Энала предложила. И ели мы её без *ншимы* — просто пиво, курятина и побольше соли. Я хорошо помнила, что в трудные минуты Энала всегда была рядом, как и в день аборта. *Это ж кем надо быть, чтобы убить собственного ребёнка?* Я помнила, как из меня вываливались кровавые куски, у меня должен был родиться мальчик. Говорят, когда рождается мальчик, роды особенно болезненные, уж сколько таких историй я

наслушалась. Говорят, боль такая, как будто ты умираешь, все внутренности переворачиваются. Ты словно находишься на грани жизни и смерти, а потом вдруг на свет появляется он, твой сын.

Смех Джемимы был слышен даже с улицы. Замявшись на пороге, я вошла в дом.

— Привет, народ, — бодро сказала я, стараясь не показывать свое зарёванное лицо.

— Ты что, ходила к тому англичашке? — спросила Энала.

— Нет, с чего ты взяла?

— Потому что там, где ты прячешь его визитку, её сейчас нет. Ну, и что он тебе сказал?

— Ничего, — огрызнулась я.

— А я знаю, что он ей сказал, — встряла Джемима, любуясь собственным отражением. Сейчас она ощупывала свою попу, словно что-то успело измениться с предыдущего раза пятнадцать минут назад, когда она стояла перед зеркалом. — Он сказал, что все места заняты и что она слишком стара для их проекта. И тогда твой англичашка предложил тебе обратиться в церковь или наняться прислугой в какой-нибудь особняк. А что? Ведь лучше спать с одним мужиком, когда его жена в отлучке. А ещё таскаться с чужой семьёй на церковные службы и свадьбы их родственников.

Спать с одним мужиком и пахать без перерывов за 250 тысяч квач в месяц — это ж просто счастье. Причём непонятно, куда тратить деньги, ведь самостоятельности — никакой. Ты хочешь, чтоб было так, Чичи?

Она даже не удосужилась обернуться, глядя на меня через зеркало.

— Да, Чичи, тебе это больше подходит. А то ведь тут надо платить за аренду и думать своей головой, а ты этого не любишь. Ты же прячешься по кустам от бандитов, пока другие за тебя расхлёбывают.

— Именно, *иве*, — сказала Энала. *Иве* теперь была не я, а Джемима. — В конце недели придёт владелец дома, так что приготовься, Чимука.

Мне хотелось закричать, сказать Энале, что это я — её семья и что я ужасно сожалею о том, что с ней случилось из-за моей трусости. Мне хотелось напомнить, что это меня она спасала, когда исчез мой брат. Это с ней мы нюхали клей и делились своими девичьими секретами. Это она нашла Рудо и помогала мне втискиваться в первое платье ночной бабочки. Это меня она избавляла от комплексов, убеждая, что я очень даже миленькая, несмотря на полноту. Это мне она говорила: «Чимука, смотри, какая у тебя гладкая кожа — ни

единого прыщика, в отличие от меня». Она была моей лучшей подругой, сестрой, о которой я так мечтала. А теперь она зовёт Джемиму *иве*, во всём соглашается с ней и хохочет, запрокинув голову, да как у неё шея не отваливается!

Бывало, подростки любили поиздеваться над нами: устраивали «покатушки» своим девушкам и привозили их к месту сбора ночных бабочек. Опускали стёкла, устраивали «кидалово», а их девушки сидели на заднем сиденье и потешались над нами. Это было крайне унизительно, но Энала научила меня сохранять достоинство: подбородок вверх, фунт презрения и ноль внимания. Именно благодаря Энале я выработала уверенную походку коварной соблазнительницы: нужно ходить как под музыку, а если ты споткнулась — придумай какое-нибудь смешное движение, никогда не сдавайся.

Я всегда чувствовала, что моя подруга рядом, даже когда меня увозили в какой-нибудь мотель, будь то «Прекрасное местечко», «Приляг и отдохни» или «Взбитые подушки». Потому что я всё делала, как учила Энала: оставаясь наедине с мужчинами, я обхватывала их голову, обвивала ногами, изображая наслаждение. А когда мужчина достигал пика, я кричала вместе с ним,

имитировала конвульсии и затихала вместе с ним. За это мне и платили.

Я выжила только благодаря Энале. И вдруг она вычёркивает меня из своей жизни. Это было непостижимо.

Вечером мы отправились на работу. Сели в автобус на нашей Бурма-роуд и поехали до университетской больницы. Всю дорогу я молчала, глядя в окно и пересчитывая проплывающие мимо дома: один, два, три, четыре… Пятьдесят пять, пятьдесят шесть. Доехав до места, мы зашагали к перекрёстку улиц Аддис-Абеба-драйв и Чёрч-роуд. Настроение у меня было отвратное, но Энала с Джемимой, казалось, не замечали этого.

В ту ночь нас замели, и мы оказались в полицейском участке района Кабвата. При появлении ночных бабочек все сразу оживились, пришли поглазеть на наши аппетитные формы и выбрать себе девушку по вкусу. Пока все толкались и галдели, разбирая девушек, я всё смотрела на обезьянник, потому что там сидел… Али. Меня потащил на выход какой-то коротышка, а я закричала и попыталась вырваться, чтобы подбежать к брату, но получила под дых.

Я видела, как вспыхнул Али, когда мужики в обезьяннике заржали:

«Сейчас она тебя арестует, *бвана*».

«Во разоралась».

Полицейский выволок меня на улицу, запихал в машину и повёз в неизвестном направлении. Я же так горько плакала, что не запомнила дороги. *Как я доберусь обратно*? Я всматривалась в темноту, в светящиеся окна домов, пытаясь понять, где мы находимся. Район показался мне незнакомым.

— Ух ты, — наконец подала голос я. — Неплохое местечко.

Коротышка хмыкнул. Рёв мотора взрывал ночную тишину.

— Небось ты большой начальник, — продолжала я, понемногу приходя в себя.

Мы остановились возле ворот с табличкой: «Осторожно, злая собака». Коротышка открыл ворота, вернулся в машину и загнал её во двор, в глубине которого стоял дом со светящейся верандой. Ничего не говоря, полицейский жестом велел мне зайти в дом, и я подчинилась.

Меня привезли не в гостиницу, не в съёмное жильё, а в собственный дом, и радоваться тут было нечему. От страха меня прошиб пот, но я старалась не подавать вида. Никакой собаки, ни злой ни доброй, поблизости не наблюдалось.

Тишина стояла такая, что было слышно, как шуршит снимаемый полицейским китель. Я испуганно вздрогнула, а коротышка склонил голову набок, наслаждаясь моим страхом. Потом он запер дверь. Я в панике огляделась: окна веранды были убраны в решётки, бежать некуда. Меня начало трясти.

Закурив сигарету, полицейский прошёл на кухню, вытащил из холодильника бутылку пива и сыпанул туда какого-то белого порошка. Подошёл ко мне. *Господи, да он сейчас убьёт меня.* Я жалела лишь о том, что не успела поговорить с Али, что не обняла на прощание Эналу и даже Джемиму. Коротышка схватил меня за руку, да так больно, что я упала на колени.

— Пей, — приказал он.

Я сделала глоток, потом другой, и уже через полминуты паника сменилась эйфорией. С идиотской улыбкой я поднялась на ноги и проследовала за ним в комнату. Мужчина подошёл к шкафу, вытащил оттуда светло-зелёный костюм, цветастую блузку и велел переодеться, сказав, что я буду Анжелой.

— Ан-же-ла, — пробормотала я, ничего не понимая, а потом вырубилась.

Я очнулась на заднем дворе того же самого по-

лицейского участка. Меня прислонили к дереву, переодев в чужую лиловую футболку и прикрыв *читенге*. Я ощупала себя, удивившись, что деньги остались при мне. С трудом поднявшись на ноги, я заковыляла к дороге, чтобы попасть в участок. Бесполезно успокаивать себя тем, что мне просто приснился страшный сон. Коротышка опоил меня снотворным и изнасиловал, извергнув в меня своё семя. От беспомощности и злости я заревела.

Немного успокоившись, я вошла в участок и поискала глазами дежурного. Он сидел со скучающим видом и принимал заявления граждан, допрашивая их так, словно они были подозреваемыми.

«Вы точно уверены, что ваша дочь сбежала из дома, мадам?»

«Мадам, это семейные разборки, мы не имеем права вмешиваться».

«Это вам в транспортный отдел, приходите завтра утром».

Когда подошла моя очередь, я сказала, что ищу тут моего брата. Дежурный очень удивился, что я говорю не на ньянджа, а на английском.

— Назовите имя вашего брата, мадам.

Надо же, и этот называет меня *мадам*. Очень

впечатляюще, особенно после того, что случилось со мной ночью.

— Его имя — Алисинда Джеймсон Мвия.

— Вашего брата перевели в следственный изолятор в Камвале.

— Когда?

— Сегодня, мадам.

Я разочарованно выдохнула.

Выйдя на улицу, я отправилась в городок Тикондане, меня тянуло туда, как мотылька на свет в ночи, потому что в душе было черным-черно.

Я столкнулась с Элишей у дверей его кабинета, и мне сразу захотелось расплакаться, чтобы меня пожалели, спросив: «Что случилось, мадам?» Но нет, после дежурного полицейского это слово утратило свое очарование, лишилось той душевной теплоты, которую я приписывала только Элише.

И он действительно спросил меня, что случилось, а я просто стояла, обхватив себя руками, не в силах подобрать правильных слов. Ну как объяснить ему, что в конце недели мне придётся расплачиваться телом с собственником дома, — это не считая аренды? Как объяснить, что целую неделю я держалась в топе лучших проституток Лусаки только ради того, чтобы вернуть подругу,

которая и ввела меня в эту профессию? Как рассказать, что некая Джемима вбивает между нами клин? И что ночью страж порядка подсыпал мне снотворное и изнасиловал? Да, и ещё моего брата арестовали. Ну *как* я ему всё это расскажу?

— У меня кончились презервативы, дайте мне ещё, — вдруг брякнула я, чтобы уязвить Элишу. Но он только улыбнулся и сказал:

— Что ж, прекрасно, Чимука. Проходите.

Он открыл дверь кабинета пошире, пропуская меня вперёд. *Значит, ему совсем плевать на меня.* Почему-то вспомнились слова молитвы, что мы читали в предыдущий раз. Я подумала, что, может, в отсутствие Грейс он проявит ко мне больше нежности и понимания. И вот я решилась, рассказала ему всё-превсё. Про лупоглазую сову, про Тате и его портрет, про Сандру с тёмно-оранжевой кожей, про дождь на папиных похоронах, когда земля стала кровавой. Про военный переворот, из-за которого моему брату Куфе вовремя не оказали врачебную помощь. Про разноцветные таблетки, которые собирала мама… Про Алисинду-младшего, который попал в беду, а ведь, кроме него, у меня больше никого не осталось. А потом я не выдержала и расплакалась.

Сколько горестных историй было рассказано в

стенах этой комнаты, сколько таких несчастных девочек и мальчиков видел Элиша. Но он внимательно слушал меня, кивал, а я всё говорила и говорила, пока не охрипла.

Прозвенел звонок, и школьники Тикондане высыпали на улицу, распевая знакомую с детства песенку: «Хороший выдался денёк, как поживаешь, паренёк? Давно пора нам подружиться, чтоб в танце закружиться!» Да, я давно не видела вместе столько счастливых детей.

— Я устрою тебе свидание с братом, — пообещал Элиша.

— Спасибо, — сказала я и снова заплакала.

Глава 22

На проходной следственного изолятора Камвалы Элиша предъявил свои документы, заполнил какие-то бумаги, и нас впустили на территорию. Атмосфера вокруг крайне тягостная, и даже кипенно-белые формы полицейских кажутся тут неуместными.

Комната свиданий. Два амбалистых охранника приводят моего Али, и я вижу, как он осунулся, лицо всё изъедено фурункулами. Он не похож на мальчишку, который просто нюхает клей, это что-то гораздо более опасное.

Какое-то время мы оба молчим, Али хмурится, а потом спрашивает с надеждой:

— Ты мне принесла чего-нибудь?

Я краснею, что не догадалась приготовить передачку, но Элиша даёт ему несколько банкнот. Али молча пересчитывает их и суёт в карман безо всяких слов благодарности.

— Что ты натворил? — спрашиваю я.

— Да ничего особенного, сестрёнка, — отвечает Али, отводя взгляд. — Во всяком случае, никого не убил. Но это уже не первый арест, и, похоже, дело

кончится сроком. — Увидев, как я расстроена, он с упрёком говорит: — Не все же могут торговать телом, чтобы выжить.

Я растерянно молчу, но потом всё-таки спрашиваю:

— Но почему ты не вернулся ко мне тогда? Почему не давал о себе знать? Почему ничего не сказал?

— А ч-что я д-должен был с-сказать? — От волнения Али начал заикаться. — Я что, должен был прийти и сказать — мол, «привет, сестра, это я, меня уже дважды ловили за распространение наркотиков»? — Издав горький смешок, он опускает голову и бормочет: — Но дело даже не в этом. На меня озлился один полицейский, *нинаканьенга камвана каке*[119].

Я больно сжимаю кулачки и оглядываюсь на охранников: интересно, они поняли, о чём речь? Али поднимает на меня глаза и прибавляет на английском:

— Теперь уж меня надолго упекут.

— Надолго? — переспрашиваю я, чувствуя, как свербит в горле.

— Ну да, — отвечает Али. Сейчас он так похож

---

[119] Сноски: 119
Я трахнул его несовершеннолетнюю дочь.

на Тате, который всегда был добрым, порядочным человеком и не преступал закон. Всё происходящее просто не укладывается в голове.

— Ты меня обокрал, — вдруг говорю я. Нет, я не обвиняю, я скорее спрашиваю. Я с надеждой гляжу на брата, ожидая, что он как-то объяснится.

Он выдавливает из себя смешок, презрительно кивает на Элишу:

— С кем это ты припёрлась?

Меня передёргивает. Лицо Тате, а спрашивает Али.

Господи, что он несёт.

— Что будет с тобой дальше? — устало спрашиваю я.

— Ну, будет суд, на котором они скажут, какой я весь из себя плохой и опасный. Обворовываю людей, укуриваюсь вусмерть… — Али замолчал. В глубине души этот костлявый пацан с испещрённой нарывами кожей всё ещё остаётся ребёнком, именно так я его и воспринимаю сейчас. — Так ты чего пришла, Чимука?

— Потому что ты мой младший брат, — шепчу я. *Нет, я не буду плакать.*

— Ха-ха-ха, — хмуро сказал он. — Так кто этот чувак? — Он опять кивает в сторону Элиши, и тот осмеливается заговорить.

— Привет, Алисинда. Твоя сестра много о тебе рассказывала. — Элиша говорит с Али ласково, как с маленьким обиженным ребёнком, и я благодарно улыбаюсь. — Зовут меня Элиша Банда, и я работаю в проекте Тикондане.

— А, *ийа йама хуле*[120].

— Али… — Я поморщилась.

— Знаешь что, сестрёнка, ты лучше не приходи больше, — резко говорит Али и поднимается из-за стола.

– *Нтави ясила*[121], — гаркнул охранник, и все присутствующие загремели стульями, готовясь покинуть комнату для свиданий.

Мы вышли на улицу, под палящий зной. *Должно быть, Али не хотел, чтобы его видели в таком беспомощном состоянии*, — подумала я. Мою догадку подтверждает Элиша, когда мы садимся в автобус.

— Твоему брату было неудобно разговаривать при постороннем человеке, — говорит он. — Но всё равно хорошо, что мы съездили. Главное, что он жив.

Только сейчас до меня начинает доходить вся

---

[120] Сноски: 120
Это тот (проект), который занимается проститутками.

[121] Сноски: 121
Время (свиданий) окончено.

трагичность ситуации. Мой брат в тюрьме. Он больше не прикалывается и не ёрничает. Он словно скукожился до маленького несчастного мальчика.

Мы с Элишей едем в городок Тикондане.

Сегодня тут многолюдно. Во дворе возвели белый мобильный павильон, возле которого толпится народ. Я вопросительно гляжу на Элишу.

— Сегодня пятница, — напоминает он.

Ах да, бесплатные медицинские осмотры. Сердце болезненно ноет: последний раз я имела дело с докторами, когда пила таблетки, чтобы избавиться от ребёнка. Элиша останавливается, чтобы поговорить с кем-то из знакомых, а я захожу в павильон, обклеенный плакатами:

«Проверь свой ВИЧ-статус».

«На глазок не определишь».

«ВИЧ — это ещё не смертный приговор».

«Пользуйтесь презервативами».

«Бесплатные анализы крови на разные заболевания».

«Бесплатные взвешивание и замер давления».

«Бесплатная консультация доктора».

Я присаживаюсь на стул и жду своей очереди, зная, на что именно хочу провериться. Через десять минут меня подзывает улыбчивая медсестра

с бейджиком «Шарон». Шарон здоровается и протягивает буклет с перечнем доступных услуг.

— Хочу сдать анализ на ВИЧ, — говорю я.

Шарон проводит со мной краткий ликбез, объясняет, как передаётся инфекция, что при этом происходит в человеческом организме и какие профилактические меры требуются.

— Обыватель воспринимает ВИЧ как клеймо, — говорит Шарон, — и это ещё одна огромная проблема. ВИЧ — вовсе не смертный приговор. ВИЧ-инфицированные, если следят за своим здоровьем, способны надолго продлить свою жизнь, лет на пятнадцать.

Господи, пятнадцать лет. Мне было одиннадцать, когда умер Тате, тринадцать, когда умерла мама. А ВИЧ-инфицированный проживёт всего ещё пятнадцать лет? Сразу же вспомнился Тате в компании с легкомысленной Сандрой. Вот они идут обнявшись, заходят в бар… Вот Тате идёт под дождём, прихрамывая… Тате харкает кровью… Мёртвый Тате… Шарон объясняет: через душ или посуду от ВИЧ-инфицированного заразиться нельзя, это предрассудки. Почему-то сразу вспомнилась зелёная чашка с покоцанными краями на могилке Куфе… Сквозь пелену до меня доносится голос Шарон: нужно обязательно следить за сво-

им здоровьем, чтобы не подхватить туберкулёз, так как я нахожусь в зоне риска. Туберкулёз?.. Точно, ведь мама говорила Бана Муленге, что у папы туберкулёз. Я вспомнила, что и Куфе был подвержен постоянным простудам… Шарон объясняет, почему важно знать свой ВИЧ-статус: если он отрицательный, нужно быть грамотным и подкованным, чтобы не заразиться, а уж если положительный — придётся хотя бы поддерживать своё состояние, чтобы не становилось хуже. *Вот Мутале. Она ВИЧ-инфицированная. С виду и не скажешь.*

В павильоне много людей, некоторые ждут результатов анализов, их выносит из дальнего кабинета другая медсестра. Я наблюдаю за их реакцией: радость и облегчение или страх в глазах. Вот и моя очередь. На руке завязывают жгут и берут кровь из вены. Пробирку уносят в лабораторию и просят подождать. Я напряжённо сижу в уголочке, время тянется бесконечно. Кругом всё белое, как в клинике доктора Иня. Я поднимаю голову и вижу Шарон. Она улыбается, и я плачу от радости. Сколько клиентов прошло через меня, не считаясь с последствиями для моего здоровья. Я — в зоне риска. Я смотрю на распечатку: результат — отрицательный. Шарон что-то говорит, но

я её уже не слышу.

* * *

— Сегодня придёт хозяин дома, он требует, чтобы я расплатилась с ним, но не деньгами, — говорю я Элише. — Не хочу больше туда возвращаться.

— Хорошо, мы что-нибудь придумаем.

Он ведёт меня к небольшому зданию с табличкой «Дом». Тут живёт двадцать детей, к ним прикреплена «мама» и помощница примерно моего возраста. Зовут Пришес.

— Можешь занять кровать возле Пришес. — Элиша указывает на девушку в длинном ярком платье.

Глава 23

Я прожила в центре Тикондане девять месяцев, когда наконец был назначен суд над Али. Здание суда располагалось на улице Объединённых наций. Рядом — тюрьма и медицинский колледж. Мы с Элишей садимся в автобус и едем до места. Ещё совсем недавно мы с Эналой и Джемимой постоянно бывали на улице Объединённых наций, только совсем по другому поводу.

Мы с Элишей входим в здание суда. Тут столпотворение: мамаши бормочут молитвы, жёны пытаются утихомирить непоседливых детей, адвокаты шныряют глазами по залу, выискивая клиентов, кто-то громко разговаривает по мобильнику. Нас приглашают войти в зал заседаний, мы пробираемся поближе к скамье подсудимых. Наконец приводят Али. Футболка болтается на его тощем теле, как на пугале, руки заведены за спину и сцеплены, хотя он без наручников. Всё это кажется каким-то страшным сном, и мне хочется проснуться, как будто это всё неправда.

— На каком языке будете говорить? — спраши-

вает судья.

— На английском. — Голос Али звучит почти как у Тате. Я вижу только его спину, так как он стоит лицом к судье.

— Назовите ваше полное имя.

— Алисинда Джеймсон Мвия-младший.

— Алисинда Джеймсон Мвия, сколько вам лет?

— Пя-пятнадцать…

По залу проносится шёпот.

— Алисинда Джеймсон Мвия, вас обвиняют в распространении… — В голове у меня словно отключается звук, остальных слов я уже не слышу. Приговор должны были выносить на следующий день, но Али попросил меня не приходить. Я знаю, что его должны отослать в исправительную колонию, это всё же не совсем тюрьма, потому что мой брат — несовершеннолетний. Перед глазами всё время стоит картинка, как его выводят из здания суда — со сцепленными за спиной руками. Я помню, как Али оглянулся, и я увидела одновременно и Тате, и своего младшего брата. В глазах его отголоском нашего детства плясали озорные огоньки. Прошли времена детских игр и глупых ссор, это взрослая жизнь. Али чуть заметно улыбнулся, обнажив щербинку меж зубов, и на какое-то краткое мгновение я увидела в нём

своего маленького брата, который уже никогда не вернётся, потому что он вырос.

Я иду домой, считая шаги, чтобы успокоиться.

Я возвращаюсь в городок Тикондане. Мы садимся с детьми в круг и распеваем вместе песенку «Хороший выдался денёк. Как поживаешь, паренёк? Давно пора нам подружиться, чтоб в танце закружиться!»

* * *

С тех пор прошёл год. Я и сама не могу объяснить себе, почему осталась жить в центре Тикондане. Помню, как боролась с тягой понюхать клей или выпить пива. Эта привычка была так сильна, что я даже прошла через небольшую ломку, но справилась. Думаю, за это я должна быть благодарна этим шебутным, наивным и смешным детишкам. Они требуют много внимания и любви, и я понемногу начинаю забывать весь этот долгий и трудный путь, который мне пришлось пройти, прежде чем оказаться в Тикондане.

Днём я занимаюсь с детьми, а вечером хожу на занятия. Кажется, моя мечта стать преподавателем английского понемногу сбывается. Все свои знания я сразу же применяю на уроках. А перед сном рассказываю детям сказку на смеси

английского и лози.

– *Лизази лео*… — начинаю я.

– *Ша*? — хором спрашивают ребята.

— Однажды жила-была на свете голодная гиена. — Я вдруг замираю, прислушиваясь. Мне кажется, что где-то за окном ухает сова. Я оборачиваюсь и гляжу вдаль, выискивая среди деревьев подслеповато мигающую птицу скорби. Я всё гляжу и гляжу, затаив дыхание, но ничего не вижу. А потом вдруг понимаю, что это бибикает последний автобус, собирающий последних пассажиров.

Больше никто не пророчит смерть.

Жизнь продолжается.